

9

2024

50 ЛЕТ
ЖУРНАЛУ

ISSN 0132-1625

СОЦИОЛОГИЯ

Динамика неравенств

Что остается в исторической
памяти россиян?

От российской идентичности
к формированию
политической нации

Как готовят инженеров?

НАУКА
— 1727 —

Вызовы для этносоциологии

Журнал основан
в июне 1974 года

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 3 МАРЕЕВА С.В. Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия
- 17 ЛАТОВА Н.В. Удовлетворенность россиян разными аспектами жизни: десятилетний тренд на фоне социально-экономических кризисов
- 30 ОКОЛЬСКАЯ Л.А. Эмоции россиян в 2014–2024 гг.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

- 43 ПОПКОВ Ю.В. Антропологический переворот и вызовы для этносоциологии (приглашение к дискуссии)
- 56 РЫЖОВА С.В. Ценностные опоры российской идентичности в условиях внешних вызовов
- 67 КУЗНЕЦОВ И.М. Динамика изменения профиля российской идентичности в 2021–2023 гг. (на примере Республики Саха (Якутия))

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- 79 ТЮРИНА И.О., КЛЮЧАРЕВ Г.А. Итоги проекта «5-100»: проекция на трудоустройство выпускников
- 89 ЧЕРЕДНИЧЕНКО Г.А. Инженерная подготовка в структуре высшей школы и профессионального выбора молодежи

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

- 100 СЮЭ ЖАНЬЖАНЬ, ЛУКИН А.В., БОЧАРОВА А.П. Развитие стереотипа «боевой народ» о россиянах (дискурс- и контент-анализ китайских медиа и социальной сети «Вэйбо»)

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- 114 БАЛАБАНОВА Е.С., ДАНИЛОВА К.И. «Враждебное» поведение руководителя как социальный феномен: причины и стратегии преодоления

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 125 ГОРШКОВ М.К., БАРАШ Р.Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй)
-

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 138 ЧИЧИНИНА Е.А., ТВАРДОВСКАЯ А.А., ВЕРАКСА А.Н. Активное и пассивное экранное время детей 5–6 лет
- 145 ЖЕГУСОВ Ю.И., МАКСИМОВ Т.Х. Восприятие населением влияния изменений климата на условия жизни в холодном регионе (на примере Республики Саха (Якутия))

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 152 ЗЫРЯНОВ В.В. Докторские диссертации по социологии, успешно защищенные в 2023 г.

ЮБИЛЕИ

- 154 Поздравляем О.В. Аксенову
- 156 Поздравляем З.Т. Голенкову
- 158 Поздравляем А.Ю. Чепуренко

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 159 ТЕМНИЦКИЙ А.Л. Как научить студента-социолога квалифицированному анализу данных в программе SPSS?

- 169 КОРОТКО О КНИГАХ

- 170 ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД

- 175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

Социальная структура. Социальная политика

© 2024 г.

С.В. МАРЕЕВА

НЕРАВЕНСТВО В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В МОНЕТАРНОМ И НЕМОНЕТАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ДИНАМИКА ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

МАРЕЕВА Светлана Владимировна – кандидат социологических наук, заведующий Центром стратификационных исследований, НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (smareeva@hse.ru).

Аннотация. В статье на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ рассматривается динамика монетарного и немонетарного неравенств в российском обществе в последнее десятилетие через призму построенных на их основании моделей социальной стратификации. Показано, что монетарное и немонетарное неравенства во многом совпадают по своей конфигурации и характеризуются схожей динамикой. Сегодня российское общество представляет собой общество доминирующих по численности средних слоев как по доходам, так и по качеству жизни, и характеризуется дальнейшей динамикой «выравнивания по медиане» в массовых слоях населения. На микроуровне положение индивида в иерархии по доходам не всегда совпадает с соответствующим положением в иерархии по качеству жизни. Высокие или низкие доходы влияют на вероятность иметь те или иные возможности или риски, но не задают жестко соответствующее положение в иерархии немонетарных неравенств. Более того, однородность современного российского общества по качеству жизни оказывается даже выше, чем по доходам – это означает, что те или иные жизненные обстоятельства нивелируют разницу доходов, приводя к схожему положению людей с разным их уровнем. Полученные результаты демонстрируют нетривиальность задачи по снижению неравенства.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство • монетарное неравенство • немонетарные неравенства • модели стратификации • средние слои

DOI: 10.31857/S0132162524090012

Теоретико-методологические основания анализа и эмпирическая база. Неравенство сегодня признается одним из ключевых глобальных вызовов социально-экономической устойчивости. Основания, проявления, последствия и динамика неравенства находятся в фокусе дискуссий о возможных векторах устойчивого развития как глобальных, так и страновых. Интерес к этой теме не снижается в силу трансформаций обществ, требующих переосмысления типов, причин и роли неравенств в современном мире. Экспертное сообщество и политики концентрируются на глобальных и страновых мерах по управлению неравенством. Два последних всплеска интереса к проблеме

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

социально-экономического неравенства, обусловленные глобальным экономическим кризисом 2008–2009 гг. и коронакризисом, сфокусировали исследовательскую повестку на многомерности неравенства, его субъективных аспектах, а также на оценке результативности мер политики, направленной на его сокращение. Вызовы текущего момента, существенно увеличивающие неопределенность глобальных условий развития, повышают актуальность исследований в этой области, особенно с учетом того, что негативные последствия неравенства не ограничиваются экономической сферой и проявляются одновременно на нескольких уровнях – индивидуальном, межличностном и уровне общества в целом [Wilkinson, Pickett, 2010].

Экономисты работают, прежде всего, с монетарными (денежными) неравенствами доходов и богатства, отмечая тенденцию их роста или как минимум устойчивости их масштабов [Piketty, 2014; Milanovic, 2016]. Социологи традиционно исследуют немонетарные (неденежные) неравенства, обращая внимание не только на их сохранение и углубление, но и на новые измерения [Grusky, 2011]. Немонетарные неравенства все чаще попадают в поле управленческой повестки, расширяя понимание вызовов, которые стоят перед современными обществами и возможностей для ответов на них [UNDP, 2024].

Актуальна проблема неравенства и для устойчивого развития России. При этом в фокусе внимания исследователей чаще оказываются отдельные ее аспекты (например, бедность и средний класс), чем комплексный анализ, хотя есть исключения – например, масштабные монографии коллектива под руководством О.И. Шкаратана [Шкаратан, 2012; Нова ли..., 2016]. С разных сторон с проблематикой неравенства работают и экономисты, и социологи [Овчарова и др., 2016; Горшков, 2016; Аникин, Тихонова, 2016; Капелюшников, 2017; Козырева, Смирнов, 2018; Ибрагимова, Франц, 2019; Проблемы..., 2021; Малева и др., 2022].

Задача снижения неравенства зачастую ставится в единой связке с решением проблемы бедности. Однако в новом Указе о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹ эта задача впервые получила количественные целевые показатели: согласно Указу, необходимо достигнуть снижения коэффициента Джини до 0,37 к 2030 г. и до 0,33 к 2036 г. (в 2023 г., по предварительным данным, коэффициент Джини составил 0,405²). Такая постановка вопроса дает возможность отследить прогресс в решении задачи снижения монетарного (денежного) неравенства в одном из его измерений, однако за скобками остаются немонетарные (неденежные) измерения неравенства, которые сложнее для оценки и мониторинга с точки зрения их динамики. Кроме того, даже снижение более понятного с точки зрения его измерения денежного неравенства может происходить за счет разных процессов – улучшения положения нижних слоев или ухудшения положения верхних. Отслеживание только лишь динамики коэффициента Джини не позволяет понять, как именно меняется конфигурация денежного неравенства в обществе, как оно распределяется между разными группами. Для определения общих контуров и специфики многомерного пространства неравенства в российском обществе, а также для выявления тенденций его изменения данных о динамике коэффициента Джини вкупе с традиционными статистическими показателями недостаточно. Важно осознавать, что стоит за общей картиной, какова численность групп с различным положением в пространстве неравенств, где проходят границы между нормой, благополучием и неблагополучием, какие зоны они формируют, и как эта ситуация меняется со временем.

Специфику монетарного и немонетарных измерений неравенства в российском обществе в последние годы можно увидеть через призму социологического подхода,

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lykmi79svc665998886&index=1> (дата обращения: 27.08.2024).

² ФСГС РФ. Коэффициент Джини (Индекс концентрации доходов) в целом по России и по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nb_Rd_1–2–5.xlsx (дата обращения: 27.08.2024).

в частности – через особенности моделей социальной стратификации. На сравнительный анализ конфигурации неравенств в рамках двух таких моделей, отражающих специфику монетарного и немонетарных неравенств, и оценку их динамики в последнее десятилетие направлена данная статья.

Методология исследования и эмпирическая база. При анализе монетарного неравенства в данном случае мы говорим о неравенстве доходов, используя показатель среднедушевого ежемесячного дохода в домохозяйстве индивида. Неравенство богатства среди массовых слоев населения было сознательно вынесено за скобки данной работы, поскольку оно релевантно в основном для анализа не попадающей в массовые опросы «верхушки», где концентрируется богатство, создавая высокое неравенство даже в рамках небольшой подгруппы (нельзя не отметить, что для России именно эта проблема стоит очень остро, выделяя ее на фоне других стран мира [Мареева, 2020]). Что касается массовых слоев населения, дифференциация их активов сравнительно невелика и во многом связана с наследием советской эпохи, поскольку наиболее дорогостоящим активом здесь является жилье [Богомолова, Черкашина, 2020].

Для выявления конфигурации неравенства по доходам в массовых слоях населения³ мы опирались на модель доходной стратификации – это одномерная модель, позволяющая выделить группы с разным уровнем доходов, характеризующиеся качественными отличиями между собой. В той версии относительного подхода, которую мы использовали, «отправной точкой» выступает распределение доходов, характеризующее конкретное общество в данный момент времени, и границы доходных групп установлены относительно медианы этого распределения, отражающей социальную норму уровня доходов в обществе, а не предзаданы конкретными суммами, как при абсолютном подходе. Для определения границ мы опирались как на международную практику, так и на результаты эмпирических проверок на микроданных РМЭЗ НИУ ВШЭ и ряда исследований ИС ФНИСЦ РАН (данная работа проводилась исследовательским коллективом под руководством Н.Е. Тихоновой⁴). В результате была предложена следующая методика выделения доходных групп:

- низкодходные россияне (с ежемесячными подушевыми доходами в их домохозяйствах менее 0,75 медиан);
- медианная группа (0,75–1,25 медианы);
- среднедоходные (от 1,25 до 2 медиан);
- высокодходные (с доходами более 2 медиан).

Общая конфигурация модели доходной стратификации отражает монетарное измерение неравенства в стране. Однако доходы далеко не в полной мере показывают общий уровень социально-экономического благополучия россиян, так как за рамками рассмотрения при этом остаются немонетарные (неденежные) возможности и риски в разных сферах, гораздо более комплексно характеризующие жизнь населения. Для понимания конфигурации немонетарного измерения неравенства был использован альтернативный подход к социальной стратификации, разработанный исследовательским коллективом под руководством Н.Е. Тихоновой, включавшем тех же участников [Общество..., 2022]. Подход построен на выявлении соотношения возможностей и рисков россиян в ключевых сферах жизни, которое и определяет их положение в иерархии немонетарных неравенств.

Ключевой теоретико-методологической рамкой анализа в данном случае выступает неовебериа́нский подход, предполагающий многомерность неравенства, а следовательно, и критериев стратификации [Weber, 1978]. В ходе разработки данного подхода было выделено несколько ключевых «осей» социальных координат: экономические условия жизни, ситуация на работе, возможности сохранения и наращивания своего

³ Далее мы будем говорить о населении в целом, подразумевая массовые его слои, поскольку верхние 3–5% традиционно остаются за пределами массовых опросов.

⁴ Состав исследовательского коллектива: С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, Е.Д. Слободенюк, А.В. Каравай. Подробнее см. [Модель..., 2018].

человеческого потенциала, а также особенности потребления и досуга. Таким образом, данная модель отражает многомерность немонетарных неравенств, проявляющихся одновременно в разных сферах, и при этом не учитывает монетарное неравенство по доходам, что позволяет корректно проводить сравнение двух моделей. Для определения места индивида в иерархии немонетарных неравенств мы оцениваем отклонения имеющихся у него жизненных шансов и рисков как в «плюс», так и в «минус» от типичной для общества «социальной нормы». Эта же идея лежит в основе нашего подхода при построении модели монетарного неравенства, где «нормой» выступает медиана доходов, и границы групп отстраиваются по отношению к ней.

Шансы и риски в каждой из четырех перечисленных выше сфер оценивались через шесть показателей, три из которых относились к позитивной, а три – к негативной привилегированности. Интегральный индекс жизненных шансов, таким образом, включал 24 показателя (см. Приложение). На основании индекса с помощью эмпирических проверок на микроданных РМЭЗ НИУ ВШЭ и ряда исследований ИС ФНИСЦ РАН удалось выделить три массовых страты, качественно различающихся по своему положению в системе немонетарных неравенств:

- нижняя страта, для которой лишения и риски в ключевых иерархиях неравенств, не связанных с текущими доходами, доминируют над жизненными возможностями;
- средняя страта, в которой риски и возможности уравниваются;
- верхняя страта, наиболее заметно отличающаяся по своему положению в иерархии немонетарных неравенств за счет концентрации возможностей одновременно по разным осям, т.е. в разных сферах.

Далее мы оценим динамику численности разных групп в рамках этих моделей за последнее десятилетие, а также проанализируем их соотношение между собой, что позволит выявить специфику конфигурации неравенства в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении. Эмпирической базой выступили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ⁵. Для анализа использовалась репрезентативная выборка каждой из волн, объединяющая россиян от 18 лет и старше.

Динамика монетарного и немонетарного неравенств. Монетарное неравенство находит свое отражение в данных официальной статистики (хотя их возможности в описании конфигурации неравенства, как мы отмечали выше, несколько ограничены), поэтому начнем рассмотрение с них. Данные свидетельствуют о том, что неравенство доходов с России в последние десятилетие медленно снижалось, что происходило, в том числе, за счет сокращения доли доходов в руках верхних 20% населения – хотя в последние годы этот тренд изменился, и коэффициент Джини в 2023 г. вновь преодолел отметку в 0,4. Уверенно снижается в последние годы уровень бедности, демонстрирующий один из «полюсов» доходного неравенства (табл. 1). Показатель бедности за 2023 г. явился историческим минимумом, обновив в этом качестве показатель 2022 г. – и задачами Указа⁶ предполагается продолжение этого тренда.

Если перейти от общей картины неравенства доходов к модели стратификации относительно страновой медианы среднедушевого ежемесячного дохода, то можно оценить, как динамика неравенства доходов, зафиксированная официальной статистикой, отражается

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE – <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>)

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lykmi79svc665998886&index=1> (дата обращения: 27.08.2024).

Таблица 1

Характеристики неравенства доходов в России, 2013–2023 гг.

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*
Коэффициент Джини	0,417	0,412	0,411	0,411	0,410	0,414	0,412	0,406	0,409	0,398	0,405
Децильный коэффициент фондов, раз**	16,1	15,6	15,5	15,5	15,3	15,8	15,6	14,9	15,2	14,0	14,8
Децильный коэффициент***	7,3	7,1	7,1	7,1	7	7,2	7,1	6,9	7	6,6	6,8
Уровень бедности	10,8	11,6	13,5	13,3	13,0	12,7	12,4	12,2	11,1	9,0	8,5
Доля денежных доходов, приходящаяся:											
на нижние 20% населения	5,2	5,3	5,3	5,3	5,4	5,3	5,3	5,4	5,4	5,6	5,5
на верхние 20% населения	47,4	47,0	46,9	46,9	46,8	47,1	47,0	46,5	46,7	45,8	46,4

Примечание. * Предварительные данные. ** Соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами. *** Соотношение между минимальными доходами 10% населения с самыми высокими доходами и максимальными доходами 10% населения с самыми низкими доходами.

Источник: ФСГС РФ. Распределение и дифференциация денежных доходов населения. Уровень бедности. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 17.06.2024). За 2023 г. – предварительные оценки.

в изменении конфигурации неравенства по доходам на основе анализа численности разных доходных групп в общей структуре общества (рис. 1).

Обращаясь далее к немонетарным неравенствам, напомним, что подход через оценку жизненных рисков и шансов позволил выделить три массовые страты: нижнюю,

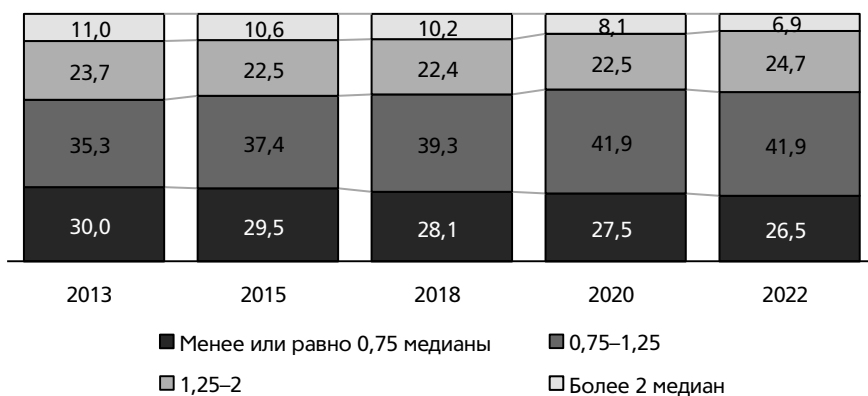

Рис. 1. Динамика численности доходных групп, выделенных относительно медианного дохода по стране, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2013–2022 гг., %⁷

⁷ Модель доходной стратификации построена для населения старше 18 лет в целях дальнейшего сопоставления с моделью по жизненным шансам и рискам, показатели и индикаторы которой применимы только ко взрослому населению страны. При учете детей численность доходных групп несколько меняется – сокращается среднедоходная группа и возрастает низкодоходная, что отражает хорошо известную из эмпирических исследований проблему малообеспеченности семей с детьми (на решение которой в последние годы был направлен целый ряд мер социальной политики), однако общая конфигурация модели сохраняется.

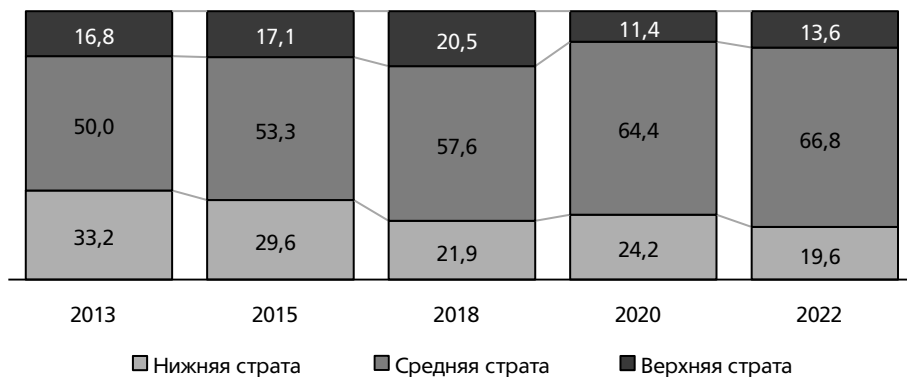

Рис. 2. Динамика численности страт по жизненным шансам и рискам, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2013–2022 гг., %

среднюю и верхнюю. Соотношение их долей в разные годы, отражающее изменение конфигурации немонетарных неравенств, представлено на рис. 2.

Итак, что позволяют сказать данные об изменении конфигурации неравенства в российском обществе в монетарном и немонетарном его измерениях в последнее десятилетие? Сопоставление двух моделей показывает, что монетарное и немонетарные неравенства имеют в современном российском обществе схожую конфигурацию. Это проявляется, прежде всего, в численном доминировании в соответствующих моделях срединных, «типичных» групп. Для модели доходной стратификации такой группой выступает медианная, представители которой характеризуются ежемесячными подушевыми доходами в их домохозяйствах в интервале от 0,75 до 1,25 страновой медианы⁸; для модели стратификации по жизненным шансам и рискам группой, представляющей типичное их соотношение для всего населения, выступает средняя страта, где риски уравниваются и даже несколько превышаются шансами, но о множественных шансах в разных сферах жизни говорить при этом не приходится. Численность этих групп, составляющая более 40% в первом случае и более двух третей – во втором, говорит о том, что значительная доля россиян проживают сегодня в очень близких условиях с точки зрения уровня доходов и качества жизни, характеризующегося теми возможностями и рисками, которые они имеют (хотя их конкретный набор при этом может различаться). Это также означает, что различия в уровне доходов россиян частично нивелируются в силу разных особенностей повседневной жизни, например, неэластичности расходов на здоровье или аренду или, наоборот, возможности решать какие-то вопросы неденежным путем. В итоге средняя страта, репрезентирующая типичное для населения в целом положение в системе немонетарных неравенств, оказывается шире медианной группы по доходам, репрезентирующей аналогичное положение на оси доходного неравенства. Другими словами, более двух третей населения

⁸ Методология ОЭСР, также использующая относительный подход для выделения разных доходных групп, относит к экономическому «среднему классу» население с доходами от 0,75 до 2 медиан [OECD, 2019]. Однако в условиях российского общества предыдущие исследования показывают, что группы с доходами от 0,75 до 1,25 медианы и от 1,25 до 2 медиан достаточно заметно различаются между собой; более того, именно между медианной и средней группой, т.е. на уровне 1,25 медиан, можно провести условную границу монетарного благополучия в российском обществе [Модель..., 2018]. При ее превышении расширяются материальные возможности, появляется потребительский выбор, становятся доступны хотя бы некоторые инвестиции в человеческий капитал, формирование сбережений и пр. Согласно той же методологии ОЭСР, к бедным при этом относятся те, кто имеет доходы менее 0,5 медиан – но для условий российского общества это тоже не совсем корректно: в силу низкой медианы такая граница бедности оказывается заниженной.

оказываются сегодня в очень схожем положении по качественным характеристикам своей повседневной жизни, связанным с ее экономическими условиями, особенностями потребления и досуга, возможностями в сферах образования и здравоохранения, а также ситуацией на работе – независимо от различий в уровне доходов.

Схожи модели распределения монетарного и немонетарных неравенств и в том, что зона неблагополучия оказывается в обоих случаях достаточно широкой и объединяет в себе от пятой части (в случае немонетарных неравенств по возможностям и рискам) до четверти населения (в случае неравенства доходов). Результаты предыдущих исследований, реализованных на данных периода, еще не характеризовавшегося внешними шоками под влиянием пандемии и санкций (2013–2018 гг.), показали, что неблагополучие в рамках обеих этих моделей относительно неглубоко, но при этом более устойчиво, чем благополучие [Модель..., 2018; Общество..., 2022]. Нужно отметить, что в отношении монетарного неравенства за последние 10 лет зона низких доходов сократилась примерно на 12%, а немонетарного – более чем на 40%, хотя это сокращение происходило неравномерно.

Доля благополучного населения по положению на осях монетарного и немонетарных измерений неравенства различается более заметно. В модели доходного неравенства она оказывается выше, объединяет в себе почти треть населения и характеризуется высокой неоднородностью: порог дохода в 2 медианы является границей, разделяющей достаточно разные по своим потребительским возможностям группы среднедоходных и высокодоходных россиян, хотя на фоне остального населения обе они относятся к зоне благополучия [Модель..., 2018]. В модели немонетарного неравенства по жизненным шансам и рискам к благополучному населению может быть отнесена в два раза меньшая доля населения, составляющая верхнюю страту – за счет большей распространенности срединного положения. Более того, если в модели немонетарных неравенств зона благополучия в целом меньше зоны неблагополучия, то в модели монетарного неравенства ситуация обратная, хотя расхождение масштабов этих групп невелико; более того, при учете детей, а не только взрослых старше 18 лет, в этой модели зона благополучия также оказывается уже зоны неблагополучия. Это говорит о том, что даже сравнительно высокие по массовым меркам доходы далеко не всегда приводят к качественному расширению возможностей и снижению рисков. К этому вопросу мы еще обратимся ниже.

Динамика численности разных групп в обеих моделях также оказывается схожа: в отношении как монетарного, так и немонетарного неравенства можно наблюдать расширение и так доминирующей в них по численности срединной зоны: растет группа с «типичными» для россиян доходами (от 0,75 до 1,25 медиан), и равновесным соотношением возможностей и рисков (средняя страта). Более того, и в том и в другом случае такая динамика не ситуационна, не выступает реакцией на внешние шоки, а является продолжением долгосрочной тенденции. В случае доходной стратификации доля медианной группы возросла с 2013 по 2022 г. с 35,3 до 41,9% населения. В случае модели по жизненным шансам и рискам доля средней страты выросла за аналогичный период еще более заметно – с половины населения до 66,8%, то есть процесс «выравнивания по медиане» положения населения в многомерном пространстве немонетарных неравенств носит в данном случае выраженный характер, опережающий конвергенцию по доходам.

Важно, что такая динамика в обоих случаях происходит не только за счет «подтягивания к среднему» тех россиян, которые находятся в зоне неблагополучия, но и за счет сокращения благополучных групп, хотя первый процесс является сравнительно более масштабным. Так, в модели доходной стратификации общая численность благополучных по доходам групп (среднедоходных россиян с доходами от 1,25 до 2 медиан и высокодоходных россиян с доходами более 2 медиан) сократилась за период 2013–2022 гг. с 34,7 до 31,6%, причем это сокращение носило монотонный характер, не реагируя сколько-либо резким образом на внешние шоки. Однако если посмотреть на две подгруппы в составе благополучных по доходам россиян отдельно, то видно, что наиболее заметно сокращалась

численность верхней из них, в то время как численность расположенной ниже среднедоходной даже немного возросла, будучи затронутой общей тенденцией усреднения.

В рамках модели по жизненным шансам и рискам, отражающей немонетарные неравенства, численность верхней страты за последнее десятилетие также сократилась – с 16,8 до 13,6%. Однако динамика не носила монотонного характера – до 2018 г. благополучная по качеству жизни группа, наоборот, расширялась, затем резко «обсыпалась» в период пандемии, а в последующие годы вновь восстановила свою численность. Это свидетельствует, с одной стороны, о неустойчивости наиболее благополучной среди массовых слоев населения в координатах немонетарного неравенства группы к внешним шокам, но с другой – о более высоких адаптационных возможностях ее представителей.

Что касается динамики неблагополучия, то в координатах монетарного неравенства низкодоходная группа медленно, но равномерно сокращалась на протяжении всего периода 2013–2022 гг., в то время как в координатах немонетарного неравенства нижняя страта сильнее реагировала на внешние изменения, в том числе и сменой направления тенденций изменения численности (так, в период пандемии наблюдался ее рост, а затем вновь стало происходить сокращение).

Таким образом, конфигурация немонетарных неравенств характеризуется большей волатильностью долевой представленности полярных групп в этих координатах – верхней и нижней страт, численность которых сильнее реагирует на внешние изменения социально-экономического контекста за счет перераспределения шансов и рисков, в то время как конфигурация монетарного неравенства, если оценивать его в рамках относительного подхода, отталкиваясь от медианы доходов, характеризуется большей монотонностью и более медленным темпом изменений в последние 10 лет. Имеющиеся данные позволяют проследить динамику монетарного неравенства по доходам даже на более длительной перспективе, чем прошедшее десятилетие (что, к сожалению, невозможно реализовать для использующейся нами модели немонетарных неравенств в силу отсутствия в более ранних исследованиях соответствующих индикаторов). Данные показывают, что в долгосрочном периоде конфигурация неравенства по доходам заметно изменилась, причем эти изменения можно назвать качественными. Так, численное доминирование медианной группы стало характерно для нее только в последнее десятилетие. Это отличается от ситуации 2000-х гг., когда наиболее массовой была низкодоходная группа (с доходами менее 0,75 медиан), включавшая в себя около 30% населения [Модель..., 2018]. Однако доля медианной группы, возраставшая на протяжении 2000-х гг., к началу 2010-х гг. стала сопоставима с нижнедоходной группой, а затем и опередила ее, объединив в себе уже около трети населения. В дальнейшем она продолжила свое расширение, составив к 2022 г. уже более 40% населения. Таким образом, за последние 20 лет российское общество прошло путь от общества массовой низкодоходности к обществу массовых средних слоев, причем качественные изменения пришлось на первую половину этого периода, а изменения второй половины закрепили и усилили сложившуюся к началу 2010-х гг. конфигурацию неравенства по доходам.

Соотношение монетарного и немонетарного неравенств. Насколько построенные модели монетарного и немонетарных неравенств пересекаются между собой? Анализ показывает, что несмотря на схожую конфигурацию, их соотношение выглядит в современном российском обществе неоднозначно. С одной стороны, между ними прослеживается взаимосвязь, с другой – на микроуровне они зачастую не совпадают: качество жизни, отражающееся в возможностях и рисках в ключевых сферах жизни, не сводится к доходам. Так, в каждой из страт по жизненным шансам присутствуют представители как низкодоходных (с доходами менее 0,75 медиан), так и высокодоходных (с доходами более 2 медиан) групп, хотя в нижней страте доля первых сравнительно повышена, доля вторых – занижена, а в верхней страте – наоборот. Наиболее типичные медианные доходы (от 0,75 до 1,25 медиан) имеют от 33 до 43% представителей каждой из страт (табл. 2). Только в верхней страте эта группа не является наибольшей, что вызвано смещением доходов

Таблица 2

Соотношение распределения монетарного и немонетарного неравенств: доля представителей разных доходных групп в составе страт, 2022 г., %

Доходные группы	Страты по жизненным шансам и рискам			По населению в целом
	нижняя	средняя	верхняя	
Менее 0,75 медианы	41,6	24,9	12,1	26,5
0,75–1,25 медианы	42,3	43,4	33,4	41,9
1,25–2 медиан	13,4	26,0	35,0	24,7
2 и более медианы	2,7	5,7	19,5	6,9
Итого	100	100	100	100

Примечание. Здесь и в табл. 3 серым фоном выделены ячейки, значения в которых более чем в 1,5 раза отличаются от средних по населению в целом (темно-серым – в большую сторону, светло-серым – в меньшую).

Таблица 3

Соотношение распределения монетарного и немонетарного неравенств: доля представителей разных страт в составе доходных групп, 2022 г., %

Доходные группы	Страты по жизненным шансам и рискам			Итого
	нижняя	средняя	верхняя	
Менее 0,75 медианы	31,1	62,8	6,1	100
0,75–1,25 медианы	20,1	69,3	10,6	100
1,25–2 медиан	10,8	70,4	18,8	100
2 и более медианы	7,7	54,9	37,4	100
По населению в целом	19,6	66,8	13,6	100

ее представителей вверх. В итоге более половины тех, кто благополучен в системе немонетарных неравенств, благополучен и по положению на оси доходов.

С другой стороны, даже высокие, по массовым меркам, доходы обеспечивают попадание в верхнюю страту, благополучную с точки зрения соотношения в ней рисков и шансов, только чуть более чем в трети случаев (37,4%), в то время как более половины высокодоходных россиян оказываются в «типичном» положении в системе немонетарных неравенств, характерном для населения страны в целом и представленном средней стратой. С другой стороны, низкие доходы также чаще всего обеспечивают попадание именно в среднюю страту (62,8% случаев), но в более чем 30% случаев связаны с нахождением в нижней страте, что заметно отличается от ситуации в других доходных группах (табл. 3). Это еще раз говорит о том, что дифференциация доходов частично нивелируется при их трансформации в реальные жизненные возможности и риски, на которые влияют и иные факторы.

Динамика 2013–2023 гг. при этом показывает, что связь положения в системе монетарных и немонетарных неравенств индивидов на микроуровне в целом сохраняет свой характер на протяжении всего этого периода, несмотря на изменение конфигурации самих моделей, в частности, происходящее усреднение по доходам и по возможностям, о котором мы говорили выше. Это хорошо иллюстрируют вероятности для представителей разных доходных групп оказаться в той или иной страте по жизненным шансам и рискам по сравнению с типичными по стране в целом. Так, для низкодоходных россиян

вероятность оказаться в нижней страте в течение всего периода 2013–2022 гг. примерно в полтора раза превышала среднюю по стране. Медианные доходы на протяжении всего этого периода обеспечивали вероятность для их обладателей оказаться в нижней или средней страте так же часто, как и в среднем по стране. Средние доходы в 1,4 раза чаще, чем в среднем, позволяли оказаться в верхней страте, что еще раз подчеркивает различия медианной и среднедоходной группы с точки зрения их интегрального положения в иерархии монетарного неравенства. Наконец, высокие доходы резко (более чем в 2 раза) повышали вероятность оказаться в верхней страте на протяжении всего последнего десятилетия.

Подтверждается и расположение границы благополучия на уровне 1,25 медианы – при превышающих ее доходах вероятность оказаться в нижней страте резко снижается по сравнению с общероссийской, а в верхней – растет (хотя сосредоточены ее представители при этом в основном в середине).

Еще раз подчеркнем, что и зоны благополучия, и зоны неблагополучия в двух моделях, построенных на основании монетарного и немонетарного неравенства, совпадают далеко не полностью, и наибольшая консистентность положения характерна для «середины» – что не удивительно, учитывая, что именно срединные группы оказываются наиболее массовыми и в том и в другом случае.

Таким образом, доходы влияют на имеющийся спектр возможностей и рисков населения страны, но последние определяются далеко не только ими, а общая конфигурация соответствующих структурных позиций и их динамика приводят к тому, что даже высокие, по массовым меркам, доходы, более чем в половине случаев не приводят к значительным отличиям в качестве жизни в целом, а низкие доходы – тоже более чем в половине случаев – не означают множественных рисков при отсутствии каких-либо жизненных возможностей.

Основные выводы. Результаты анализа показали, что конфигурация монетарного неравенства по доходам и немонетарного неравенства по жизненным шансам и рискам в ключевых сферах жизни (экономические условия, ситуация на работе, сфера образования и здоровья, сфера потребления и досуга) имеет общие черты и позволяет описать сегодняшнее российское общество как общество массовых средних слоев. В модели неравенства по доходу более четверти составляет низкодходная группа, чьи доходы не позволяют поддерживать типичный для россиянина образ жизни; около 40% – средние слои, имеющие типичный для всего населения уровень доходов (медианный) и характеризующиеся относительно скромным стандартом жизни, превышающим, однако, стандарт выживания, а остальных можно отнести к верхней части массовых слоев населения, которые, однако, довольно сильно различаются между собой. Модель немонетарных неравенств позволяет выделить неблагополучную нижнюю страту (около пятой части населения), массовую (объединяющую уже около 2/3 населения) среднюю страту, а также наименьшую по численности верхнюю страту.

Обе модели неравенства не продемонстрировали в 2020-х гг. качественных изменений даже в условиях внешних шоков принципиально нового характера, что указывает на их сформированность. В более длительном периоде, охватывающем последнее десятилетие (а для модели доходного неравенства период с начала 2000-х гг.) обе модели продемонстрировали процесс «выравнивания по медиане» положения массовых слоев населения страны как в иерархии неравенства по доходам, так и в иерархии неравенства по возможностям. Таким образом, большая часть населения страны оказывается сегодня в очень близком положении как по уровню доходов, так и по качеству жизни. Массовость «середины» увеличивается не только за счет подтягивания к ней части нижних слоев, но и за счет «осыпания» верхних, что сокращает зону массового благополучия в российском обществе, и так относительно небольшую. Это идет вразрез с запросами наиболее образованных и квалифицированных россиян, поскольку сокращает для них возможности вертикальной мобильности.

Соотношение монетарных и немонетарных неравенств на микроуровне тоже достаточно устойчиво в долгосрочной перспективе, хотя при этом и неоднозначно. Высокие или низкие доходы влияют на вероятность иметь те или иные возможности или риски, но не задают жестко соответствующее положение в иерархии немонетарных неравенств. Более того, однородность современного российского общества по качеству жизни оказывается даже выше, чем по доходам – это означает, что те или иные жизненные обстоятельства нивелируют разницу доходов, приводя к схожему положению людей с разным их уровнем. Это в очередной раз подчеркивает нетривиальность задачи сокращения неравенства, а также необходимость его измерения и анализа через призму не только доходов, но и комплексного подхода к оценкам качества жизни и благополучия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Субшкалы и показатели, использованные для построения модели стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам

Показатели шкалы позитивной привилегированности	Показатели шкалы негативной привилегированности
<i>Субшкала «Экономические условия жизни»</i>	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	Наличие множественных или крупных долговых обязательств
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	Наличие значительных неэластичных текущих расходов помимо долговых обязательств
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	Нестабильность доходов
<i>Субшкала «Ситуация на работе»</i>	
Наличие ресурса влияния на работе	Неблагоприятные условия занятости
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян	Несоблюдение на работе базовых трудовых прав, предусмотренных законодательством
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	Риски длительной безработицы
<i>Субшкала «Возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала»</i>	
Возможность использовать социально привлекательные виды образования для взрослых и детей	Недоступность необходимого образования из числа массовых его форм
Возможность использовать относительно лучшие, чем гарантируются государством, формы заботы о здоровье	Вероятность значимого ухудшения здоровья
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде	Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни
<i>Субшкала «Особенности потребления и досуга»</i>	
Возможность расширенного стилевого товарного потребления	Суженный стандарт предметного потребления
Особая комфортность жилищных условий	Плохие жилищные условия
Хорошие возможности проведения отпуска	Наличие пищевых деприваций

Источник: [Общество..., 2022].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. 2016. № 1. С. 78–144.
- Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 6–33.
- Горшков М.К. Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2016. № 4. С. 693–718.
- Ибрагимов З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей в Российской Федерации: измерение и оценка на микроданных // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 54. № 2. С. 5–25.
- Капелюшников Р.И. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 16. М.: Новый хронограф, 2018. С. 290–318.
- Малева Т.М., Карцева М.А., Кузнецова П.О. Неравенство возможностей в российских регионах: объективные оценки и особенности восприятия населением // Экономика региона. 2022. Т. 18. № 3. С. 673–686.
- Мареева С.В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 78–98.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой М.: Нестор-История, 2018.
- Нова ли Новая Россия? / Под ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова М.: Универ. книга, 2016.
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой М.: Весь Мир, 2022.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. Т. 3. № 31. С. 170–185.
- Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае / Под ред. М.К. Горшкова, П.М. Козыревой и др. М.: Новый Хронограф, 2021.
- Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
- Grusky D. The stories about inequality that we love to tell // The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender / Ed. by D. Grusky, S. Szelenyi. Boulder, CO: Westview Press, 2011. P. 1–13.
- Milanovic B. Global inequality: A new approach for the age of globalization. Cambridge, MASS: Harvard University Press, 2016.
- OECD. Under pressure: The squeezed middle class. Paris: OECD Publishing, 2019.
- Piketty T. Capital in the twenty-first century. Cambridge, MASS: Harvard University Press, 2014.
- UNDP. Human Development Report 2023–2024: Breaking the gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world. N. Y., 2024.
- Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University of California press, 1978.
- Wilkinson R., Pickett K. The spirit level: Why equality is better for everyone. L.: Penguin UK, 2010.

Статья поступила: 08.07.24. Финальная версия: 27.08.24. Принята к публикации: 05.09.24.

MONETARY AND NON-MONETARY INEQUALITIES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: DYNAMICS OF THE RECENT DECADE

MAREEVA S.V.

HSE University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Svetlana V. MAREEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of Centre, HSE University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (smareeva@hse.ru).

Acknowledgement. This article is an output of research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

Abstract. The article examines the monetary and non-monetary inequalities dynamics in Russian society over the last decade through the prism of social stratification models using the RLMS HSE data. It is shown that the general configurations of monetary and non-monetary inequalities share similar characteristics and similar trends. As a result, Russian society today is not only a society of dominant middle strata, both in terms of income and quality of life, but is also characterized by a further dynamic of “median averaging” in the mass strata of the population. The middle stratum in terms of quality of life is larger than the median group in terms of income: more than two thirds of the population are now in a very similar position in terms of the qualitative characteristics of their daily lives, regardless of the fact that their income levels may differ. The configuration of non-monetary inequalities is characterized by greater volatility in the shares of the polar groups, which are more responsive to external changes in the socio-economic context, while the configuration of monetary inequality (assessed using the relative approach based on median income), is characterized by greater monotonicity and a slower rate of change over the last 10 years. In the long run, however, the configuration of income inequality has also changed quite significantly: the dominance of the median group became characteristic only in the last decade. At the micro level, the position in the income hierarchy is not strictly linked to the respective position in the quality of life hierarchy. The results show that the task of reducing inequality is not trivial.

Keywords: monetary inequality, non-monetary inequality, stratification models, middle strata.

REFERENCES

- Anikin V.A., Tikhonova N.E. (2016) Poverty and inequality in the BRICS countries: Russian specifics. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy]. No. 1: 78–144. (In Russ.)
- Bogomolova T., Charkashina T. (2020) The stratification of Russian households by non-financial wealth: Volume, structure and correlates. *Mir Rossii. Sociologiya. Ethnologiya* [Universe of Russia. Sociology/. Ethnology]. Vol. 29(4): 6–33. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2016) Social inequalities in post-reform Russia: a sociological diagnosis. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. No. 4: 693–718. (In Russ.)
- Grusky D. (2011) The stories about inequality that we love to tell. In: *The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender*. Ed. by D. Grusky, S. Szelenyi. Boulder, CO: Westview Press: 1–13.
- Ibragimova Z.F., Franz M.V. (2019) Inequality of opportunity in the Russian Federation: measurement and evaluation on microdata. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. Vol. 54(2): 5–25. (In Russ.)
- Is the New Russia New* (2016)? Ed. by O. Shakaratan, G. Yastrebov. Moscow: Univer. kniga (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2017) Inequality: how not to primitivize the problem. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 4: 117–139. (In Russ.)
- Kozyreva P., Smirnov A. (2018) Scale and dynamics of socio-economic inequality in modern Russia. In: *Russia reforming: a yearbook*. Vol. 16. Moscow: Novyj khronograf: 290–318. (In Russ.)
- Maleva T.M., Kartseva M.A., Kuznetsova P.O. (2022) Inequality of opportunities in Russian regions: objective assessments and peculiarities of the population's perception. *Ekonomika regiona* [Regional Economics]. Vol. 18(3): 673–686. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2020) Monetary inequality in Russia in the sociological dimension. *Vestnik Instituta Sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 3(11): 78–98. (In Russ.)
- Milanovic B. (2016) *Global inequality: A new approach for the age of globalization*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons*. (2018) Ed. by N. Tikhonova. Moscow: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- OECD (2019). *Under pressure: The squeezed middle class*. Paris: OECD Publishing.

- Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. (2016) Decomposition of income inequality factors in modern Russia. *Zhurnal novoj jekonomicheskoy asociacii* [Journal of the New Economic Association]. No. 31(3): 170–185. (In Russ.)
- Piketty T. (2014) *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Shkaratan O.I. (2012) *Sociology of inequality. Theory and reality*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Social equality and justice in Russia and China*. (2021) Ed. by M.K. Gorshkov, P.M. Kozyreva et. al. Moscow: Novyj Hronograf. (In Russ.)
- Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia*. (2022) Ed. by N. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- UNDP (2024). *Human Development Report 2023–24: Breaking the gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world*. New York.
- Weber M. (1978) *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University of California press.
- Wilkinson R., Pickett K. (2010) *The spirit level: Why equality is better for everyone*. London: Penguin UK.

Received: 08.07.2024. Final version: 27.08.2024. Accepted: 05.09.2024.

Н.В. ЛАТОВА

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОССИЯН РАЗНЫМИ АСПЕКТАМИ ЖИЗНИ: ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ТРЕНД НА ФОНЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

ЛАТОВА Наталия Валерьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (myshona@rambler.ru).

Аннотация. На материалах десятилетнего общероссийского мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН анализируется важнейшая часть субъективного благополучия россиян – их удовлетворенность разными аспектами своей жизни. Особое внимание уделено изменениям, связанным с такими событиями, как «Крымская весна», пандемия коронавируса и спецоперация на Украине. Каждое из них в той или иной мере отразилось на удовлетворенности россиян разными аспектами жизни, однако, кризис, начавшийся в 2022 г., обладает рядом уникальных черт. Хотя противостояние с «коллективным Западом» вошло с этого года в фазу обострения, связанный с ним социально-экономический кризис переживается россиянами намного легче, чем аналогичный кризис 2014–2016 гг. Динамика показателей в 2022–2024 гг. демонстрирует качественно новое явление – отсутствие затяжных спадов. Резкий «всплеск» эмоционального негатива в начале 2022 г. был быстро преодолен, российское общество консолидировалось, чему способствовали общие позитивные изменения в разных сферах жизни за последнее десятилетие. В первую очередь это касается характеристик уровня жизни россиян. Заметное повышение удовлетворенности наблюдается в сферах, связанных в большей степени с усилиями самих граждан; менее оптимистичная картина складывается относительно тех аспектов, которые сильнее зависят от государства.

Ключевые слова: субъективное благополучие • удовлетворенность разными аспектами жизни • счастье • социальные настроения • социально-экономические кризисы • качество и уровень жизни

DOI: 10.31857/S0132162524090029

Теоретико-методологические основания исследования. Еще в середине XX в. было замечено, что представления граждан об окружающей их социальной реальности и официальная национальная статистика зачастую сильно расходятся. Начался поиск показателей благополучия, которые бы помогли дополнить и скорректировать данные статистики. Особое внимание уделялось изучению аспектов социальной жизни, связанных с чувствами, эмоциями, переживаниями и ожиданиями.

Теоретическую базу данного дискурса заложили психологические исследования феномена «счастье». Долгое время его изучение велось в основном на уровне абстрактных дискуссий. Наконец, в 1967 г. У. Уилсон [Wilson, 1967] провел систематизацию накопленных знаний и гипотез, что сделало возможным переход к целенаправленному и масштабному сбору эмпирических данных. В начале 1980-х гг. в одной из публикаций Э. Динера в качестве синонима понятия «счастье» был использован новый концепт – «субъективное благополучие» [Diener, 1984]. Именно он стал основным для последующих исследований, проводимых уже не только психологами, но и социологами, и экономистами.

Общепринятого определения категории субъективного благополучия в академическом мире на сегодняшний день так и не сложилось. Сам Э. Динер в более поздних своих работах определил субъективное благополучие как «когнитивную и эмоциональную

оценку человеком своей жизни» [Diener et al., 2002]. В русле данной трактовки была принята трехкомпонентная операционализация данного концепта [Andrews, Withey, 1976], включающая позитивные эмоции, негативные эмоции и удовлетворенность жизнью (в целом и разными ее аспектами).

В 1970-е гг. тема субъективного благополучия появлялась и в работах экономистов, став основой нового научного направления – «экономики счастья». Впервые об этом написал Р. Истерлин [Easterlin, 1974], широкое распространение эта тема получила у экономистов после присуждения в 2002 г. Нобелевской премии по экономике психологу Д. Канеману, показавшему, как особенности мышления и когнитивные искажения влияют на решения людей [Канеман, 2014].

В то время как психологи и экономисты занимались теоретической разработкой понятий и установлением причинно-следственных связей счастья (субъективного благополучия) с другими личностными и социально-экономическими показателями, социологи начали активно включать новый концепт в опросы. Вопрос об удовлетворенности жизнью использовался уже в самых ранних исследованиях «Евробарометра»¹ с 1974 г. В дальнейшем эта тема стала практически обязательной для мониторингов, изучающих общество в целом. Наиболее известны такие проекты, как начатое в 1981 г. «Всемирное исследование ценностей»² и проводящийся с 2005 г. ежегодный «Всемирный опрос Гэллага»³, на данных которого базируются «Международный индекс счастья»⁴, «Индекс лучшей жизни»⁵ и «Всемирный доклад о счастье»⁶. Субъективное благополучие фигурирует также в «Европейском исследовании ценностей»⁷ с 1981 г., и в «Европейском социальном исследовании»⁸ с 2002 г.

Оценки субъективного благополучия как дополнение к традиционным экономическим показателям качества жизни стали активно использоваться и в официальных статистических данных некоторых зарубежных стран [Ura et al., 2023; McLiesh, 2022; Stiglitz et al., 2009].

Похожим образом обстоят дела и в отечественной науке. Теоретическая проработка данного направления исследований привела к пополнению уже существующего понятийного аппарата за счет ряда близких по смыслу концептов: «психологическое состояние общества», «социальное самочувствие» и «социальное настроение». Последний вариант был особенно хорошо проработан [Тоценко, Харченко, 1996], но так же, как и все остальные, все-таки является менее популярным, чем «субъективное благополучие».

В целом в последние два десятилетия в отечественной науке наблюдается подъем интереса к данной теме. Как правило, эти исследования проводятся «на стыке» психологии и социологии, но также встречаются и среди экономистов. Наиболее активно в этом направлении работают Т.А. Нестик [Нестик и др., 2021], А.В. Юревич [Юревич, Юревич, 2012; Юревич, 2019], Е.Б. Шестопал [Шестопал, 2022; Шестопал, Рогач, 2023], А. Лебедев [2018; 2019], Н.В. Латова [2016; 2021], О.Н. Антипина [Антипина, Кривицкая, 2022; Антипина, Кривицкая, 2024], Д.А. Леонтьев [Леонтьев, 2020; Лебедева, Леонтьев, 2022] и др. Несмотря на то что социально-психологические характеристики россиян не входят в официальную российскую статистику, все крупные социологические центры ведут по ним

¹ Eurobarometer. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (дата обращения: 10.08.2024).

² World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Gallup World Poll. URL: <https://www.gallup.com/analytics/318875/global-research.aspx> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Happy Planet Index. URL: <https://happyplanetindex.org> (дата обращения: 10.08.2024).

⁵ OECD Better Life Index. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org> (дата обращения: 10.08.2024).

⁶ World Happiness Report. URL: <https://worldhappiness.report> (дата обращения: 10.08.2024).

⁷ European Values Study. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu> (дата обращения: 10.08.2024).

⁸ European Social Survey. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 10.08.2024).

регулярные мониторинги⁹. Эта тема актуальна для любого крупномасштабного проекта по изучению общественного сознания и российского общества: в их числе РМЭЗ НИУ ВШЭ (см. [Козырева, Смирнов, 2022]) и мониторинг Института социологии ФНИСЦ РАН (см. [Латова, 2024]).

В нашем исследовании мы остановимся на удовлетворенности россиян разными аспектами своей жизни. Эти параметры играют ключевую роль, поскольку именно они во многом определяют умонастроения граждан, а также связаны с их адаптационными стратегиями. Они не только дают представление об общей картине субъективного благополучия, но и указывают на источники позитивных и негативных социально-психологических состояний людей. К тому же они обычно слабо подвержены влиянию кратковременных эмоциональных реакций на сиюминутные события.

Эмпирической базой анализа послужили в первую очередь данные всероссийского мониторинга «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз», проведенного в апреле 2024 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН. Репрезентативный опрос охватил 2000 россиян в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основные социально-профессиональные группы населения. Для изучения динамики показателей использовались базы сопоставимых опросов за 2013–2023 гг. Во всех случаях респондентам задавался одинаковый вопрос: «Как вы оцениваете следующие стороны своей жизни?» и предлагался для оценки список, который постепенно расширился до 21 позиции, охватывающих самые разные сферы жизни россиян.

Удовлетворенность россиян разными аспектами жизни в 2024 г. на фоне противостояния санкциям. В апреле 2024 г. ситуация со всеми аспектами жизни россиян была, согласно их самооценкам, в целом удовлетворительной (табл. 1). Именно удовлетворительная оценка – самая популярная по большинству позиций, за исключением отношений в семье, возможности общения с друзьями, а также доступности Интернета и цифровых технологий, где доминирует оценка «хорошо». В то же время в некоторых сферах оценка «хорошо» встречается довольно редко. Это относится к возможностям выражать свои политические взгляды и получать качественную медицинскую помощь (хорошую оценку им давали 17,8 и 17,5% россиян), а также к удовлетворенности уровнем своей социальной защищенности при потере работы (лишь 13,3%). Оценка «плохо» не доминирует ни по одному аспекту жизни.

Для комплексного анализа удовлетворенности россиян разными аспектами жизни предпочтительнее использовать разницу оценок «хорошо» и «плохо», акцентирующую наиболее яркие переживания россиян. Бесспорный «позитив» (разница хороших и плохих оценок не менее 50 п.п.) наблюдается только с отношениями в семье. Даже возможности общения с друзьями немного не дотягивают до этого уровня (разница 48 п.п.). Похоже обстоит дело с доступностью Интернета и цифровых технологий (43 п.п.). Отметим, что если общение с друзьями важно скорее с точки зрения психического здоровья, то роль цифровых технологий заметно шире, они постепенно внедрились во все сферы жизни. Поэтому можно констатировать, что удовлетворенность этим аспектом жизни все еще недостаточна для современного общества.

На другом полюсе удовлетворенности находятся девять аспектов жизни, по которым разница хороших и плохих оценок либо незначительна, либо оценки «плохо»

⁹ Социальное самочувствие: мониторинг // БЛЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-20032024> (дата обращения: 10.08.2024); Социальные настроения. Весна-лето – 2024 // Фонд Общественное Мнение. 2024. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/15037> (дата обращения: 10.08.2024); Общественные настроения и оценки положения дел в стране: май 2024 // Левада-Центр (АНО «Левада-Центр» включена Минюстом России в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента). 2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/06/26/obshhestvennye-nastroeniya-i-otsenki-polozheniya-del-v-strane-maj-2024> (дата обращения: 10.08.2024).

Таблица 1

Оценки россиянами разных аспектов собственной жизни, 2024 г., в %, отранжировано по разнице ответов «хорошо» и «плохо» в каждом блоке

Аспекты жизни	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Разница оценок «хорошо» и «плохо», п.п.
<i>Повседневная жизнь</i>				
Отношения в семье	59,7	36,2	3,8	55,9
Возможность общения с друзьями	52,4	42,3	4,4	48,0
Место проживания (город, поселок, село)	43,6	50,3	5,9	37,7
Жилищные условия	43,9	48,9	6,9	37,0
Питание	41,0	54,0	5,0	36,0
Одежда	35,2	58,5	6,2	29,0
Положение, статус в обществе	30,5	62,0	7,1	23,4
Возможности проведения досуга	34,2	51,2	13,9	20,3
Состояние здоровья	30,8	57,6	11,6	19,2
Уровень личной безопасности	25,3	61,4	13,1	12,2
Материальная обеспеченность	22,8	60,2	16,8	6,0
Баланс работы и отдыха	22,3	56,0	16,4	5,9
Возможность влиять на то, как складывается жизнь	22,7	60,0	17,0	5,7
Возможность отдыха в период отпуска	24,2	47,9	20,3	3,9
<i>Работа</i>				
Возможность реализовать себя в профессии	41,4	48,5	9,4	32,0
Ситуация на работе	37,3	55,1	7,0	30,3
<i>Обеспеченность общественными благами</i>				
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом	48,5	45,0	5,5	43,0
Возможность получения необходимого образования и знаний	27,6	55,2	12,9	14,7
Возможность выражать свои политические взгляды	17,8	58,9	22,3	-4,5
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	17,5	53,5	28,9	-11,4
Уровень социальной защищенности в случае потери работы	13,3	48,3	38,0	-24,7

Примечания. Среди респондентов некоторые отказывались отвечать, поэтому общая сумма ответов может быть менее 100%. Здесь, а также в табл. 2, светло-серой заливкой выделены аспекты, по которым разница в оценках «хорошо» и «плохо» оказывалась не менее 50 п.п., темно-серой – аспекты с небольшой (15 п.п. и меньше) разницей в этих оценках, черной – получившие отрицательный показатель. По позициям «ситуация на работе», «возможность реализовать себя в профессии» и «уровень социальной защищенности в случае потери работы» данные приведены от работающих.

перевешивают оценки «хорошо». Эти аспекты требуют пристального внимания, так как в основном (за исключением уровня личной безопасности, на восприятие которого сильно повлиял теракт в апреле 2024 г. в московском «Крокус Сити Холле») обозначают хронические проблемы. Пограничную позицию в этом наборе занимает удовлетворенность возможностями получать необходимые образование и знания. С одной стороны, за последние

годы произошло расширение спектра вариантов получения образования, однако, с другой стороны, барьеров для получения наиболее качественных его вариантов меньше не стало. Вследствие этого данный аспект жизни 12,9% россиян все еще оценивают как плохой. Остальные аспекты жизни выглядят заметно более проблемными. Не высока удовлетворенность граждан собственной материальной обеспеченностью, удовлетворенность балансом работы и отдыха, а также возможностями влиять на то, как складывается их жизнь. Все эти аспекты жизни по разнице хороших и плохих оценок оказались сопоставимыми (разница примерно в 6 п.п.). Хуже обстоит дело с удовлетворенностью возможностями отдыха в период отпуска – пятая доля россиян дала им оценку «плохо».

По трем аспектам жизни показатели выглядят удручающе: это – удовлетворенность возможностями выражать свои политические взгляды и получать качественную медицинскую помощь, а также оценка уровня социальной защищенности при потере работы. Примерно от 1/4 до 1/3 граждан эти аспекты жизни оценивают как плохие. Не вдаваясь в детали по каждому из трех аспектов, отметим только проблему с медициной. В 2006 г. в стране началась реализация национального проекта «Здоровье», а в 2019 г. стартовал Национальный проект «Здравоохранение». Низкая удовлетворенность россиян возможностями качественной медицинской помощи в начале 2024 г. свидетельствует о том, что предпринимаемые меры в сфере здравоохранения пока далеки от намеченных целей.

Комплексный анализ восприятия разных аспектов жизни показывает относительно высокую удовлетворенность аспектами, которые непосредственно связаны с работой, это – возможность реализовать себя в профессии и общая ситуация на работе. Также неплохо обстоят дела с разными характеристиками повседневной жизни. При этом удовлетворенность выше по самым простым аспектам повседневности (общение, жилье, питание, одежда и т.п.). По мере усложнения и усиления их зависимости от внешних факторов удовлетворенность заметно снижается и даже достигает границы, которая свидетельствует о назревании проблемы. Например, это касается уже отмеченного ранее баланса работы и отдыха, который зависит преимущественно от внешних правил и норм в трудовой сфере.

В отличие от первых двух блоков ситуация в блоке обеспеченности общественными благами откровенно плоха, здесь чаще всего зафиксирована отрицательная разница хороших и плохих оценок. Можно утверждать, что в российском обществе во многом решена проблема уровня жизни (практически все ее простые характеристики оцениваются россиянами «хорошо»), в то время как качество жизни остается насущной проблемой.

Динамика удовлетворенности разными аспектами жизни. Рассмотрим динамику удовлетворенности граждан страны отдельными аспектами жизни в 2013–2024 гг. и проверим, насколько она подтверждает наши предыдущие умозаключения относительно ситуации 2024 г. (табл. 2).

Отношения в семье и возможности общения с друзьями образуют группу наиболее стабильных показателей, однако и здесь наблюдаются некоторые колебания. Например, разница оценок «хорошо» и «плохо» по возможностям общения с друзьями в 2021 г. составила 37,8 п.п. (при максимуме примерно в 50 п.п. в отдельные годы). Снижение удовлетворенности россиян этим аспектом жизни в данном случае объясняется тем, что, с одной стороны, к весне 2021 г. уже был опыт локдаунов, а с другой – накатывали очередные волны коронавируса. Первое сразу резко сократило возможности общения с окружающими, второе еще более усугубляло ситуацию. Социальные контакты (кроме самых близких и необходимых) многими россиянами вынужденно ограничивались даже вне локдаунов, притом что ясности, когда же ситуация наладится, долго не было. Это и дало наихудший результат по показателю возможности общения с друзьями за весь период исследований.

Самые плохие оценки в апреле 2024 г. связаны с уровнем социальной защищенности в случае потери работы, с возможностью получать качественную медицинскую помощь,

в том числе платную, и с возможностью выражать свои политические взгляды. Все эти три аспекта жизни уже на протяжении ряда лет постоянно входят в топ-3 хронических проблем российского общества; динамика по ним хотя и не стабильна, но все же скорее позитивна. Единственное исключение – оценка возможности выражать свои политические взгляды, которая выглядит наиболее противоречиво.

Из всех трех названных выше показателей наиболее ограничен ряд данных по удовлетворенности россиян уровнем социальной защищенности в случае потери работы. Однако имеющейся информации достаточно для понимания того, что данный аспект жизни – хотя и не ключевой (не определяющий хороших оценок жизни в целом и не решающий для плохого ее восприятия), но важный. Отправная точка изучения этого аспекта жизни – сентябрь 2020 г. – совпадает с периодом, когда российские работники наиболее пессимистично воспринимали свое положение на рынке труда. Индекс стабильности на текущем месте работы по данным HeadHunter был тогда наихудшим¹⁰. Немногом лучше была ситуация весной 2022 г.¹¹, когда защищенность в случае потери работы действительно была сверхактуальной. В 2023 г., судя по материалам сторонних опросов (например, проведенного РАНХиГС)¹², большинство работающих россиян было уверено, что потеря работы в ближайшее время им не грозит. Видимо, эта уверенность и породила те положительные изменения в этом аспекте жизни, которые мы наблюдаем в 2023–2024 гг.

Обратимся к удовлетворенности возможностями получать качественную медицинскую помощь. Это – тоже один из худших показателей. С момента начала его фиксации в 2017 г. плохие оценки всегда перевешивали хорошие. В 2023 г. казалось, что наметился прорыв – оценки «плохо» почти сравнялись с оценками «хорошо» (разница –1,0 п.п.). Однако в 2024 г. эта разница опять стала существенно негативной (–11,4 п.п.), т.е. данная проблема остается одной из самых насущных.

Наконец, ситуация по показателю возможности выражать свои политические взгляды отличается определенной спецификой. До 2020 г. этот аспект жизни воспринимался россиянами не лучшим образом, но все же хорошие оценки превалировали над плохими. В 2020 г. произошли не только количественные, но и качественные изменения. Скорее всего, определенную роль в ухудшении сыграло ограничение проведения массовых мероприятий в марте 2020 г. (в самом начале распространения COVID-19). В итоге негативный пик в этой сфере жизни пришелся на 2021 г. По мере улучшения эпидемической ситуации большинство массовых мероприятий возобновились, но в отношении мероприятий с политической окраской, не согласованных с местными властями, ограничения сохранились. Наконец, в 2022 г. произошел выезд из страны ряда россиян по идеологическим соображениям. Эти события хотя бы отчасти объясняют сначала рост, а в дальнейшем снижение доли неудовлетворенных возможностями выражать свои политические взгляды. Как бы то ни было, сейчас ситуация с удовлетворенностью в этой сфере жизни остается проблемной, но менее острой, чем было в предыдущие годы.

В целом главная тенденция изменений – постепенное улучшение большинства показателей. Например, позитивная динамика прослеживается по оценкам возможности отдыха в период отпуска. Разница между хорошими и плохими оценками до 2024 г. практически всегда была в пользу оценки «плохо», которая в 2020–2021 гг. достигала –18 п.п. В ковидный период международные связи практически отсутствовали, а контакты внутри страны резко сократились, что обедняло возможности отдыха для очень многих россиян. Несколько лучше, но тоже плохо, обстояли дела в 2022 г.: международные связи хотя

¹⁰ Настроение на рынке труда в России накануне 3-го квартала 2020 // HeadHunter. 2020. URL: <https://hhcdn.ru/file/16912617.pdf> (дата обращения: 11.08.2024).

¹¹ Деготькова И. HeadHunter увидел у трети россиян страх потерять работу // РБК. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/06/2022/62a088049a7947860e106736> (дата обращения: 11.08.2024).

¹² Жандарова И. Исследование: Сотрудники российских компаний перестали бояться увольнения // Российская газета. 2023. URL: <https://rg.ru/2023/07/04/rabochij-nastroj.html> (дата обращения: 11.08.2024).

Таблица 2
Динамика разниц оценок «хорошо» и «плохо» для различных аспектов собственной жизни у россиян, 2013–2024 гг., п.п., отранжировано по разнице положительных и отрицательных оценок у россиян в 2024 г.

Аспекты жизни	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Повседневная жизнь												
Отношения в семье	56,3	57,4	53,1	58,7	49,3	53,3	53,0	49,7	55,1	55,5	58,6	55,9
Возможность общения с друзьями	46,3	50,4	46,8	46,5	39,1	46,5	41,7	42,1	37,8	41,9	49,6	48,0
Место проживания (город, поселок, село)	25,2	29,1	22,7	28,1	28,1	22,6	27,5	31,7	28,3	37,0	46,3	37,7
Жилищные условия	23,8	22,3	21,1	30,7	25,0	18,9	27,4	27,2	34,6	37,7	40,1	37,0
Питание	35,3	35,9	23,8	34,9	31,1	28,1	23,7	25,5	27,3	28,5	37,7	36,0
Одежда	19,0	21,9	12,7	19,5	16,6	16,3	12,9	14,8	19,5	18,2	26,3	29,0
Положение, статус в обществе	20,6	27,6	16,0	26,8	19,8	17,9	18,4	17,2	16,2	25,2	28,8	23,4
Возможности проведения досуга	11,2	14,5	7,9	12,5	9,1	7,8	5,2	4,5	4,2	8,5	19,1	20,3
Состояние здоровья	21,1	19,1	15,9	20,7	16,8	13,7	10,1	10,8	16,7	15,5	16,0	19,2
Уровень личной безопасности	12,6	19,5	14,8	26,4	22,4	19,7	21,0	20,5	19,1	23,3	21,3	12,2
Материальная обеспеченность	1,1	2,8	-10,3	-4,7	-1,5	-7,5	-18,4	-17,4	-5,4	-8,7	5,1	6,0
Баланс работы и отдыха	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,9
Возможность влиять на то, как складывается жизнь	-	-	-	-	-	-	-	-12,7	-	-	-	5,7
Возможность отдыха в период отпуска	0,4	-2,1	-8,9	-5,0	-4,0	-8,2	-11,2	-17,7	-17,5	-12,5	-0,8	3,9
Экологическая ситуация в месте проживания	-	-	1,3	7,4	6,9	-2,2	-2,6	3,5	4,7	15,1	20,9	-
Работа												
Возможность реализовать себя в профессии	17,9	20,5	16,3	20,0	12,0	13,0	3,7	13,0	18,0	16,7	27,8	32,0
Ситуация на работе	22,7	24,0	19,5	24,2	14,8	14,8	5,0	12,6	15,5	13,6	23,9	30,3
Обеспеченность общественными благами												
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом	-	-	-	-	-	-	-	-	40,4	35,2	44,0	43,0
Возможность получения необходимого образования и знаний	8,2	10,0	8,0	7,6	8,3	11,1	-2,0	5,6	4,2	5,9	16,2	14,7
Возможность выражать свои политические взгляды	-	-	9,5	15,3	11,0	13,6	1,5	-5,4	-11,4	-3,6	-0,7	-4,5
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	-	-	-	-	-16,9	-20,8	-29,3	-24,7	-20,2	-21,4	-1,0	-11,4
Уровень социальной защищенности в случае потери работы	-	-	-	-	-	-	-	-41,9	-39,6	-38,1	-20,9	-24,7
Жизнь в целом	27,3	30,9	21,1	30,5	20,6	20,3	16,3	13,2	19,0	19,0	28,3	26,1

Примечание. Использованы данные за апрель 2013 г., октябрь 2014 г., октябрь 2015 г., октябрь 2016 г., октябрь 2017 г., апрель 2018 г., июнь 2019 г., сентябрь 2020 г., март 2021 г., март 2022 г., июнь 2023 г. и апрель 2024 г. Сравнение разниц оценок «хорошо» и «плохо» в данном случае правомерно, поскольку за выбранный период исследований масштабных изменений в показателях не наблюдалось.

и возобновились, но из-за антироссийских санкций оставались более затруднительными, чем до пандемии. Зато каких бы то ни было других ограничений для отдыха уже не существовало, так что в 2023 г. наметились сдвиги в лучшую сторону. Конечно, можно дискутировать, за счет чего показатель улучшился. Возможно, после ковидной изоляции любые возможности отдыха стали восприниматься с оптимизмом; или отдых россиян стал более унифицированным, что сказалось на его оценках; а возможно, что сыграла свою роль политика развития внутреннего туризма. Так или иначе, показатель в 2024 г. оказался наилучшим за весь период исследования: разница хороших и плохих оценок составила 3,9 п.п. в пользу оценок «хорошо».

Аналогичная тенденция (позитивная динамика разницы оценок «хорошо» и «плохо») прослеживается и по показателю, связанному с удовлетворенностью материальным обеспечением, а также с возможностями получения необходимого образования. Так, показатели субъективного материального положения за два последних года – наилучшие с 2013 г. Повышение удовлетворенности возможностями получения образования также несомненно. Попутно заметим, что пандемия COVID-19 оказала неоднозначное влияние на этот аспект жизни. С одной стороны, снизилось качество образования, но, с другой – произошел быстрый переход к новым формам взаимодействия в процессе обучения, получило развитие дистанционное образование. Именно эти события определили невысокую удовлетворенность возможностями получать необходимые образование и знания в 2020–2022 г., а также дальнейшее ее повышение в 2023–2024 гг. Тем не менее наметившаяся положительная тенденция пока слишком неопределенна.

Кроме описанных аспектов удовлетворенности жизнью, которые особенно выделяются в лучшую или худшую сторону, есть еще ряд таких, по которым динамика разницы оценок «хорошо» и «плохо» более стабильна: место проживания, жилищные условия, питание, одежда, положение в обществе, возможности проведения досуга, возможность реализовать себя в профессии, ситуация на работе и состояние здоровья. Три первых из этого списка аспекта жизни россияне, как правило, всегда оценивали достаточно высоко, а за последние несколько лет их оценки улучшились. Из остальных отметим удовлетворенность возможностями проведения досуга – этот аспект жизни впервые попал в список приемлемых характеристик жизни в 2023 г. Видимо, проведение большого числа регулярных массовых мероприятий по всей стране дает положительный эффект. Следует обратить внимание на удовлетворенность состоянием здоровья – показатель, который балансирует на грани приемлемого и проблемного, будучи одним из базовых для человеческого капитала нации.

В заключение охарактеризуем ситуацию с аспектами жизни в блоке «работа». Проблемы в этой сфере наметились со второй половины 2010-х гг. В периоды пандемии и СВО в критическое восприятие соответствующих аспектов жизни практически ничего не добавилось. Скорее можно указать на обратное влияние СВО: в 2023–2024 гг. наблюдается улучшение обоих показателей, что закономерно связано с повышением спроса на работников в сфере ВПК и в целом на рынке труда. Однако такое улучшение показателей может оказаться временным.

Сравнение динамики удовлетворенности россиян разными аспектами жизни по макроблокам демонстрирует заметные улучшения в их повседневной жизни в последние годы. Из общей картины выбивается лишь показатель по удовлетворенности уровнем личной безопасности, что с высокой степенью вероятности вызвано проведением опроса вскоре после теракта в «Крокус Сити». Ситуация в блоке показателей, связанных с работой, также улучшилась. Что касается обеспеченности общественными благами, то улучшения в этом блоке незначительны, а главное – в них нет стабильности. В 2023 г., казалось бы, наметился прорыв в удовлетворенности возможностями получать качественную медицинскую помощь, но данные 2024 г. это опровергли; улучшение предыдущего года оказалось ситуативным, связанным с окончанием пандемии. В целом, несмотря на кризис, связанный с СВО и с санкциями против России, в ряде сфер жизни граждан РФ произошли

положительные сдвиги. Крепкие социальные контакты, а также повышение уровня удовлетворенности по базовым потребностям формируют в нашем обществе определенный запас прочности.

Следует также отметить некоторые характеристики динамики субъективного благополучия, важные для понимания уникальности периода 2022–2024 гг. Для этого обратим внимание на показатели 2014–2015 гг. – начало схожего кризиса во время «Крымской весны», а также на 2020–2021 гг. – время локдаунов во время пандемии.

Первый санкционный кризис характеризуется тем, что абсолютно все показатели за 2015 г. оказались хуже, чем за 2014 г. Такой нисходящий тренд в первые годы после начала очередного кризиса – обычное явление, которое наблюдается по самым разным аспектам общественного сознания. Особенно это заметно при изучении социально-психологических состояний россиян, где можно вести речь о явно выраженном «эффекте эха», т.е. о наличии в течении 1–2 лет после кризиса дальнейших (уже менее значительных) ухудшений. Однако такая тенденция не прослеживается на данных 2022–2024 гг.

Особенность ковидного кризиса – ухудшение одних показателей при улучшении других. В целом пандемия COVID-19 – пример особого типа кризисов, которые могут менять приоритеты людей, выдвигая на первый план то, что становится жизненно важным. Удовлетворенность жизнью в целом в год начала пандемии демонстрировала наихудшие показатели (хорошую оценку дали 22,7% россиян, а оценку «плохо» – 9,5%). Но уже в 2021 г. ситуация улучшилась (разница хороших и плохих оценок повысилась с 13,2 п.п. до 19 п.п.). При этом улучшились и показатели по отношениям в семье, жилью, одежде, состоянию здоровья, возможностям получать качественную медицинскую помощь, а также связанные с трудовой сферой. В то же время резко снизилась удовлетворенность возможностями выражать свои политические взгляды. Представляется, что пандемия выявила те показатели, которые тогда являлись ключевыми (обязательными) для россиян в вопросах формирования их позитивного субъективного благополучия. Все они в 2022–2024 гг. показали восходящую динамику.

Наконец, остановимся на данных за 2019 г. Они интересны тем, что из 18 аспектов жизни, которые оценивались в той волне мониторинга, 9 – наихудшие за период исследований, начиная с 2013 г. Такого не наблюдалось больше никогда – ни в кризис 2014–2016 гг., ни в пандемию, ни тем более в период проведения СВО. Судя по всему, 2019 г. был точкой бифуркации, когда стало понятно, что ожидания россиян от «Крымской весны» себя не оправдали. Это наблюдение косвенно подтверждается рядом данных: например, о нарастающем кризисе доверия к 2019 г. высказывался А. Аузан¹³, а СМИ характеризовали этот период как стагнацию¹⁴. Не будем останавливаться на том, как удалось преодолеть эти негативные симптомы, но данные за последние годы указывают на несомненное улучшение самочувствия граждан страны и их оптимизм в отношении будущего.

Заключение. Обществоведы давно отмечают, что на социальное самочувствие влияют не столько объективные характеристики положения людей, сколько удовлетворенность ими. Сопоставление данных дает возможность определить исторические аналоги, которые могут служить отправной точкой для выстраивания социальной политики, ориентированной на стабильную консолидацию.

Хотя противостояние с «коллективным Западом» вошло в 2022 г. в фазу обострения, связанный с этим социально-экономический кризис переживается россиянами намного легче, чем аналогичный кризис 2014–2016 гг. Потрясение и шок после начала СВО

¹³ «Кризис выбивает в будущее всю экономику». Экономист Александр Аузан – о том, как связаны падение цен на нефть и пандемия нового коронавируса // Коммерсантъ. 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4316365> (дата обращения: 12.08.2024).

¹⁴ Базанова Е. Почему за 20 лет Россия так и не перешла от стагнации к развитию // Ведомости. 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/10/08/813068-20-let-stagnatsii> (дата обращения: 12.08.2024).

на Украине, сразу же проявившиеся в 2022 г. в резком росте эмоционального негатива, были преодолены в последующие два года. Проседания показателей субъективного благополучия в 2023 г. не наблюдалось, т.е. динамика показателей демонстрировала качественно новый тренд – отсутствие «отголоска» начала крупномасштабного кризиса. Следует констатировать, что запас прочности, связанный с субъективным благополучием россиян, находится в 2024 г. на достаточно высоком уровне. При этом наблюдаются благоприятные условия для консолидации граждан страны, закрепления позитивных тенденций в общественной жизни. На этом – в целом позитивном – фоне выделяется настораживающая негативная симптоматика в оценке возможностей выражать свои политические взгляды и уровня личной безопасности.

В основе стабильности субъективного благополучия российского общества, несомненно, лежат важные для стран такого типа, как Россия, традиционные социальные контакты – отношения в семье и возможности общения с друзьями. Однако удовлетворенность этими аспектами жизни сама по себе не может привести к быстрому восстановлению показателей самочувствия граждан страны. Этому с большой долей вероятности способствовали общие позитивные изменения в разных сферах жизни россиян за последнее десятилетие. Конечно, в первую очередь это касается характеристик, связанных с уровнем жизни россиян. Даже восприятие материальной обеспеченности – обычно критичное у наших сограждан – оказалось в 2023–2024 гг. не столь негативным, как обычно. Улучшились и другие характеристики, касающиеся как повседневной жизни населения страны, так и его занятости, а также связанные с их обеспеченностью общественными благами. Однако говорить о существенных положительных изменениях в качестве жизни массовых слоев населения еще рано. К тому же просматривается определенная закономерность: более заметное повышение удовлетворенности наблюдается в тех сферах, которые тесно связаны с усилиями самих граждан страны, а относительно тех аспектов, которые в большей степени зависят от государства, ситуация менее оптимистична.

В целом все масштабные проблемы, которые выделяются в российском обществе на основе анализа удовлетворенности разными аспектами жизни его граждан, можно в первом приближении поделить на две группы. К первой относятся те, на которые СВО оказала существенное влияние: уровень личной безопасности, ситуация на работе и др. Ко второй – проблемы, на которые СВО влияла менее значительно: материальная обеспеченность, возможности отдыха в период отпуска, возможности получения качественной медицинской помощи, а также необходимых образования и знаний, возможность выражать свои политические взгляды и т.п. Вторая группа заметно масштабнее первой и это – проблемы, меньше связанные с противостоянием «коллективному Западу» и давно уже требующие своего хотя бы частичного разрешения. На первом месте в этом перечне стоит повышение возможностей получать качественную медицинскую помощь, запрос на которую уже давно четко артикулирован среди подавляющего большинства россиян.

Наконец, необходимо учесть опыт периода «Крымской весны», когда с одной стороны, сказывалось благотворное влияние «объединения вокруг флага» в условиях актуализации внешних угроз, но при этом, с другой стороны, накапливались проблемы, мешающие полностью реализовать потенциал этой консолидации общества. Неоправданные ожидания того периода привели во второй половине 2010-х гг. к длительному и затяжному периоду экономической и социальной стагнации. Сейчас такой вариант развития российского общества, по данным анализа субъективного благополучия, не прослеживается, но полностью исключать повторения ранее допущенных ошибок тоже пока нельзя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипина О.Н., Кривицкая А.Д. Доверие как детерминанта субъективного благополучия в России // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 36–47.
- Антипина О.Н., Кривицкая А.Д. Экономика и счастье в России: эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 48–67.
- Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021) // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 29–41.
- Латова Н.В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 – год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16–37.
- Латова Н.В. Специфика социальных чувств, общественных настроений и духовной атмосферы в стране после года пандемии // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 33–46.
- Латова Н.В. Динамика социально-психологического самочувствия разных групп населения // Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая. Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2024. С. 148–172.
- Лебедев А.Н. Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества // Человеческий капитал. 2018. Т. 6. № 114. С. 66–76.
- Лебедев А.Н. Психологическое состояние общества с позиции макропсихологического подхода // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2019. Т. 4. № 104. С. 41–48.
- Лебедева А.А., Леонтьев Д.А. Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 4. С. 142–162.
- Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.
- Нестик Т.А., Селезнева А.В., Шестопап Е.Б., Юревич А.В. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5. С. 3–14.
- Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996.
- Шестопап Е.Б. Влияние психологического состояния российского общества на публичную политику // Политическая наука. 2022. № 3. С. 181–202.
- Шестопап Е.Б., Рогач Н.Н. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19. № 2. С. 150–165.
- Юревич А.В., Юревич М.А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 21–41.
- Юревич А.В. Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–96.
- Andrews F.M., Withey S.B. Social indicators of well-being: Americans' perceptions of life quality. New York: Plenum, 1976.
- Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. No. 95. P. 542–575.
- Diener E., Lucas R.E., Shigehiro O. Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction // Handbook of positive psychology / Ed. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 63–73.
- Easterlin R.A. Does economic growth improve the human lot? Some Empirical Evidence // MPRA Paper. 1974. No. 111773. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/111773/1/MPRA_paper_111773.pdf (дата обращения: 12.08.2024).
- McLiesh C. Wellbeing in Aotearoa New Zealand 2022: Work towards Te Tai Waiora (the Wellbeing Report). The Treasury. 2022. URL: <https://www.treasury.govt.nz/sites/default/files/2022-04/sp-wellbeing-aotearoa-new-zealand-12apr22.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. URL: https://www.cbs.nl/-/media/imported/documents/2011/36/stiglitzsenfitoussi-report_2009.pdf (дата обращения: 12.08.2024).
- Ura K., Alkire S., Wangdi K., Zangmo T. GNH 2022. Centre for Bhutan & GNH Studies. 2023. URL: <https://www.bhutanstudies.org.bt/publicationFiles/2022GNH/2022%20GNH%20Report.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).
- Wilson W.R. Correlates of avowed happiness // Psychological Bulletin. 1967. No. 67. P. 294–306.

SATISFACTION OF RUSSIANS WITH DIFFERENT ASPECTS OF LIFE: TEN-YEAR TREND AGAINST THE BACKGROUND OF SOCIO-ECONOMIC CRISES

LATOVA N.V.

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russia

Nataliya V. LATOVA, Cand. Sci. (Socio.), Leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (myshona@rambler.ru).

Abstract. The materials of the ten-year all-Russian monitoring by the Institute of Sociology of the Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences are used to analyse the most important part of the subjective well-being of Russians – their satisfaction with various aspects of their lives. Particular attention is paid to changes associated with such events as the Crimean Spring, the coronavirus pandemic and the special operation in Ukraine. Each of these crises has affected Russians' satisfaction with different aspects of their lives to varying degrees, but the crisis that began in 2022 has a number of unique features. Although the confrontation with the "collective West" has entered a phase of particular aggravation since this year, the socio-economic crisis associated with it is experienced by Russians much more easily than the similar crisis of 2014–2016. The dynamics of indicators in 2022–2024 demonstrates a qualitatively new phenomenon – the absence of protracted declines in indicators after the onset of a large-scale crisis. The sharp "surge" of emotional negativity in early 2022 was quickly overcome, Russian society consolidated, which was facilitated by the general positive changes in various spheres of life of Russians over the past decade. First of all, this concerns the characteristics related to the standard of living of Russians. At the same time, other characteristics of both the everyday life of the population and their employment, as well as those related to their provision with public goods, have also improved. However, it is too early to talk about significant positive changes in the quality of life of the mass strata. More noticeable improvement of satisfaction is observed in those spheres that are more closely connected with the efforts of the country's citizens themselves, while the picture is less optimistic with those aspects that are more dependent on the state.

Keywords: subjective well-being, satisfaction with different aspects of life, happiness, social moods, socio-economic crises, quality and standard of living.

REFERENCES

- Andrews F.M., Withey S.B. (1976) *Social indicators of well-being: Americans' perceptions of life quality*. New York: Plenum.
- Antipina O.N., Krivitskaya A.D. (2024) Trust as a Determinant of Subjective Well-Being in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 36–47. (In Russ.)
- Antipina O.N., Krivitskaya A.D. (2022) Economy and Happiness in Russia: Empirical Analysis. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 8: 48–67. (In Russ.)
- Diener E. (1984) Subjective well-being. *Psychological Bulletin*. 1984. No. 95: 542–575.
- Diener E., Lucas R.E., Shigehiro O. (2002) Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction // *Handbook of positive psychology* / Ed. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. Oxford: Oxford University Press: 63–73.
- Easterlin R.A. (1974) Does economic growth improve the human lot? Some Empirical Evidence // *MPRA Paper*. No. 111773. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/111773/1/MPRA_paper_111773.pdf (accessed 12.08.2024).
- Kahneman D. (2014) *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2022) The evolution of Russian people's social wellbeing during the post-soviet era: from collapse to contrasting stability (1994–2021). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 29–41. (In Russ.)
- Latova N.V. (2016) Russian satisfaction with life during the crisis: 2015 as a year of bifurcation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 16–37. (In Russ.)
- Latova N.V. (2021) Specificity of social feelings, public moods and spiritual atmosphere in the country after the year of the pandemic. *Informacionno-analiticheskij byulleten (INAB). Rossijskoe obshchestvo v usloviyah pandemii: god spustya (opyt sociologicheskoy diagnostiki)*. [Information and Analytical Bulletin (INAB). Russian society in the context of the pandemic: a year later (the experience of sociological diagnostics)]. No. 2: 33–46. (In Russ.)

- Latova N.V. (2024) *Dynamics of socio-psychological well-being of different population groups. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga sedmaya* [Russian society and the challenges of time. Book Seven]. Ed. by M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova. Moscow: Publishing House «Ves Mir»: 148–172. (In Russ.)
- Lebedev A.N. (2018) Indicators and Predictors of Psychological State of the Russian Society. *Chelovecheskij kapital* [Human capital]. Vol. 6. No. 114: 66–76. (In Russ.)
- Lebedev A.N. (2019) Psychological Condition of Society from the Viewpoint of Macropsychological Approach. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamentalnyh issledovanij* [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research]. Vol. 4. No. 104: 41–48. (In Russ.)
- Lebedeva A.A., Leontiev D.A. (2022) Contemporary Approaches to the Quality of Life: from Objective Contexts to Subjective Ones. *Socialnaya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 13. No. 4: 142–162. (In Russ.)
- Leontiev D.A. (2020) Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 14–37. (In Russ.)
- McLiesh C. (2022) *Wellbeing in Aotearoa New Zealand 2022: Work towards Te Tai Waiora (the Wellbeing Report)*. The Treasury. URL: <https://www.treasury.govt.nz/sites/default/files/2022-04/sp-wellbeing-aotearoa-new-zealand-12apr22.pdf> (accessed 12.08.2024).
- Nestik T.A., Selezneva A.V., Shestopal E.B., Yurevich A.V. (2021) The Problem of the Psychological State of Society and Political Process in Modern Russia. *Voprosy psihologii* [Psychological issues]. Vol. 67. No. 5: 3–14. (In Russ.)
- Shestopal E.B. (2022) Influence of the Psychological State Russian Society on Public Policy. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 3: 181–202. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Rogach N.N. (2023) Stages of transformation of the psychological state of Russian society: Politico-psychological analysis. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX]. Vol. 19. No. 2: 150–165. (In Russ.)
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. (2009) *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. URL: https://www.cbs.nl/-/media/imported/documents/2011/36/stiglitzsenfitoussireport_2009.pdf (accessed 12.08.2024).
- Toshchenko J.T., Kharchenko S.V. (1996) Social mood. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Ura K., Alkire S., Wangdi K., Zangmo T. (2023) *GNH 2022*. Centre for Bhutan & GNH Studies. URL: <https://www.bhutanstudies.org.bt/publicationFiles/2022GNH/2022%20GNH%20Report.pdf> (accessed 12.08.2024).
- Wilson W.R. (1967) Correlates of avowed happiness // *Psychological Bulletin*. No. 67: 294–306.
- Yurevich A.V., Yurevich M.A. (2012) Dynamics of the psychological state of the Russian society: expert assessment. *Navstvennost sovremennogo rossijskogo obshchestva: psihologicheskij analiz* [Morality of modern Russian society: psychological analysis]. Moscow: Publishing House «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences»: 21–41. (In Russ.)
- Yurevich A.V. (2019) The Experience of Empirical Estimate of Psychological State of Modern Russian Society (Statistical Data Analysis). *Psihologicheskij zhurnal* [Journal of Psychology]. Vol. 40. No. 5: 84–96. (In Russ.)

Received: 14.08.24. Final version: 04.09.24. Accepted: 06.09.24.

Л.А. ОКОЛЬСКАЯ

ЭМОЦИИ РОССИЯН В 2014–2024 гг.

ОКОЛЬСКАЯ Лидия Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник сектора исследований личности Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (okoli@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируются результаты всероссийских опросов Левада-Центра* 2014–2024 гг. об эмоциях, переживаемых россиянами лично и наблюдаемых у окружающих людей. Построена иерархия переживаемых эмоций, рассматривается динамика средних значений индексов позитивных и негативных эмоций. Изменения отдельных эмоций оценены методом регрессионного анализа. Отмечается, что в структуре эмоций россиян стабильно высокую выраженность имеют эмоции, связанные с коллективной самооценкой. В период пандемии COVID-19 в 2021 г. зафиксировано статистически значимое обострение негативных эмоций. В опросах 2022 г. выявлен значимый подъем позитивных эмоций, которые стали доминировать над негативными. Коллективная самооценка значительно укрепились; в то же время россияне чаще отмечали у окружающих растерянность и стыд. В 2023 г. воодушевление отчасти стихло, но в 2024 г. эмоциональный подъем продолжился. Отмечен эффект противофазы в динамике позитивных эмоций россиян: чувство собственного достоинства было значимо снижено на протяжении почти всего периода измерений, а уверенность в завтрашнем дне, напротив, укреплялась.

Ключевые слова: позитивные и негативные эмоции • чувства • эмоциональные нормы • коллективная самооценка • самоотчеты • регрессионный анализ

DOI: 10.31857/S0132162524090039

Введение. Изучение структуры и динамики эмоций, « витающих в воздухе », одновременно ощущаемых большими группами людей, дает ценную социологическую информацию о состоянии общества и происходящих в нем процессах – как глобальных, так и ситуативных, выражающих реакцию на конкретные события. Такие исследования актуальны в периоды социальной турбулентности, когда привычные условия жизни изменяются.

Российские социологи рассматривают эмоции через обобщенные концепты, такие как социальное самочувствие и социальные настроения (см., напр., [Петухов, 2010]). Внимание исследователей привлекают и отдельные эмоции – страх, гордость, счастье [Шубкин, Иванова, 2001; Fabrykant, Magun, 2019; Козырева и др., 2015]. Фонд «Общественное мнение» измеряет настроения социального окружения россиян при помощи дихотомической шкалы, предлагающей выбор между спокойным и тревожным состояниями¹. Один из сравнительно немногих источников социологической информации о широком спектре эмоций россиян – регулярные всероссийские опросы коллектива Ю.А. Левады. В них измеряются личные эмоции россиян и воспринимаемые ими эмоции окружающих [Советский простой человек, 1993; Гудков, 2023]. Мы обратились к архиву АНО «Левада-Центр»,

Автор благодарит Н.А. Зоркую и Д.А. Волкова за предоставленные данные, В.С. Магуна и О.А. Симонову – за ценные комментарии.

*АНО «Левада-Центр» включена Минюстом России в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

¹ См., напр., Доминанты. Поле мнений. Результаты еженедельных всероссийских опросов ФОМ. 2020. № 38. URL: <https://fom.ru/Dominanty/14461> (дата обращения: 13.05.2024).

чтобы рассмотреть эти данные через теоретическую рамку социологии эмоций, которая прежде к ним не применялась.

В задачи исследования входит анализ структуры эмоций и ее изменений с 2014 по 2024 г. Вместе с динамикой средних показателей позитивных и негативных эмоций рассматривается значимость изменений отдельных переменных с фокусировкой на двух периодах нестабильности: пандемии COVID-19 и военного конфликта с Украиной, вступившего в открытую фазу в феврале 2022 г.

Теоретические основания исследования. Основоположник социологии эмоций Т. Кемпер определил их как автономные моторно-когнитивные состояния, во многом обусловленные социальными отношениями [Kemper, 1978]. Ученый предложил считать первичными четыре эмоции – страх, гнев, депрессию и счастье, а прочие рассматривать как производные от них. П. Экман выделил шесть базовых эмоций – удовольствие, злость, отвращение, страх, грусть и удивление [Экман, 2018]. По утверждению Кемпера, число возможных эмоций определяется готовностью культуры дифференцировать социальные ситуации и степенью интереса ее носителей к этим ситуациям, то есть уровнем эмоциональной сложности культуры [Kemper, 1987].

Для социологии эмоций важным конструктом служит понятие эмоциональной нормы – культурных ожиданий об эмоциях в различных ситуациях [Stearns, Stearns, 1985]. Следование эмоциональным нормам способствует поддержанию социального порядка и укреплению солидарности [Thoits, 2004]. В известной работе «Управляемое сердце» А. Хокшильд показала, что люди подавляют, маскируют либо выставляют напоказ те или иные эмоции с целью выстраивания предпочтительных социальных отношений [Хокшильд, 2019]. Эмоциональные нормы могут воздействовать на рефлексивные представления людей о собственном состоянии и на восприятие других.

При изучении структур эмоций часто применяются социологические опросные методы – сбор самоотчетов о частоте переживаемых эмоций и представлений об их желательности. В сравнительных исследованиях проверяются гипотезы об универсальности или специфичности эмоционального опыта в разных культурах; эти различия увязываются с ценностями индивидуализма-коллективизма либо с другими ценностными измерениями. В кросс-культурных исследованиях эмоций сформулированы следующие дифференцирующие критерии: 1) общая эмоциональная экспрессивность, проявление позитивных и негативных эмоций [Kuppens et al., 2006; Matsumoto et al., 2008]; 2) гомогенность эмоционального опыта [Vishkin et al., 2023]; 3) относительная частота выражения отдельных эмоций: гордости, гнева, стыда – и их нормативные оценки [Eid, Diener, 2001; Kitayama et al., 2006; Boiger et al., 2013]; 4) предпочтения эмоций с высокой и низкой активацией [Ruby et al., 2012; Senft et al., 2023].

Среди исследуемых культур встречаются и российские данные. П. Куппенс и его коллеги, опросившие студентов из 48 стран, установили относительную сдержанность молодых россиян в декларации как негативных, так и позитивных эмоций, сходную поведению их ровесников из некоторых постсоциалистических и центральноевропейских стран [Kuppens et al., 2006]. Коллективом Д. Мацумото получены результаты, свидетельствующие о сравнительно низкой экспрессивности россиян и высоком уровне контроля над эмоциями [Matsumoto et al., 2008]. В межстрановом исследовании М. Динера и Р. Лукаса, посвященном нормативным представлениям взрослых об эмоциональном опыте их детей, россияне заняли умеренно высокое положение по интенсивности пожеланий счастья своему ребенку, высокое – по требованиям подавления страха и особенно гнева [Diener, Lucas, 2004].

Кросс-культурное исследование, опирающееся на типологию ценностей Ш. Шварца и проведенное с участием ее создателя, установило наличие статистически значимых связей между эмоциями и ценностями: выяснилось, что адепты ценностей заботы считают важной эмоцией жалость; ориентированные на самоутверждение значимо чаще других оправдывают проявления гордости и гнева; разделяющие ценности открытости изменениям ценят возбуждение; приверженцы ценностей сохранения стремятся жить

в спокойствии и избегать страха [Tamir et al., 2016]. Эти открытия позволяют предположить, что доминирующие ценности могут определять эмоциональную норму и даже отнесенность частоту эмоций в самоотчетах.

В приведенных выше исследованиях дифференцирующим критерием часто оказываются эмоции гордости, стыда и гнева [Eid, Diener, 2001; Kitayama et al., 2006; Boiger et al., 2013]. Т. Шефф утверждает, что в индивидуалистической культуре развитых стран особую роль играют гордость и стыд, и интерпретирует динамику социально-психологических процессов, в том числе военных конфликтов, сквозь призму этих сложных моральных эмоций. В соответствии с концепцией зеркального «Я» Ч. Кули, гордость и стыд возникают в результате восприятия оценки себя другими и сигнализируют о состоянии социальных связей [Scheff, 2014; 1988]. Гордость указывает на благополучное положение дел, а стыд, напротив, – на угрозу отвержения, понуждая индивида или группу к конформности и усилиям по сохранению связей. Он сочетается с другими негативными эмоциями, прежде всего, с гневом [Scheff, 1994: 61]. Подобно некоторым другим эмоциям, непризнанный и сдерживаемый стыд может подпитываться от самого себя и рекурсивно воспроизводиться. При этом в индивидуалистических обществах действует сильное табу на выражение и переживание стыда, поэтому эта эмоция почти невидима [Scheff, 2014]. Способом преодоления стыда может быть его трансформация в коллективную гордость за счет обесценивания низких внешних оценок и самого оценивающего субъекта [Pettigrove, Parsons, 2012]. Мы считаем, что концепция Шеффа может быть применена при анализе эмоций в период российско-украинского конфликта, поскольку этот период связан, в частности, с манифестацией коллективной гордости.

Гипотезы. Межстрановые исследования ценностей показывают, что в России в нулевые годы усиливались ценности самоутверждения и безопасности [Магун и др., 2015]. Также известно, что на эмоциональном уровне значительная часть россиян ценит достижения своей страны [Fabrykant, Magun, 2019]. Мы ожидаем, что в изучаемых всероссийских данных на протяжении всего периода наблюдений относительно высокое выражение будет иметь гордость индивидуальными или коллективными достижениями – как форма самооценки. В этом состоит гипотеза 1 нашего исследования.

Гипотеза 2 заключается в том, что пандемия COVID-19 должна была привести к всплеску негативных эмоций в 2020–2021 гг. Это событие стало источником экзистенциальных угроз и должно было снизить важное для россиян чувство безопасности. Исследования психологического самочувствия в пандемию указывают на рост тревожности [Латова, 2021]. Это подтверждают и регулярные опросы ФОМ².

Мы полагаем, что специальная военная операция (СВО) также оказала негативный эффект на эмоциональное состояние россиян, поскольку страх перед войной традиционно входит в перечень их тревог³. Гипотеза 3: в 2022 г. уровень негативных эмоций должен был повыситься. Однако негативный эффект пандемии предположительно был сильнее, чем эффект СВО, поскольку в первом случае под непосредственной угрозой находилось все население, военные же события напрямую не затронули большинство россиян.

Несмотря на ожидание негативных эмоций, мы помним слова Дюркгейма: «войны, стимулируя патриотизм, уменьшают озабоченность личными проблемами» [Дюркгейм, 2021: 191]. На этом основании можно выдвинуть гипотезу 4: начало военного конфликта с Украиной в 2022 г. укрепило коллективную самооценку россиян.

² Доминанты. Поле мнений. Результаты еженедельных всероссийских опросов ФОМ. 2022. № 49. URL: <https://fom.ru/Dominanty/14812> (дата обращения: 13.05.2024).

³ Тревоги и опасения россиян. Страхи и тревоги россиян относительно ситуации в повседневной жизни, стране и мире. Результаты всероссийских опросов ФОМ. 2024. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14975> (дата обращения: 22.07.2024).

Методология исследования и эмпирическая база. Использованы данные всероссийских опросов АНО «Левада-центр» серии «Курьер»⁴ о чувствах⁵, переживаемых респондентами лично и распознаваемых у социального окружения. Для выбора ответов предлагался список-меню из 16 подсказок: надежда; усталость, безразличие; чувство одиночества, заброшенности; страх; чувство собственного достоинства; обида; растерянность; зависть; отчаяние; уверенность в завтрашнем дне; чувство свободы; чувство обиды за свой народ; чувство ответственности за происходящее; чувство стыда за происходящее; озлобленность, агрессивность; гордость за свой народ. Анализ непараметрических корреляций Спирмена позволил подразделить эти эмоции на позитивные и негативные. Соотношение позитивных и негативных эмоций в списке соответствует их пропорциям в приведенных выше классических типологиях Экмана и Кемпера.

Были отобраны данные 12 опросов серии «Курьер» с 2014 по 2024 г. – только те массивы, где использовались одинаковые списки из 16 эмоций (в более ранних опросах и в 2018 г. число подсказок варьировалось). Опросы проводились методом личного интервью по месту жительства, по всероссийской четырехступенчатой стратифицированной случайной выборке, включавшей постоянно проживающее городское и сельское население России в возрасте от 18 лет. В выборку входили представители всех регионов за исключением 12 труднодоступных малонаселенных субъектов РФ. Объем выборки по каждому этапу исследования – не менее 1600 чел.

Данные исследовались при помощи описательных статистик, а также методом регрессионного анализа, который, насколько нам известно, не применялся к ним ранее. Было построено 32 модели бинарных логистических регрессий, в каждой из которых зависимой переменной была одна из 16 эмоций – замеченная у себя лично либо у окружающих. Главной независимой переменной во всех моделях служила дискретная дамми-переменная даты опроса. В качестве контрольных взяты социально-демографические признаки: пол, возраст, семейное положение, образование, оценка материального статуса семьи, размер населенного пункта, федеральный округ.

Описательный анализ. Приведенные на рис. 1 и 2 распределения отражают сравнительно низкий уровень эмоциональной консолидации россиян на протяжении десятилетия. Ответы рассеяны по всем категориям; частота ведущих эмоций не превышает 30–35%. Самая распространенная личная эмоция россиян – надежда, второе место до 2022 г. занимала подсказка «усталость, безразличие». В топ иерархии эмоций также входят индикаторы коллективной самооценки: обида за народ и, после 2022 г., гордость за народ. Набор ведущих эмоций социального окружения россиян совпадает со структурой ведущих личных эмоций, хотя их порядок немного иной (рис. 2).

Каждая из эмоций самоутверждения, к которым, помимо гордости за народ, можно отнести чувство собственного достоинства и уверенность в завтрашнем дне, встречается с умеренной частотой (менее 20% в обоих измерениях). В 2022 г. гордость за народ возрастает до 36%, захватывая ведущее место в иерархии эмоций и вытесняя обиду за народ из топа. Этот серьезный сдвиг свидетельствует об укреплении коллективной самооценки россиян; его статистическая значимость будет проверена далее в регрессионных моделях.

Наряду с позитивными эмоциями следует обратить внимание на негативные чувства, выражающие низкую самооценку. Наиболее распространенным способом их вербализации служит подсказка «обида за народ» (13–24% в самоотчетах, 12–27% в ответах об эмоциях других людей). Антагонистические эмоции, сигнализирующие о неудовлетворенности социальными отношениями – стыд за происходящее, озлобленность, обида, зависть – находятся в нижней части иерархии личных эмоций. Россияне реже признаются

⁴ Данные предоставлены Д.А. Волковым и Н.А. Зоркой. Описание методологии опроса см. на сайте АНО «Левада-центр»: <https://www.levada.ru/zakazchikam/omnibus/>

⁵ Термин «чувства» применительно к их диагностике в массовых опросах мы рассматриваем как синоним «эмоций».

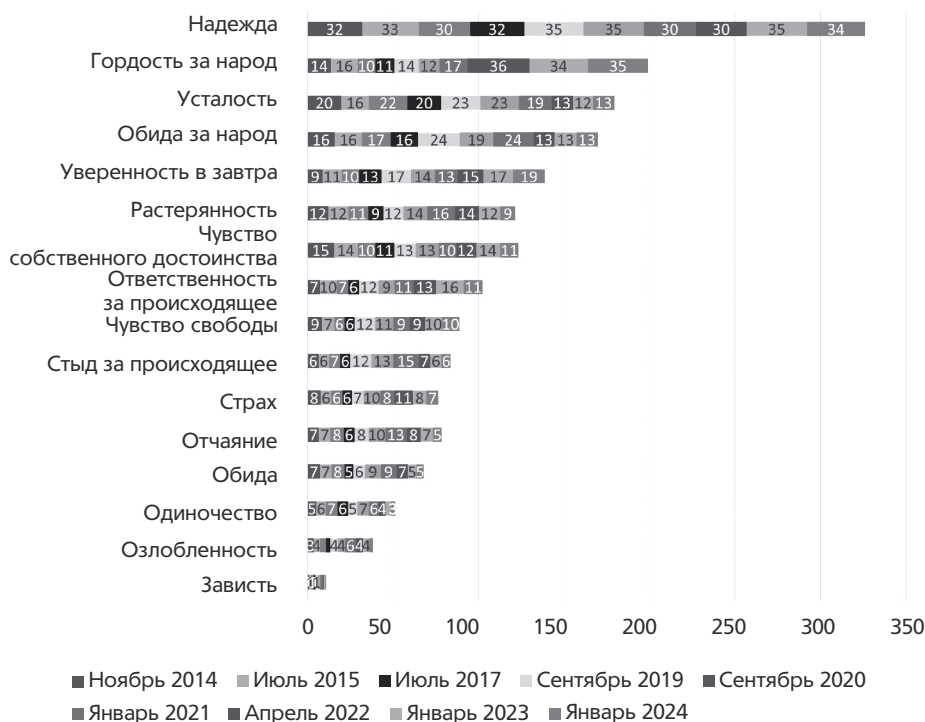

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства, на ваш взгляд, окрепли в последнее время у вас лично? Дайте не более трех ответов», % респондентов

в собственном гневе и зависти, чем диагностируют их у других людей. Стыд за происходящее до 2022 г. чаще признают у себя, нежели у других; впоследствии он перемещается в область внешних эмоций. Та же тенденция наблюдается в отношении обиды за народ. Личная обида ведет себя противоположным образом: до 2021 г. включительно это скорее внешняя эмоция, но впоследствии ее локус смещается вовнутрь.

Рассмотрим соотношение и общие изменения позитивных и негативных эмоций россиян. На рис. 3 показаны средние значения суммарных индексов позитивных и негативных эмоций⁶ в течение последнего десятилетия. С 2014 по 2021 г. респонденты чаще замечали у других людей негативные состояния, нежели позитивные. Личные эмоции были более сбалансированы, между уровнями позитивных и негативных состояний не было существенного лага. С 2019 по 2021 г. средний уровень негативных эмоций – своих и чужих – существенно вырос; позитивные эмоции оставались примерно на том же уровне. В 2022 г. соотношение эмоций кардинально изменилось: негативные резко отступили, а позитивные, напротив, усилились и стали преобладать над негативными. В 2023 г. средний уровень позитивных эмоций снизился, а негативные остались на тех же низких значениях; исчезло расхождение между позитивными и негативными эмоциями окружающих. В начале 2024 г. личные негативные эмоции находились на рекордно низком уровне, личные позитивные – на очень высоком. Сохранялось необычное для россиян доминирование позитивных эмоций.

⁶ Индексы получены как средние значения суммарных показателей упоминаний позитивных и негативных эмоций по каждой волне опроса. Например, респондент указал 2 позитивные эмоции и негативную, значение индекса позитивных эмоций у него – 2, индекса негативных – 1. Индексы рассчитаны для личных эмоций и для эмоций окружающих.

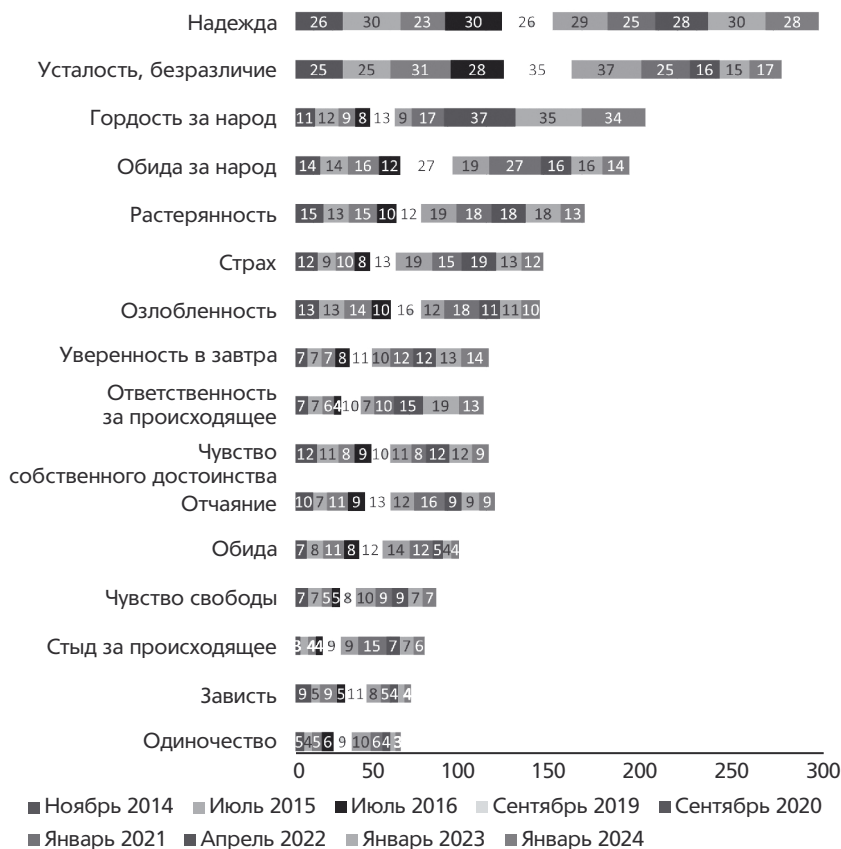

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства, на ваш взгляд, окрепли в последнее время среди окружающих вас людей? Дайте не более трех ответов», % респондентов

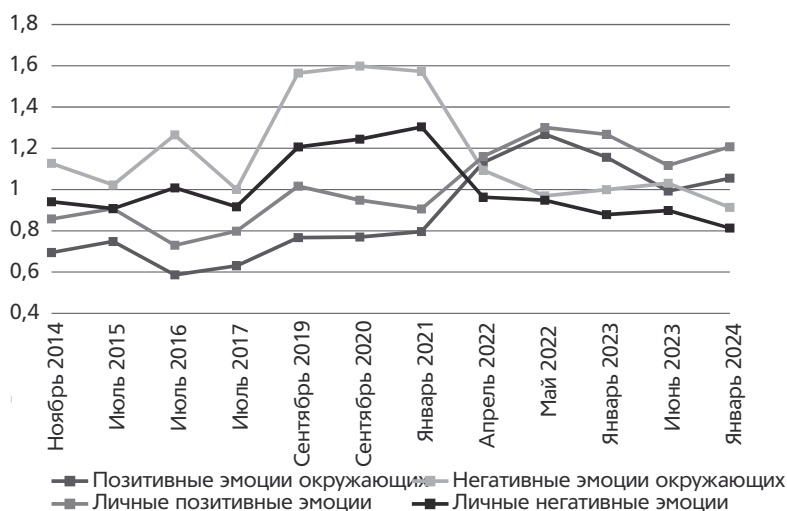

Рис. 3. Средние значения суммарных индексов позитивных и негативных эмоций, отмеченных россиянами у себя и окружающих в 2014–2024 гг.

Регрессионный анализ изменений эмоций россиян в 2020–2024 гг. Оценим значимость изменений отдельных эмоций по результатам регрессионного анализа. Напомним, что главной независимой переменной в моделях логистических регрессий была дата проведения опроса. В качестве референтного периода, с которым сравнивались показатели других волн, взят ноябрь 2014 г. Для более эффективного построения линии тренда в регрессионных моделях использовались все 12 волн опросов 2014–2024 гг., однако в данной работе мы анализируем значения бета-коэффициентов лишь для волн 2020–2024 гг., сосредоточившись на событиях последних лет. Чем выше абсолютное значение коэффициента, тем сильнее изменилась частота упоминания той или иной эмоции по сравнению с 2014 г. Его знак указывает на направление изменений.

Эмоции во время пандемии COVID-19. Данные о психологическом состоянии российского общества в условиях экзистенциальной угрозы и карантинных ограничений содер­жатся в двух волнах опросов, проводившихся в сентябре 2020 г. и феврале 2021 г. Значения регрессионных коэффициентов указывают на повышенную частоту страданий – негативных эмоций, которые респонденты ощущали лично (табл. 1.1). Прежде всего, у опрошенных усилились признаки фрустрации: значимо повысились отчаяние (в обеих «пандемийных» волнах опроса), страх (в 2020 г.) и растерянность (в 2021 г.).

Вопреки ожиданиям, существенного нарастания депрессивных эмоций не произошло. Наиболее типичная для россиян усталость усилилась осенью 2020 г., однако спустя полгода число ее упоминаний сократилось. Частота одиночества и заброшенности в обеих волнах осталась на уровне фоновых значений; в 2021 г. знак коэффициента стал отрицательным.

Во время пандемии усилились многие антагонистические эмоции. Так, в обеих волнах статистически значимо выросли обида за народ и стыд за происходящее (табл. 1.2). Повышенный уровень обиды и зависти зафиксирован в первый год; на втором году значимо больше людей признавалось в озлобленности и агрессивности.

Во время эпидемии COVID-19 россияне находили поводы и для позитивных эмоций. По сравнению с 2014 г. статистически значимо упало лишь чувство собственного достоинства (табл. 2). Негативные, но незначимые регрессионные коэффициенты в начале пандемии – у гордости за народ, в 2021 г. – у надежды. Коэффициенты остальных эмоций имеют положительный знак. Уверенность россиян в завтрашнем дне укреплялась в течение

Таблица 1.1

Коэффициенты бинарных логистических регрессий, показывающие изменения частоты личных негативных эмоций у россиян в период с 2020 по 2024 г. по сравнению с 2014 г., основная независимая переменная – год опроса. Часть 1

Личные эмоции	Усталость, безразличие	Одиночество, заброшенность	Страх	Растерянность	Отчаяние
Год проведения опроса (референтное значение: 2014)					
2020, сент.	0,184*	0,191	0,266*	0,157	0,424**
2021, янв.	–0,045	–0,063	0,035	0,321**	0,693***
2022, апр.	–0,531***	–0,449*	0,408**	0,194	0,180
2022, май	–0,478***	–0,398*	0,013	0,198	0,074
2023, янв.	–0,607***	–0,641**	0,071	0,047	0,133
2023, июн.	–0,431***	–0,454**	0,238	0,105	–0,226
2024, янв.	–0,514***	–0,741***	–0,060	–0,343**	–0,197
Скорректир. R ²	0,038	0,072	0,051	0,035	0,045
Кол-во наблюдений	19373	19373	19373	19373	19373

Таблица 1.2

Коэффициенты бинарных логистических регрессий, показывающие изменения частоты личных негативных эмоций у россиян в период с 2020 по 2024 г. по сравнению с 2014 г., основная независимая переменная – год опроса. Часть 2

Личные эмоции	Обида	Зависть	Обида за народ	Стыд за происходящее	Озлобленность, агрессивность
Год проведения опроса (референтное значение: 2014)					
2020, сент.	0,269*	0,794*	0,241*	0,747***	0,240
2021, янв.	0,233	0,530	0,492***	0,923***	0,634***
2022, апр.	–0,083	–0,212	–0,287**	0,079	0,211
2022, май	–0,358*	–0,399	–0,062	0,034	–0,171
2023, янв.	–0,428**	–0,181	–0,275**	0,017	0,052
2023, июн.	–0,633***	–0,012	–0,128	0,082	–0,328
2024, янв.	–0,471**	0,157	–0,272**	–0,127	–0,300
Скорректир. R ²	0,033	0,038	0,030	0,034	0,038
Кол-во наблюдений	19373	19373	19373	19373	19373

Примечания. Здесь и в табл. 2, 3 *указывает на $p < 0,05$; **на $p < 0,01$; ***на $p < 0,001$. В моделях контролируются: пол, возраст, образование, семейное положение, оценка материального положения семьи, размер населенного пункта, федеральный округ.

Таблица 2

Коэффициенты бинарных логистических регрессий, показывающие изменения частоты личных позитивных эмоций у россиян в период с 2020 по 2024 г. по сравнению с 2014 г., основная независимая переменная – год опроса

Личные эмоции	Надежда	Чувство собственного достоинства	Уверенность в завтрашнем дне	Ответственность за происходящее	Гордость за народ	Чувство свободы
Год проведения опроса (референтное значение: 2014)						
2020, сент.	0,165*	–0,170	0,532***	0,266*	–0,162	0,245*
2021, янв.	–0,039	–0,466***	0,467***	0,504***	0,243*	0,103
2022, апр.	–0,073	–0,302**	0,613***	0,709***	1,310***	0,033
2022, май	0,282***	–0,262***	0,837***	0,742***	1,261***	0,327**
2023, янв.	0,156*	–0,142	0,741***	0,917***	1,177***	0,155
2023, июн.	0,000	–0,372***	0,688***	0,739***	0,954***	–0,044
2024, янв.	0,099	–0,417***	0,823***	0,443***	1,220***	0,145
Скорректир. R ²	0,020	0,032	0,050	0,041	0,114	0,049
Кол-во наблюдений	19373	19373	19373	19373	19373	19373

всего ковидного периода. В 2020 г. ненадолго выросло даже чувство свободы. В то же время значимо усиливаются ответственность за происходящее и гордость за народ.

Эмоции во время СВО. С весны 2022 г. до зимы 2024 г. депрессивные состояния – усталость и безразличие, одиночество и заброшенность – назывались значимо реже, чем в 2014 г. (табл. 1.1). Эмоции фрустрации были несколько противоречивыми. Страх, подъема которого естественно было ожидать в связи с военными угрозами, действительно усилился в апреле 2022 г., однако упал до фоновых значений спустя месяц. Дальнейших всплесков страха не зафиксировано – даже в январе 2023 г., вскоре после частичной мобилизации. Растерянность и отчаяние в 2022–2024 гг. повышены не были.

Коэффициенты антагонистических эмоций, выражающих неудовлетворенность состоянием социальных связей, в основном были либо понижены, либо находились на уровне фоновых значений (табл. 1.2). Так, обида за народ, входящая в верхушку российской иерархии эмоций, то значимо падала (в апреле 2022 г., январе 2023 и 2024 гг.), то возвращалась к уровню референтного периода. Личная обида оставалась существенно сниженной с мая 2022 г. по январь 2024 г. Манифестаций гнева (озлобленности и агрессивности) в опросных данных тоже не было. Коэффициенты зависти были не значимы и в основном отрицательны. Уровень стыда за происходящее в 2022–2024 гг. не превышал референтных значений; по сравнению с пандемией его интенсивность снизилась.

В целом в данных всероссийских опросов за 2022–2024 гг. отсутствуют признаки стресса – вероятно, в связи с тем, что подавляющее большинство респондентов не столкнулись с последствиями военных действий в своей реальной жизни и не фокусировали на них внимание. Учитывая, что в обществе могут действовать нормы сдерживания и маскировки негативных эмоций, корректирующую информацию могут дать данные о чувствах социального окружения, обсуждать которые респондентам легче, чем собственные переживания. Анализ коэффициентов регрессионных моделей для эмоций окружающих показывает, что в целом их тренды совпадают с направлением динамики личных эмоций. Однако есть и несколько исключений, приведенных в табл. 3. Наиболее ярким из них является резкий рост стыда за происходящее в 2022–2024 гг. Также следует обратить внимание на устойчиво повышенный в период СВО уровень растерянности, снизившийся только в последней волне опроса. Расходятся данные и по обиде за народ: если у самих респондентов уровень этой эмоции либо снижен, либо коэффициенты незначимы, то в социальном окружении наблюдается ее значимый всплеск летом 2023 г.

Перейдем к рассмотрению позитивных эмоций россиян в 2022–2024 гг. С началом СВО зафиксирован стремительный взлет сообщений о гордости за народ, значительный рост ответственности за происходящее и уверенности в завтрашнем дне (табл. 2). В мае

Таблица 3

Коэффициенты бинарных логистических регрессий, показывающие изменения частоты отдельных эмоций социального окружения россиян, в период с 2022 по 2024 г. по сравнению с 2014 г., основная независимая переменная – год опроса

Эмоции окружающих	Растерянность	Стыд за происходящее	Обида за народ
Год проведения опроса (референтное значение: 2014)			
2022, апр.	0,217*	0,884***	0,178
2022, май	0,225*	0,644***	0,153
2023, янв.	0,240*	0,933***	0,181
2023, июн.	0,218*	0,973***	0,227*
2024, янв.	–0,181	0,708***	0,072
Скорректир. R ²	0,039	0,045	0,036
Кол-во наблюдений	19373	19373	19373

2022 г. значимо окрепли надежда и чувство свободы – вернувшиеся, однако, к фоновым значениям в июне 2023 – январе 2024 гг. Единственная позитивная эмоция, пониженная в период СВО, – это чувство собственного достоинства. Уменьшение ее частоты значимо во всех волнах, кроме января 2023 г.

К лету 2023 г. возбуждение, вызванное демонстрацией военной мощи страны, несколько стихло: произошел статистически значимый откат к фоновым значениям надежды (ведущей эмоции россиян), чувствам свободы и собственного достоинства. По сравнению с 2022 г. значимо снизилась и гордость за народ, что было проверено путем замены референтной группы в регрессионных моделях. Снижение позитивной самооценки сопровождалось возвратным усилением обиды за народ среди окружающих (табл. 3). В 2024 г. эмоциональный подъем возобновился: гордость за народ и уверенность в завтрашнем дне укрепились, а растерянность снизилась. Чувство ответственности за происходящее значимо ослабло, однако значения коэффициентов остались повышенными.

Выводы. Гипотеза 1 о высокой степени выраженности в российском эмоциональном климате гордости и других эмоций, связанных с индивидуальной или коллективной самооценкой, подтверждается, но требует уточнений. Изначально мы сосредоточились на состояниях, отражающих высокую самооценку, тогда как важными индикаторами чувствительности к внешней оценке служат и их антиподы: обида, стыд и др. Мы обнаружили, что до 2022 г. гордость за народ проявлялась умеренно, уступая обиде за народ в иерархии эмоций. На вершину рейтинга гордость вошла с началом СВО. Таким образом, эмоции самоутверждения действительно оказались важны для россиян, но оценка своего коллективного или индивидуального положения в социальной структуре не всегда позволяла им испытать их; в период наблюдений чаще доминировала низкая самооценка.

Регрессионный анализ данных всероссийских опросов позволяет заключить, что гипотеза 2 о стрессовом характере пандемии COVID-19 подтверждается статистически значимым обострением большинства негативных эмоций в 2020–2021 гг.: фрустрации, антагонистических чувств, усталости. При этом уровень негативных эмоций, замеченных у окружающих, значительно превышает уровень собственных негативных эмоций.

Вопреки гипотезе 3, данные опросов 2022–2024 гг. не отразили всплеска негативных эмоций в связи со специальной военной операцией на территории Украины. Напротив, 2022 г. характеризовался снижением негативных эмоций и ростом позитивно окрашенного возбуждения. Частота упоминаний депрессии и антагонистических эмоций существенно снизилась. Уровень фрустрации ненадолго повышался в начале военного конфликта (и, возможно, во время объявленной осенью 2022 г. частичной мобилизации – хотя январский опрос 2023 г. не отразил этого повышения). В 2023–2024 гг. нетипичное преобладание позитивных эмоций над негативными сохранялось. Итоги описательного и регрессионного анализа подтверждают гипотезу 4 об укреплении коллективной самооценки.

Тенденции второго плана выявляют психологический и моральный дискомфорт небольшой части россиян. Данные опросов свидетельствуют о повышенном уровне стыда за происходящее и растерянности, распознаваемых у социального окружения; к 2024 г. растерянность возвращается к фоновым значениям, свидетельствуя о психологической адаптации к текущей ситуации. Индивидуальная самооценка, выражаемая чувством собственного достоинства, в 2023–2024 гг. была значимо снижена.

Динамика эмоций россиян свидетельствует о снижении коллективной и индивидуальной самооценки во время пандемии при высокой чувствительности к достижениям, на которую указывают исследования ценностей [Магун и др., 2015; Fabrykant, Magun, 2019]. Эмоции обиды, стыда, гнева и пр. обычно возникают как сигналы угрозы разрыва социальных связей и понижения социального статуса – на индивидуальном или глобальном уровне. Как доказывает Шефф, накопление в обществе напряжения такого рода создает подходящую атмосферу для военного конфликта [Scheff, 1994]. Напряжение может преодолеваться путем трансформации его в коллективную гордость [Pettigrove, Parsons, 2012] – что, на наш взгляд, и происходило в начале СВО с россиянами, испытывавшими

резкий подъем патриотических чувств. Можно говорить об эмоциональной разрядке путем канализации напряжения в геополитическую сферу.

Учитывая данные эмпирических исследований о том, что эмоциональными нормами для россиян являются подавление страха и гнева, а также общая сдержанность в демонстрации эмоций, можно предположить, что часть негативных и даже позитивных чувств остается невидимой для опросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Настроения населения России в ситуации кризисов и войны // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2023. № 1–2(134). С. 115–175.
- Дюркгейм Э. Моральное воспитание. М.: ВШЭ, 2021. DOI: 10.17323/978-5-7598-2530-2.
- Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 120–132.
- Латова Н.В. Специфика социальных чувств, общественных настроений и духовной атмосферы в стране после года пандемии // ИНАБ. Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 33–46. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.3.
- Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Т. 121. № 3–4. С. 74–93.
- Петухов В.В. Кризис и динамика социальных настроений // Мир России. Социология. Этнология. 2010. № 1. С. 45–66.
- Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М., 1993.
- Хокшильд А.Р. Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М.: «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 348–358.
- Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб.: Питер, 2018.
- Boiger M., Mesquita B. et al. Condoned or Condemned: The Situational Affordance of Anger and Shame in the United States and Japan // Personality and Social Psychology Bulletin. 2013. Vol. 39(4). P. 540–553. DOI: 10.1177/0146167213478201.
- Diener M.L., Lucas R.E. Adults' Desires for Children's Emotions Across 48 Countries: Associations with Individual and National Characteristics // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. Vol. 35(5). P. 525–547. DOI: 10.1177/0022022104268387.
- Eid M., Diener E. Norms for Experiencing Emotions in Different Cultures: Inter- and Intranational Differences // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81(5). P. 869–885. DOI: 10.1037/0022-3514.81.5.869.
- Fabrykant M., Magun V. Dynamics of National Pride Attitudes in Post-Soviet Russia, 1996–2015 // Nationalities Papers. 2019. Vol. 47(1). P. 20–37. DOI: 10.1017/nps.2018.18.
- Kemper T.D. How Many Emotions are There? Wedding The Social and The Autonomic Components // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 93(2). P. 263–289.
- Kemper T.D. Toward a Sociology of Emotions: Some Problems and Some Solutions // The American Sociologist. 1978. Vol. 13(1). P. 30–41.
- Kitayama S., Mesquita B., Karasawa M. Cultural Affordances and Emotional Experience: Socially Engaging and Disengaging Emotions in Japan and The United States // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91(5). P. 890–903. DOI: 10.1037/0022-3514.91.5.890.
- Kuppens P., Ceulemans E. et al. Universal Intracultural and Intercultural Dimensions of The Recalled Frequency of Emotional Experience // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2006. Vol. 37(5). P. 491–515. DOI: 10.1177/0022022106290474.
- Matsumoto D., Yoo S.H. et al. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2008. Vol. 39(1). P. 55–74. DOI: 10.1177/0022022107311854.
- Pettigrove G., Parsons N. Shame: A Case Study of Collective Emotion // Social Theory and Practice. 2012. Vol. 38 (3). P. 504–530. DOI: 10.5840/soctheorpract201238327.
- Ruby M.B., Falk C.F. et al. Not All Collectivisms Are Equal: Opposing Preferences for Ideal Affect Between East Asians and Mexicans // Emotion. 2012. Vol. 12(6). P. 1206–1209. DOI: 10.1037/a0029118.
- Scheff T.J. The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity // Cultural Sociology. 2014. Vol. 8(2). P. 129–141. DOI: 10.1177/1749975513507244.
- Scheff T.J. Bloody Revenge: Emotions, Nationalism, And War. Routledge, 1994. DOI: 10.4324/9780429038792.

- Scheff T.J. Shame and Conformity: The Deference-Emotion System // *American Sociological Review*. 1988. Vol. 53(3). P. 395–406. DOI: 10.2307/2095647.
- Senft N., Doucerein M.M. et al. Within- and Between-Group Heterogeneity in Cultural Models of Emotion Among People of European, Asian, And Latino Heritage in The United States // *Emotion*. 2023. Vol. 23(1). P. 1–14. DOI: 10.1037/emo0001052.
- Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *The American Historical Review*. 1985. Vol. 90(4). P. 813–836. DOI: 10.2307/1858841.
- Tamir M., Schwartz S.H. et al. Desired Emotions Across Cultures: A Value-Based Account // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 111. No. 1. P. 67–82. DOI: 10.1037/pspp0000072.
- Thoits P.A. Emotion Norms, Emotion Work, and Social Order // *Feeling and Emotions. The Amsterdam Symposium*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 359–378. DOI: 10.1017/CBO9780511806582.021.
- Vishkin A., Kitayama S. et al. Adherence to Emotion Norms Is Greater in Individualist Cultures Than in Collectivist Cultures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2023. Vol. 124(6). P. 1256–1276. DOI: 10.1037/pspi0000409.

Статья поступила: 14.05.24. Финальная версия: 05.08.24. Принята к публикации: 02.09.24.

EMOTIONS OF RUSSIANS IN 2014–2024

OKOLSKAYA L.A.

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russia

Lidia A. OKOLSKAYA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Department of Personality Research, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (okoli@yandex.ru).

Abstract. The article presents the results of analyzing data from the 2014–24 all-Russian public opinion polls on 16 emotions experienced personally and observed in others. The hierarchy and dynamics of mean values of positive and negative emotion indices were investigated. Changes in distinct emotions in 2020–24 were assessed using regression analysis. It has been found that pride and other self-esteem emotions are well expressed in the Russian emotional climate, both in self-reports and in responses about other peoples feelings. In 2014–22, national pride was inferior to collective resentment in the hierarchy of emotions; subsequently, the ratio reversed. In 2020–21, during the COVID-19 pandemic, there was a significant exacerbation of negative emotions, such as frustration, antagonistic feelings, and fatigue. Particularly significant was the increase in negativity observed by respondents in their social environment. Contrary to our expectations, the polling data for 2022–24 did not reflect a surge of negative emotions in connection with Russia's military actions against Ukraine. Frustration levels rose briefly in the spring of 2022; new spikes weren't recorded thereafter. Mentions of depression and antagonistic emotions have become significantly rarer in this period; positive emotions increased dramatically and began to dominate over negative ones. Psychological arousal is mainly related to the strengthening of collective self-esteem. Secondary trends indicate psychological and moral discomfort of a small part of Russians at this time. Survey data indicate an increased level of collective shame and confusion recognized in other people. One more feature is the reduced level of individual self-esteem.

Keywords: positive and negative emotions, feelings, emotional norms, collective self-esteem, self-reports, regression analysis.

REFERENCES

- Boiger M., Mesquita B. et al. (2013a) Condoned or Condemned: The Situational Affordance of Anger and Shame in the United States and Japan. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 39(4): 540–553. DOI: 10.1177/0146167213478201.
- Diener M.L., Lucas R.E. (2004) Adults' Desires for Children's Emotions Across 48 Countries: Associations with Individual and National Characteristics. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 35(5): 525–547. DOI: 10.1177/0022022104268387.
- Durkheim E. (2021) *Moral education*. Moscow: VSHE. DOI: 10.17323/978–5–7598–2530–2. (In Russ.)
- Eid M., Diener E. (2001) Norms for Experiencing Emotions in Different Cultures: Inter- and Intranational Differences. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 81(5): 869–885. DOI: 10.1037/0022-3514.81.5.869.
- Ekman P. (2018) *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

- Fabrykant M., Magun V. (2019) Dynamics of National Pride Attitudes in Post-Soviet Russia, 1996–2015. *Nationalities Papers*. Vol. 47(1): 20–37. DOI: 10.1017/nps.2018.18.
- Gudkov L. (2023) Negative identity. Russia's populace's outlook in times of crisis and war. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 1–2(134): 115–175. (In Russ.)
- Hochschild A.R. (2019) *The Managed Heart. Commercialization of Human Feeling*. Ed. by V. Danilov Moscow: "Delo" RANHiGS. (In Russ.)
- Kemper T.D. (1978) Toward a Sociology of Emotions: Some Problems and Some Solutions. *The American Sociologist*. Vol. 13(1): 30–41.
- Kemper T.D. (1987) How Many Emotions are There? Wedding The Social and The Autonomic Components. *American Journal of Sociology*. Vol. 93(2): 263–289.
- Kitayama S., Mesquita B., Karasawa M. (2006) Cultural Affordances and Emotional Experience: Socially Engaging and Disengaging Emotions in Japan and The United States. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 91(5): 890–903. DOI: 10.1037/0022-3514.91.5.890.
- Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. (2015) Happiness and its Determinants. Part I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 120–132. (In Russ.)
- Kuppens P., Ceulemans E. et al. (2006) Universal Intracultural and Intercultural Dimensions of The Recalled Frequency of Emotional Experience. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 37(5): 491–515. DOI: 10.1177/0022022106290474.
- Latova N.V. (2021) Specificity of social feelings, public moods and spiritual atmosphere in the country after the year of the pandemic. *Information and Analytical Bulletin (INAB)*. Russian society in the context of the pandemic: a year later (the experience of sociological diagnostics). No. 2: 33–46. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.3. (In Russ.)
- Magun V., Rudnev M., Schmidt P. (2015) Russian Basic Human Values through the Lens of the European Value Types. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 3–4 (121): 74–93. (In Russ.)
- Matsumoto D., Yoo, S.H. et al. (2008) Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 39(1). P. 55–74. DOI: 10.1177/0022022107311854.
- Pettigrove G., Parsons N. (2012) Shame: A Case Study of Collective Emotion. *Social Theory and Practice*. Vol. 38(3): 504–530. DOI: 10.5840/soctheorpract201238327.
- Petukhov V.V. (2010) The Crisis and the Dynamics of Social Attitudes. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 1: 45–66. (In Russ.)
- Ruby M.B., Falk C.F. et al. (2012) Not All Collectivisms Are Equal: Opposing Preferences for Ideal Affect Between East Asians and Mexicans. *Emotion*. Vol. 12(6): 1206–1209. DOI: 10.1037/a0029118.
- Scheff T. (2014) The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity. *Cultural Sociology*. Vol. 8(2): 129–141. DOI: 10.1177/1749975513507244.
- Scheff T.J. (1988) Shame and Conformity: The Deference-Emotion System. *American Sociological Review*. Vol. 53(3): 395–406. DOI: 10.2307/2095647.
- Scheff T.J. (1994) *Bloody Revenge: Emotions, Nationalism, And War* (1st ed.). Routledge. DOI: 10.4324/9780429038792.
- Senft N., Doucerain M.M. et al. (2023) Within- and Between-Group Heterogeneity in Cultural Models of Emotion Among People of European, Asian, And Latino Heritage in The United States. *Emotion*. Vol. 23(1): 1–14. DOI: 10.1037/emo0001052.
- Shubkin V.N., Ivanova V.A. (2001) Fears, Concerns, an Ability to Withstand with Them. In: Yadov V.A. (eds) *Russia: A Transforming Society*. Moscow: Canon-Press: 348–358. (In Russ.)
- Stearns P.N., Stearns C.Z. (1985) Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *The American Historical Review*. Vol. 90(4): 813–836. DOI: 10.2307/1858841.
- Tamir M., Schwartz S.H. et al. (2016) Desired Emotions Across Cultures: A Value-Based Account. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 111. No. 1: 67–82. DOI: 10.1037/pspp0000072.
- The Soviet Common Man. Experience of social portrait at the turn of the 90s.* (1993) Ed. by Yu.A. Levada Moscow. (In Russ.)
- Thoits P.A. (2004) Emotion Norms, Emotion Work, and Social Order. In: *Feeling and Emotions*. The Amsterdam Symposium. Cambridge: Cambridge University Press: 359–378. DOI: 10.1017/CBO9780511806582.021.
- Vishkin A., Kitayama S. et al. (2023) Adherence to Emotion Norms Is Greater in Individualist Cultures Than in Collectivist Cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 124(6): 1256–1276. DOI: 10.1037/pspi0000409.

© 2024 г.

Ю.В. ПОПКОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ (приглашение к дискуссии)

ПОПКОВ Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия (yuripopkov54@mail.ru).

Аннотация. Автор анализирует комплекс проблем, касающихся современного положения и возможных перспектив этносоциологии как важной научной составляющей дисциплинарных направлений в исследовании этнического феномена. Предварительно диагностируется общее противоречивое положение дел в данной сфере в связи с этнологическим (антропологическим) переворотом. Среди реальных угроз для этнологии, понимаемой в широком смысле слова, включая этносоциологию, выделяются: отрицание в постсоветский период значимости отечественного исследовательского опыта; активное навязывание западных стандартов в этнологических исследованиях; доминирование и абсолютизация антропологизма (антропоцентризма) и конструктивизма; отсутствие этносоциологии в современном российском образовательном стандарте. Важным представляется также уход из жизни влиятельных основателей этносоциологии, игравших значимую роль в сохранении ее научных традиций. Излагается авторское видение по существу выделенных вопросов, в том числе по поводу политической проекции результатов этносоциологических исследований.

Ключевые слова: этнос • этнология • антропология • этносоциология • этносоциальные процессы • национальная политика • новосибирская научная этносоциологическая школа

DOI: 10.31857/S0132162524090047

В обращении к читателям в начале 2023 г. главный редактор СоцИса Г.А. Ключарев в преддверии 25-летия Харчевских чтений, которые традиционно посвящены теоретическим проблемам социологии, акцентировал внимание на актуальных вопросах современной социологии в контексте трансформации человека и общества. Он, в частности, поставил вопрос о релевантности практикуемых методов и подходов к исследованию усложняющейся действительности, о трансформации субъектности как значимого фактора «цивилизационного бытия». Важным представляется вывод о происходящей деконструкции европоцентризма и необходимости отказа от европейского антропоцентризма [Ключарев, 2023: 3].

Фиксируя проблемы российской социологии, Г.А. Ключарев не ставит под вопрос ее будущее. Однако для отдельных направлений социологии серьезные вызовы и реальные угрозы существуют. На мой взгляд, это касается этносоциологии как относительно самостоятельного направления отечественной социологии. В существенной степени они связаны с влиянием западного антропоцентризма, который глубоко проник в систему парадигмальных оснований, методологических ориентиров и теоретических построений

русской этнологии, если ее понимать в широком смысле как охватывающий комплекс современных исследований, касающихся этнического феномена, включая этносоциологию. Влияние европейского антропоцентризма проявляется также в системе стратегических ориентиров государственной национальной политики, тесно связанной с наработками в данной отрасли научного знания.

Задачами настоящей статьи являются: привлечение внимания к сложному положению русской этнологии и этносоциологии в контексте произошедшего этнологического/антропологического переворота; фиксация связи последнего с распадом СССР, трансформацией русского общества и активным внедрением западных научных стандартов в данной области в ущерб традициям отечественного народоведения; экспликация существующих для этносоциологии вызовов и угроз; обоснование важной роли этносоциологических исследований для выработки адекватных концептуальных оснований определения стратегических ориентиров государственной национальной политики. Автор опирается на теоретико-методологическое наследие новосибирской научной этносоциологической школы, к которой принадлежит (его обобщенную характеристику см.: [Попков и др., 2022]). Используются также актуальные идеи о современных проблемах в этносоциологии одного из ее основоположников – Л.М. Дробижевой.

Проблемная ситуация. Может показаться, что я «сгущаю краски», говоря о серьезных вызовах и угрозах для этносоциологии. Ведь в последнее время наблюдается оживление этносоциологических исследований, допустимо даже сказать, что существует определенный государственный заказ на ее услуги. Например, Стратегия государственной национальной политики РФ (далее – Стратегия) ориентирует на отслеживание состояния межнациональных (межэтнических) отношений, а главное – на измерение уровня общероссийской идентичности. Обеспечение высоких процентных данных по этим позициям, что возможно только по итогам массовых социологических опросов, обозначено в качестве фундаментальных целевых показателей реализации Стратегии. Никакие другие дисциплины, в том числе смежные – традиционная этнография или этнология, не в состоянии обеспечить решение этих задач.

Весьма значимым является и глобальный контекст, касающийся повсеместно наблюдаемых «этнического ренессанса» и роста традиционалистских тенденций, которые заметно усилились в условиях системного общецивилизационного кризиса и связанного с ним кризиса глобализации. Происходит усложнение содержания, динамики и противоречий трансформации того, что можно назвать этническим феноменом. Казалось бы, все это определяет актуализацию этносоциологических исследований, укрепление позиции этносоциологии. Но что происходит с ней в русской реальности?

Положение дел в этносоциологии существенным образом определяется фундаментальными трансформациями русского общества после распада Советского Союза. Следует согласиться с точкой зрения, что он обернулся геополитической катастрофой, которая «была во многом рукотворна», «вызвана не столько объективными, сколько субъективными факторами, сыгравшими определяющую роль в разрушении СССР» [Тощенко, 2021: 3].

В этой связи необходимо учитывать взаимообусловленность процессов, с одной стороны, распада СССР и последующей экономической и политической трансформации русского общества, с другой стороны, кардинального изменения идейной, социогуманитарной научной основы его развития. Активными проводниками этого изменения оказались последовательные сторонники западных политических, идеологических и научных традиций, которые получили возможность использовать в своей деятельности серьезные институциональные ресурсы. Мне уже приходилось писать на эту тему (см., напр.: [Попков, 2023]). Далее выделю наиболее значимые тенденции, касающиеся внедрения западных стандартов в постсоветский период.

Важно констатировать, что заданной «сверху» доминирующей ориентацией стало стремление заменить «отсталые» советские исследовательские традиции¹ на «прогрессивные» западные при том, что этнокультурное развитие России и опыт его научного осмысления являются во многом уникальными. Очевидно, что ситуация, возникшая к началу 1990-х гг., требовала обновления теоретической и методологической основы социогуманитаристики, но оно не должно было быть столь радикальным, даже при навязанной жесткой позиции отрицания всего советского. В действительности были предприняты настоячивые попытки осуществить «похороны» отечественной этнографии, выступавшей основополагающей отраслью знания в области народоведения, а вместе с ней и этноса как основного предмета ее изучения [Тишков, 2003]². Этнография и этнос были заменены соответственно на этнологию/антропологию и этничность.

Фундаментальной основой такого переворота стали соответствующие идеологические и политические мотивы, а в научной сфере – постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистские установки, методологический индивидуализм, инструментализм, что проявилось в отрицании объективности и закономерности развития тех явлений, которые отражаются в соответствующих понятиях. Применительно к рассматриваемой области это сопровождалось категорическим отрицанием доминирующей здесь теории этноса как якобы слишком «жесткой», «неподвижной», устаревшей, а также самого этноса в качестве объективного явления общественной жизни. Похороны «советского этнопримордиализма», с которым ассоциировалась теория этноса, провозглашались одной из целей такой «прогрессивной» модернизации в русле ревизии советского научного наследия [Тишков, 2020: 121]. Стоит заметить при этом, что по прошествии времени теория этноса, главным разработчиком которой был Ю.В. Бромлей, оценивается весьма положительно, как и его роль в качестве руководителя Института этнографии АН СССР, в поддержке и формировании отечественной этносоциологии (см., напр.: [Карлов, 2021]). Важно также, что на самом Западе продолжают, как и раньше, проявлять интерес к теории этноса [Фаис-Леутская, 2021].

Внедрение западных стандартов проходило постепенно и включало несколько этапов, характеризующих, в том числе, изменение базового понятийно-терминологического аппарата самой науки. Это можно отразить в следующей последовательной общей схеме названий доминирующих научных дисциплин: этнография – этнология – социально-культурная антропология (из последних работ на эту тему см.: [Заринов, 2023б: 137–183]).

Обратим внимание на то, что в названии последней вообще отсутствует терминологический элемент «этно-». Все чаще речь идет уже даже не о социально-культурной антропологии, а просто об антропологии. Именно антропологический дискурс стал доминирующим в комплексе современных российских исследований в данной сфере. При этом антропологическими обозначаются работы, касающиеся не только собственно человека, но также социальных групп и общественных процессов: от антропологии телесности, гендера и повседневности до экономической и политической антропологии. Данное явление оценивается как антропологическое нашествие [Заринов, 2023а], а точнее – своеобразная эпидемия, которая поразила многих специалистов. Она в значительной мере поглощает другие научные направления, включая этносоциологию, поскольку размывается ее особое

¹ Как пишет А.В. Головнев, «в постсоветское время пристрастие отечественных этнографов к этносу, этногенезу, этноистории и этническим процессам представлялось следствием пресловутого отставания от западной антропологии» [Головнев, 2016: 62].

² Известно, что в 1990 г. название ведущего академического института в рассматриваемой области было изменено с Института этнографии на Институт этнологии и антропологии. Как пишет М.В. Крюков, трудно было помыслить, что новый, после Ю.В. Бромлея, директор «упразднит понятие “этнос”», поражаясь при этом тому факту, что «руководитель научной мысли отрицает объективное существование предмета той “логики”, которая фигурирует в наименовании возглавляемого им института» [Крюков, 2023: 95]. Примечательно также, что с должности заместителя директора была уволена Л.М. Дробужева, представлявшая в руководстве института коллектив этносоциологов.

проблемное поле. Примечательно, что на официальном сайте Института этнологии и антропологии РАН в меняющемся визуальном ряде (который, надо полагать, обозначает доминирующие специализации института) присутствуют только разные направления антропологии³. Важно, что в качестве базового предмета исследований в рассматриваемой этнологической области признается этничность, о сути которой будет сказано далее.

Такие кардинальные трансформации в науке были подкреплены соответствующими изменениями в образовательном стандарте высшего образования. Как известно, в настоящее время в нем отсутствует традиционная для отечественной науки этнография, которая заменена на антропологию и этнологию⁴.

Во время случающихся дискуссий с сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН, а также с некоторыми другими коллегами в ответ на мои настоятельные призывы к разведению понятий этнографии, этнологии (в ее узком, западном понимании) и антропологии мне порой говорят, что в этом нет необходимости: якобы то, что при общении с западными исследователями мы обозначаем как антропологию или этнологию, в российском дискурсе можно называть этнографией. Видимо, такая установка идет от В.А. Тишкова, который считает, что этнографы, этнологи и антропологи – это просто по-разному себя называющие люди, которые занимаются социально-культурной антропологией [Тишков, 2003: 7].

На самом деле слова (понятия), особенно в науке, имеют принципиальное значение. Если они разные, значит, должны иметь разные смыслы. Принципиальная разница западной и отечественной наук в рассматриваемой сфере состоит уже в самом исследовательском фокусе: «...главным героем российской этнографии выступал конкретный народ, западной антропологии – универсальный человек» [Головнев, 2016: 61]. Не случайно российская наука изначально называлась народоведением.

Существенное различие касается также базовых методологических оснований, ресурсов и исследовательских инструментов: «Отечественная теория этноса выстроена на основе марксистско-ленинской методологии и на принципах исторического материализма. В ней делается акцент на социально-культурную группу (этнос)... Западная концепция этничности создана в условиях доминирования философии социальной атомизации личности, поэтому в ней превалирует культурный индивид» [Заринов, 2018: 25].

И марксизм, и ленинское идейное наследие не являлись идеальными, не были лишены недостатков, но они выступали и продолжают выступать одним из эффективных и признанных в мире ресурсов познания общества. Известно, что всякий уважающий себя университет на Западе изучает данное наследие. Почему же в нашей стране категорически отказались от него? И пока на официальном уровне нет даже намеков на его возможное возвращение в интеллектуальное пространство России.

Навязывание обозначенных западных стандартов в сфере социогуманитарной науки может быть объяснимым для его инициаторов тем, что осуществившийся переход России от социализма к капитализму требует иного, чем это было раньше, научного обеспечения и особой терминологической базы. Но при этом необходимо учитывать действие общих закономерностей развития науки и особенности объектно-предметной определенности ее разных направлений. Так, очевидно, множество людей не есть человек! Поэтому принципиально значимо различие исследовательского фокуса, с одной стороны, на отдельно взятого человека, а с другой стороны, на сообщество людей. Важно и другое: «Этнический уклон отечественной науки имеет глубокие корни, обособляющие российское

³ Институт этнологии и антропологии РАН. Официальный сайт. URL: <https://iea-ras.ru/> (дата обращения: 29.04.2024). К моменту согласования верстки и на сайте были добавлены «народы и культуры» и «Этнография народов России», но, к сожалению, не появилась этносоциология, которая формировалась именно в этом институте и продолжает здесь развиваться.

⁴ О печальных последствиях такого решения говорила, в частности, Т.Б. Смирнова в своем докладе на пленарном заседании XV Конгресса антропологов и этнологов России в июне 2023 г. URL: <https://yandex.ru/video/preview/18217277674814081686> (дата обращения: 29.04.2024).

народоведение от общего генезиса европейской антропологии и этнологии» [Головнев, 2016: 62]. И данный факт не может быть основанием для отрицания значимости отечественного опыта в угоду зарубежному, поскольку он характеризует, помимо общих закономерностей, также уникальные исторические этнокультурные особенности нашей страны как страны развития и взаимодействия многих народов, а не только отдельных персон.

Вызовы и угрозы для этносоциологии. Современное положение дел в этносоциологии является во многом схожим с описанной выше общей ситуацией в исследованиях этнического феномена. Мимо нее не могло пройти настойчивое внедрение в исследовательскую практику западных подходов и стандартов с акцентом на универсального человека в ущерб развитию собственного отечественного опыта и традиций народоведения. Утвердившееся к настоящему времени представление об этносоциологии как разделе социологической науки [Винер, Девисенко, 2015; Дробижева, 2018] уже с чисто формальной точки зрения является сдерживающим фактором для чрезмерного распространения здесь доминирующей антропологизации, поскольку этносоциология является общественной наукой (то есть наукой об обществе, а не собственно о человеке). Явное влияние данной новой тенденции сказывается здесь меньше, чем в некоторых других этнологических исследованиях⁵.

В то же время этносоциология в настоящее время испытывает воздействие описанных выше доминирующих трендов, создающих для нее определенные вызовы и даже угрозы. Проблемы этносоциологии неоднократно обсуждались и ранее – как ее основоположниками [Арутюнян и др., 1998; Арутюнян, Дробижева, 2008, 2014; Дробижева, 2016; Губогло, 2016], так и другими исследователями [Винер, Девисенко, 2015]. Но эти проблемы, по сути, не ставились в заданном в настоящей статье контексте, поэтому важным представляется вновь привлечь к ним внимание с учетом современных доминирующих тенденций, а также того факта, что в настоящее время на государственном уровне провозглашены задачи деконструкции европоцентризма и возрождения отечественных научных традиций.

На мой взгляд, к числу основополагающих проблем, с которыми в настоящее время сталкивается этносоциология, можно отнести следующие.

(1) Специалисты фиксируют наличие кризиса этносоциологии. Так, В.Р. Филиппов, рецензируя солидный и весьма представительный сборник «Этносоциология вчера и сегодня»⁶, обращает внимание на «скепсис при оценке будущего этносоциологии в России» и делает достаточно жесткий вывод об угасании этой дисциплины [Филиппов, 2016: 192]. На мой взгляд, такая тенденция во многом связана с падением потенциала и престижа этносоциологии на фоне доминирования и абсолютизации антропологических исследований.

(2) Кризисные проявления в дисциплине в существенной мере связаны с кадровой проблемой. Например, М.Н. Губогло, признаваемый, наряду с Ю.В. Арутюняном и Л.М. Дробижевой, в качестве одного из ее основоположников и активных организаторов, говоря о существующих здесь проблемах, подчеркивал: «Без притока молодежи сегодня, под давлением обстоятельств и смутного времени, мелеет методологический и методико-процедурный арсенал этносоциологии» [Губогло, 2016: 468]. На фоне существующего в стране общего кризиса кадрового научного воспроизводства, во многом вызванного, как диагностирует М.Ф. Черныш, ошибочными решениями по реформированию РАН и научной аспирантуры, а также очевидным недофинансированием сферы науки и образования [Черныш, 2024: 19], положение дел в этносоциологии может быть совсем печальным. Как известно, в образовательном стандарте она отсутствует, поэтому

⁵ Здесь и далее понятие «этнологические исследования» используется в широком смысле.

⁶ Сборник издан в 2016 г. по материалам состоявшейся в Институте этнологии и антропологии РАН международной конференции, посвященной 50-летию создания в Институте этнографии АН СССР сектора конкретно-социологических исследований, в котором зарождалась этносоциология, а также памяти ее основателя Ю.В. Арутюняна.

нынешние этносоциологи – это, по сути, продукт самообразования и «воспитания» в рамках существующих научных этносоциологических школ.

(3) Кардинальное изменение фундаментальной основы методологического и категориального аппарата рассматриваемой сферы науки затронуло и этносоциологов. Многие из них стали идентифицировать себя как сторонников социального конструктивизма, порой не задумываясь о его сути. Л.М. Дробижева, например, признавала, что уже в начале 1990-х гг., когда В.А. Тишков «выступал с инициативой перенести конструктивизм на почву российской науки», этносоциологи «интуитивно понимали значимость конструктивистской концепции», признавая влияние средств пропаганды на умонастроения людей [Дробижева, 2005: 17]⁷.

Восприняты и активно используются также понятия, выработанные в рамках конструктивистского методологического направления, прежде всего «идентичность» и «этничность». При этом их применение порой неправомерно распространяется на прежние, в том числе советские времена, когда такие понятия в принципе не использовались. Сам этот факт можно трактовать как заданный «эффект предписания» в результате «срабатывания» действия конструктивистской процедуры.

В общем потоке исследований доминирует «тратовка феномена этничности как одной из форм коллективной идентичности» [Тишков, 2016: 5]. Обоими этими понятиями («этничность» и «идентичность») активно пользовались в постсоветское время также лидеры отечественной этносоциологии М.Н. Губогло и Л.М. Дробижева. Мало того, «идентология» обозначается как важная часть и бренд «постсоветской короны этносоциологии» [Губогло, 2016: 462], а бесспорным лидером этого нового направления признается коллектив сотрудников Института социологии РАН под руководством Л.М. Дробижевой [там же]. Неслучайно ее собственная этносоциологическая научная школа связывается с комплексными исследованиями проблем идентичности, прежде всего идентичности российской [Рыжова, 2023].

Зафиксированный доминирующий тренд, касающийся проблемы этничности и идентичности и свойственный разным направлениям этнологических исследований, включая этносоциологию, послужил основанием двух фундаментальных выводов со стороны известных специалистов в данной сфере: а) этничность стала здесь доминирующим предметом исследований (см., напр.: [Головнев, 2016: 62]⁸); б) «...концепт идентичности и ее сложной подвижной природы вытесняет в российской этнологии этнос и его носителей («этнофоров»)» [Тишков, 2020: 86].

Как можно относиться к этим выводам? Выскажу два замечания принципиального характера.

Прежде всего, следует констатировать существующие неоднозначные трактовки этничности, причем среди как зарубежных, так и отечественных исследователей, что фиксируется уже в работах 1990-х гг. (см., напр.: [Тишков, 1997; Винер, 1998; Скворцов, 1999]. Примечательно, что в изданном в 1998 г. учебном пособии для вузов «Этносоциология» Л.М. Дробижева употребляет понятия «этничность» и «этническая идентичность», но при

⁷ Сразу же отметим, что Леокадия Михайловна связывала причины популяризации и распространения конструктивизма в России с распадом СССР и возникшими этническими вызовами и изначально фиксировала упрощенность его интерпретации этнологами, а также отстаивала необходимость использования и интеграции всех методологических подходов, если ориентироваться на обстоятельный анализ реальности: «Речь идет о субстанционалистской, эссенциалистской, онтологической, примордиалистской, с одной стороны, и конструктивистской, инструменталистской парадигмы – с другой» [Дробижева, 2005: 17].

⁸ В.А. Тишков рассматривает этничность в качестве предмета этнологии, о чем он говорил в интервью на XVI Конгрессе антропологов и этнологов России // Новости СПбГУ: 15-й Конгресс антропологов и этнологов России. URL: <https://yandex.ru/video/preview/2881850330963008289> (дата обращения: 15.05.2024).

этом не отвергает и традиционные для отечественной науки понятия этноса, нации (как этнонации), национального и этнического самосознания [Арутюнян и др., 1998].

Важно привести здесь позицию известного специалиста С.А. Арутюнова, который характеризовал этничность как объективное явление [Арутюнов, 1995]. Правда, он специально не уточняет соотношение этничности и этноса, поэтому создается впечатление их отождествления, но при этом дает здесь убедительную критику попыткам похорон этноса в угоду абстрактному антропологизму, обращая внимание на использование псевдолиберальных фраз о «свободном самоопределении на индивидуальном уровне» [там же: 10]. Говоря о новых подходах и интерпретациях в рассматриваемой сфере, исследователь констатировал наступление «наглой, безответственной, всеильной, хищнической предпринимательской политиканствующей стихии» [там же]. Я бы только дал несколько иную оценку данному факту: это была не стихия, а сознательная, целенаправленная, институционально подкрепленная деятельность в сфере науки и политики.

Главный пафос позиции С.А. Арутюнова состоит в утверждении того, что этносы реальны и объективны. Они «материальны, прагматичны, являются объективной реальностью, выражают объективные материальные интересы объективно существующих групп» [Арутюнов, 1995: 7].

Обычно понятие этничности авторы используют, не задумываясь о его смыслах, интуитивно. Поэтому порой им заменяются другие, привычные понятия этноса, этнической общности, этнического самосознания, этнических процессов и т.п. Но доминирующим все-таки следует признать представление о ней как идентичности, которое закреплено в специальной статье Большой российской энциклопедии: «Современные научные подходы признают субъективную и процессуальную (социально конструируемую – см. Конструктивизм) природу этничности, как и любой другой формы групповой социальной идентичности»⁹.

Использование понятия этничности иногда может быть оправданным, поскольку оно фиксирует, как правило (не всегда), «этнический аспект» взгляда на ту или иную социальную проблему. Однако считаю несостоятельным восприятие этничности в качестве основного предмета исследований в рассматриваемой широкой области, поскольку само это понятие (с учетом его морфемного состава как существительного с суффиксом -ость), в строгом смысле, характеризует хотя и важную, но достаточно узкую сферу действительности – абстрактный признак или состояние без определения его носителя. Не менее существенным является понимание того, что в реальности, как это убедительно показал Ю.И. Семенов, «этничность есть не что иное, как принадлежность к этносу. Если нет этносов, то нет и не может быть никакой этничности» [Семенов, 2004: 100]. По моему убеждению, оба эти феномена (этнос и этничность) являются не только продуктом воображения или мыслительного конструирования. Они реально существуют, дополняя, но не взаимоисключая и не заменяя друг друга, как это пытаются представить влиятельные исследователи.

Второе замечание. Следует признать заслуги российских ученых, включая этносоциологов, в разработке проблемы идентичности и формировании целого направления идентитарных исследований. Их обобщающие результаты сконцентрированы в специальном фундаментальном энциклопедическом труде под редакцией И.С. Семененко [Идентичность..., 2017; Идентичность..., 2023]. В отличие от многочисленных публикаций, в которых присутствует весьма поверхностное представление об идентичности, здесь она трактуется как комплексное и динамичное явление в сложной системе внутренних и внешних связей и обусловленностей, что отражено в целой сетке понятий. В то же время в конечном итоге идентичность здесь понимается как субъективное измерение социальной реальности [Семененко, 2017: 21].

⁹ Тишков В.А. Этничность // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4916970> (дата обращения: 03.01.2024).

На мой взгляд, данный феномен не совсем точно квалифицировать как субъективный. Идентичность – явление не только субъективное, но и объективное – по своей природе и истокам, поскольку она в существенной мере определяется внешними, объективными (то есть независимыми от конкретного человека) условиями существования. Данный факт не всегда учитывается, в том числе в этносоциологических исследованиях.

(4) Существенное влияние западных традиций на этносоциологические исследования проявляется в навязываемом социально-культурном дискурсе. Наиболее ярким выражением данного факта является название сборника статей, посвященного 75-летию «родоначальника этносоциологии» Ю.В. Арутюняна: «Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии» [Междисциплинарные исследования..., 2005]. В нем зафиксированы, на мой взгляд, важные составляющие сложившегося к тому времени представления о статусе этносоциологии: с одной стороны, как о междисциплинарной науке, оформившейся прежде всего на стыке отечественной этнографии и социологии, с другой стороны, о ее включенности в доминирующий тренд дискурса социально-культурной антропологии. Последнее может свидетельствовать о смещении предметно-проблемного фокуса этносоциологии в сторону этого направления. Теперь, правда, инициатор его внедрения в России, В.А. Тишков четко разводит этнологию и социально-культурную антропологию, связывая этническую проблематику лишь с этнологией (предметом которой он признает этничность), но не с антропологией¹⁰, хотя раньше рассматривал этнологию в качестве составляющей социально-культурной антропологии [Тишков, 2003: 7].

(5) Следует согласиться с оценкой Б.Е. Винера и К.С. Дивисенко в том, что для этносоциологии характерным является определенный отрыв от существующих социологических теорий, а также «ограниченность сравнительно небольшим кругом исследуемых тем» [Винер, Дивисенко, 2015: 177]. Действительно, к числу наиболее популярных принадлежит здесь тематика идентичности. Думаю, не будет преувеличением сказать, что она стала доминирующей и официально одобряемой. Об этом свидетельствует, в частности, то, что на пленарном заседании организованных ФНИСЦ РАН Дробижевских чтений 1 июня 2023 г. подчеркивался в качестве позитивного тот факт, что в названии десяти из 23 секций присутствует понятие «идентичность». Одновременно на этом же пленарном заседании не было ни одного доклада, посвященного общим проблемам непосредственно этносоциологии или ее связи с существующими социологическими теориями и работами, хотя это было бы весьма уместно сделать. Но и на прошедшей годом раньше конференции, организованной Институтом этнологии и антропологии РАН и посвященной памяти трех ее основателей (Ю.В. Арутюняна, М.Н. Губогло и Л.М. Дробижевой), также практически не обсуждались теоретические проблемы этносоциологии (см. [Этносоциология..., 2022]). При всей значимости проблематики идентичности ее разработка не должна идти в ущерб анализу других важных вопросов этносоциологической науки.

(6) Еще одна проблема, которую также фиксируют Б.Е. Винер и К.С. Дивисенко, касается связи отечественной этносоциологии с соответствующими зарубежными направлениями. Во-первых, они констатируют: «В англоязычной литературе термин “этносоциология” отсутствует. Вместо этого используется название “социология расовых и этнических отношений”» [Винер, Дивисенко, 2015: 178]. Из этого факта они делают вывод, что российская этносоциология «приближается к статусу» обозначенного западного направления [там же: 192]. С таким выводом можно согласиться лишь в том смысле, что российская этносоциология, как и социология расовых и межэтнических отношений, принадлежит к социологической отрасли знания. Но это, на мой взгляд, никак не делает их тождественными по многим другим параметрам. Во-вторых, авторы говорят о неосвоенности современных западных работ, подчеркивая, например, что российские этносоциологи «в основном не склонны изучать и применять теоретические достижения американских исследователей» [Винер, Дивисенко, 2015: 192].

¹⁰ См. об этом его интервью после пленарного заседания XV конгресса антропологов и этнологов в июне 2023 года // Новости СПбГУ: 15-й Конгресс антропологов и этнологов России. URL: <https://yandex.ru/video/preview/2881850330963008289> (дата обращения: 15.05.2024).

Соглашаясь в принципе с правомерностью такой постановки вопроса, следует сделать два замечания. С одной стороны, нельзя представлять дело так, будто российская этносоциология была в жесткой изоляции от западных достижений, в том числе в советский период. В одном из интервью Л.М. Дробижева подчеркивала: взаимодействие с зарубежными коллегами и взаимное обогащение существовавшими наработками имело место и в 1980-е годы, и раньше¹¹. С другой стороны, разве описанное выше фронтальное внедрение в отечественную науку конструктивистской методологической установки, антропологизма и целой сетки свойственных для зарубежной науки понятий – это не есть освоение современных западных наработок? Проблема, на мой взгляд, не в их неосвоенности, а в отсутствии системности в данном вопросе, в том, что это освоение происходит фрагментарно, предельно избирательно, о чем свидетельствует представленный выше обзор.

(7) В последние годы можно наблюдать навязывание научному и политическому сообществу, а также общественному мнению представления, суть которого состоит в отождествлении этносоциологии с массовыми социологическими опросами, как правило, по узкой тематике (общероссийская идентичность, оценка межэтнических отношений и т.п.)¹². На самом деле реальный статус, проблемное поле, задачи, возможности, теоретико-методологический и методический арсенал этносоциологии выходят далеко за рамки столь ограниченного представления (см., например: [Попков и др., 2022]).

(8) Определенную проблему в научном сообществе создает само название нашей научной дисциплины. Как известно, для нее используются два понятия «этническая социология» и «этносоциология». Так, в упоминавшемся учебном пособии по этносоциологии первая глава называется «Предмет этнической социологии» [Арутюнян и др., 1998]. В Российском обществе социологов существует исследовательский комитет, который называется «этническая социология». Среди социологов можно встретить критическое к такому названию отношение, доходящее до категорического заявления: «Никакой этнической социологии нет и быть не может». Понятно, речь идет о том, что те или иные конкретные народы (этнические общности) не могут иметь особую социологию. Критическое отношение к этому названию может распространяться в целом на научную дисциплину. Поэтому, на мой взгляд, более корректным является понятие этносоциологии, причем с оговоркой, что здесь этно- (как терминоэлемент) обозначает объект, а не субъект исследований в рамках данного направления социологической науки.

(9) Безусловное испытание и вызов для этносоциологии – уход из жизни ее основателей: Ю.В. Арутюняна (2016), М.Н. Губогло (2019) и Л.М. Дробижевой (2021). Последние хотя и были «из гнезда Арутюнянова», стали авторитетными лидерами своих коллективов и научных этносоциологических школ. Их влияние и позитивное воздействие распространялось далеко за пределы Института этнологии и антропологии РАН и Института социологии РАН, охватывая, по сути, почти все пространство бывшего СССР. С учетом общего сложного положения этносоциологии в настоящее время потеря ее выдающихся мыслителей и организаторов вряд ли может быть компенсирована в обозримом будущем.

Если сообщество этносоциологов не мобилизуется для решения современных актуальных проблем своей науки, в том числе обозначенных выше, это будет печальным для судьбы этносоциологии, которая может уйти в историю вместе с ее основателями или превратиться в инструмент решения политических задач, например, в виде предписания гражданской идентичности – проблеме важной, но ограниченной, частной для направления социогуманитарных исследований.

Вместо заключения. Результаты этносоциологических исследований имеют политическую проекцию в виде использования их в выработке ориентиров и проведении государственной

¹¹ Л.М. Дробижева о социологических школах. URL: <https://yandex.ru/video/preview/3518544145105760783> (дата обращения: 15.05.2024).

¹² Надо также иметь в виду, что такие опросы часто проводятся не профессиональными этносоциологами и бывают весьма поверхностными, их качество далеко не всегда соответствует строгим научным требованиям, но зато могут удовлетворять заданные формальные, в том числе политические запросы.

национальной политики на разных уровнях управления. Истинная этносоциология как почвенная наука может иметь здесь иные представления, чем абстрактная этнология или евроцентричная антропология. Как отмечалось ранее, существующая Стратегия базируется на либерально-конструктивистско-инструменталистской методологической установке, что не соответствует особому этнокультурному опыту исторического развития России. В этой связи важно сделать следующее пояснение.

Я не отторгаю конструктивизм (как один из методологических ресурсов познания); не против российской, национальной и/или гражданской идентичности, не отвергаю концепт гражданской нации, не трактую понятие нации исключительно в этническом смысле и не считаю нацию культурно гомогенным феноменом, как это мне приписывают [Тишков, 2020: 86]. Однако констатирую ограниченность и критически оцениваю понимание гражданской нации только как проявление идентичности (точнее, «русской гражданской идентичности») и исключительно в конструктивистской (точнее, в конструктивистско-инструменталистской) трактовке, как это присутствует в Стратегии государственной национальной политики. Такое представление о гражданской нации, по моему убеждению, не может выступать достаточным консолидирующим началом для русского общества и концептуальной основой формирования гражданского единства, поскольку не предусматривает механизма реального формирования сплоченности и единения людей (см. подробнее: [Попков, 2019]).

Существенно, что в доктринальных документах по национальной политике, по сути, не учитывается тот факт, что Россия, согласно Конституции, – не нация, а многонациональный народ¹³. Тем более не учитывается, что она есть федерация. Не могу также, вслед за Л.М. Дробижевой, поддержать активные стремления «деполитизации этничности», то есть попытки вывести этническую тему из политического дискурса и политической практики в условиях, когда она является принципиально значимой для абсолютного большинства русского населения.

В то же время признаю опасной активно пропагандируемую в последнее время другую крайнюю позицию, смысл которой состоит в абсолютизации этнической проблематики в политическом контексте. Речь идет о сведении всего русского общества к русскому миру, русской цивилизации, русскому канону, русским кодам. Это – ограничительная трактовка, внедрение которой в практическую политику, как и концепта гражданской нации в конструктивистском ее понимании, может стимулировать ксенофобию, обострение межэтнических отношений и способно провоцировать русский шовинизм и национализм других народов. Стоит отметить, что Л.М. Дробижева выступала против «предложения замены термина российская нация русской нацией» [Дробижева, 2018: 100].

Говоря о возможных перспективах этносоциологии, принципиально значимыми являются, на мой взгляд, не только разумное использование западных наработок в соответствующей области знания, но и рефлексия, переосмысление и развитие отечественных научных традиций народоведения, включая комплексную разработку самой этносоциологической тематики. В частности, актуальной представляется фундаментальная задача по концептуализации недостаточно проясненного проблемно-предметного поля этносоциологии как самостоятельного научного направления. Все это предполагается осуществить в рамках отдельного специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 5. С. 7–10.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // *Социологические исследования*. 2014. № 7. С. 102–112.

¹³ В Стратегии многонациональный народ Российской Федерации просто отождествили с российской нацией в западном понимании понятия нации, что не вполне корректно.

- Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М. Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. 2008. № 7. 85–94.
- Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: уч. пос. для вузов. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 3–26.
- Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 177–196.
- Головнев А.В. Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс) // Вестник Томского госун-та. История. 2016. № 4(42). С. 61–67. DOI: 10.17223/19988613/42/11.
- Губогло М.Н. Этносоциология: советские корни и постсоветская крона // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 454–469.
- Дробижина Л.М. Памяти Юрика Вартановича Арутюняна // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 13–15.
- Дробижина Л.М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2005. С. 14–25.
- Дробижина Л.М. Этносоциология: от пограничной области исследований к отрасли социологии // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 17–29. DOI: 10.7868/S013216251806-001X.
- Заринов И.Ю. Антропологическое нашествие // Respublica Literaria. Т. 4. № 4. 2023а. С. 155–167. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.155-16.
- Заринов И.Ю. В который раз о предмете этнографии/этнологии/социально-культурной антропологии // Вестник антропологии. 2018. № 2(42). С. 24–41. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.155-16.
- Заринов И.Ю. Этнос и этничность: Ретроспективный взгляд на проблему. М.: ИЭА РАН, 2023б.
- Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023.
- Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопед. изд. / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017.
- Карлов В.В. Ю.В. Бромлей и «бромлеевский период» отечественной этнологии // Вестник антропологии. 2021 № 1(53). С. 9–23. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/9-23.
- Ключарев Г.А. К читателю // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 3–4.
- Крюков М.В. Как хороши, как свежи были розы... // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 63–95. DOI: 10.31857/S0869541523050056.
- Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2005.
- Попков Ю.В. «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 137–153. DOI: 10.25178/nit.2023.1.8.
- Попков Ю.В. Государственная национальная политика России: проблемы и концептуальные лакуны // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019 Т. 15. № 3. С. 345–366.
- Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А. Новосибирская научная этносоциологическая школа. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2022.
- Рыжова С.В. Этносоциологическая школа Л.М. Дробижина: формирование подходов к изучению российской идентичности // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2.
- Семененко И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопед. изд. / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 18–32.
- Семенов Ю.И. Торопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит (Об основных идеях книги В.А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии»). М., 2004 // Философия и общество. 2006. Вып. 2(43). С. 94–106.
- Скворцов Н.Г. Этничность: социологическая перспектива // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 21–31.
- Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137. DOI: 10.31857/S086954150009606-6.
- Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

- Тощенко Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1.
- Файс-Леутская О.Д., Ю.В. Бромлей: новое слово в науке, услышанное в Европе // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 24–32. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/24-32.
- Филиппов В.Р. Рец. на: Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. 474 с. // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 190–193. DOI: 10.31857/S086954150000417-8.
- Черныш М.Ф. О проблеме воспроизводства кадров в российской науке и вузах (введение в дискуссию) // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2024. Т. 24. No. 1. С. 19–27. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-19-27.
- Этносоциология: поиски и свершения / Отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022.

Статья поступила: 22.07.24. Принята к публикации: 01.08.24.

ANTHROPOLOGIST OVERTURN AND CHALLENGES FOR ETHNO-SOCIOLOGY (Invitation to Discussion)

ПОПКОВ Ю.В.

Institute of Philosophy and Law SB RAS, Russia

Yuri V. POPKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia (yuripopkov54@mail.ru).

Abstract. The paper analyzes the set of issues related to current problems and eventual prospects of ethno-sociology as a meaningful academic component and feasible disciplinary bgranch in studying ethnic phenomenon. First, contradictory “state of affairs” is diagnosed in this sphere due to the ethnologic (anthropologic) turn. Among real threats for ethnology understood in a wide meaning of the term, including the ethno-sociology, we find the denial in the post-Soviet period of the importance of domestic research experience; the active imposition of Western standards in ethnological research; the dominance and absolutization of anthropologism (anthropocentrism) and constructivism; the absence of ethnosociology in the current Russian educational standard. The passing away of influential founders of ethnosociology, who played an important role in preserving its scientific traditions, as well as the lacking clarity of the subject definition of ethnosociology, are also important. The author’s vision of the essence of the highlighted issues is presented.

Keywords: ethnos, ethnology, anthropology, ethno-sociology, national politics, Novosibirsk Scientific Ethnosociological School.

REFERENCES

- Arutunyan Yu.V., Drobizheva L.M. (2008) Ethnosociology facing the challenges of the time. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 7: 85–94. (In Russ.)
- Arutunyan Yu.V., Drobizheva L.M. (2014) The paths traveled and some problems of modern Russian ethnosociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 7: 102–112. (In Russ.)
- Arutunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. (1998) *Ethnosociology: a textbook for universities*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Arutyunov S.A. (1995) Ethnicity – an objective reality (response to the article by S.V. Cheshko). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5: 7–10 (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2024) On the Problem of Reproduction of Personnel in Russian Science and Universities (Introduction to the Discussion). *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 24. No. 1: 19–27. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-19-27. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2005) Ethnosociology Today. Problems of Methodology of Interdisciplinary Research. *Interdisciplinary Research in the Context of Socio-Cultural Anthropology*: Coll. in honor of Yurik Vartanovich Arutunyan. Ed. by M.N. Guboglo. Moscow: Nauka: 14–25. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2016) In Memory of Yurik Vartanovich Arutyunyan. In: *Ethnosociology Yesterday and Today*. Ed. and comp. by L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: IEA RAN: 13–15. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2018) Ethnosociology: from a borderline area of research to a branch of sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 6: 17–29. DOI: 10.7868/S013216251806-001X. (In Russ.)
- Ethnosociology: Searches and Achievements*. (2022) Ed. and comp. by L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)

- Fais-Leutskaya O.D. (2021) Yu.V. Bromley: A New Word in Science Heard in Europe. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 1 (53): 24–32. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/24-32. (In Russ.)
- Filippov V.R. (2016) Review of: Ethnosociology Yesterday and Today. Ed. and comp. by L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: IEA RAS, 2016. 474 p. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 4: 190–193. DOI: 10.31857/S086954150000417-8. (In Russ.)
- Golovnev A.V. (2016) Ethnocultural potential and polyethnicity (Russian perspective). *Vestnik Tomskogo gosun-ta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. No. 4(42): 61–67. DOI: 10.17223/19988613/42/11. (In Russ.)
- Guboglo M.N. (2016) Ethnosociology: Soviet roots and post-Soviet crown. In: *Ethnosociology yesterday and today*. Ed. and comp. L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: IEA RAN: 454–469. (In Russ.)
- Identity: Personality, Society, Politics*. (2017) Encyclopedic ed. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir (In Russ.)
- Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field*. (2023) Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Interdisciplinary research in the context of socio-cultural anthropology: Coll. in honor of Yurik Vartanovich Arutyunyan*. (2005) Ed. by M.N. Guboglo. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Karlov V.V. (2021) Yu.V. Bromley and the "Bromley Period" of Russian Ethnology. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 1(53): 9–23. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/9-23. (In Russ.)
- Klyucharev G.A. (2023) To the Reader. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 3–4.
- Kryukov M.V. (2023) How Good, How Fresh the Roses Were... *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5: 63–95. DOI: 10.31857/S0869541523050056. (In Russ.)
- Popkov Yu.V. (2019) State national policy of Russia: problems and conceptual gaps. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX]. Vol. 15. No. 3: 345–366. (In Russ.)
- Popkov Yu.V. (2023) "Soil" in ethnicity: traditions of domestic ethnology tested by "perestroika" and postmodernism (problem statement). *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies of Tuva]. No. 1: 137–153. DOI: 10.25178/nit.2023.1.8. (In Russ.)
- Popkov Yu.V., Kostyuk V.G., Persidskaya O.A. (2022) *Novosibirsk scientific ethnosociological school*. Novosibirsk: IFPR SO RAN. (In Russ.)
- Ryzhova S.V. (2023) Ethnosociological school of L.M. Drobizheva: formation of approaches to the study of Russian identity. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. Vol. 29. No. 1: 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2. (In Russ.)
- Semenenko I.S. (2017) The category of identity in social sciences: concept, cognitive potential, research priorities. In: *Identity: Personality, Society, Politics*. Encyclopedic ed. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves Mir: 18–32. (In Russ.)
- Semenov Yu.I. (2006) There is hardly any point in rushing with a funeral prayer for an ethnic group (On the main ideas of the book by V.A. Tishkov "Requiem for an Ethnos. Studies in Socio-Cultural Anthropology". Moscow, 2004). *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. Iss. 2(43): 94–106. (In Russ.)
- Skvortsov N.G. (1999) Ethnicity: A Sociological Perspective. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 21–31. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2020) Where Russian Ethnology Came From and Where It Came From: A Personal View in a Global Perspective. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 2: 72–137. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1997) *Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia*. Moscow: Russkii Mir. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2003) *Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2016) From Ethnos to Ethnicity and After. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5: 5–22. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2021) Was the Geopolitical Catastrophe of the USSR Man-Made? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 7: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1. (In Russ.)
- Wiener B.E. (1998) Ethnicity: in search of a study paradigm. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 4: 3–26. (In Russ.)
- Wiener B.E., Divisenko K.S. (2015) Russian ethnosociology: boundaries, research areas and research groups. *Sociologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 6. No. 4: 177–196. (In Russ.)
- Zarinov I. Yu. (2018) Once again on the subject of ethnography/ethnology/socio-cultural anthropology. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 2 (42): 24–41. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.155-16. (In Russ.)
- Zarinov I. Yu. (2023a) Anthropological invasion. *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 4: 155–167. (In Russ.)
- Zarinov I. Yu. (2023b) *Ethnos and ethnicity: A retrospective look at the problem*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)

С.В. РЫЖОВА

ЦЕННОСТНЫЕ ОПОРЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

РЫЖОВА Светлана Валентиновна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (Silica2@yandex.ru).

Аннотация. На основе данных всероссийского социологического опроса, проведенного в феврале – марте 2024 г., изучаются ценностные основы российской идентичности, приобретающие вес в условиях внешнеполитического давления. Концептуальной рамкой исследования выступили теоретические подходы к изучению идентичности, ценностей и процессов становления политической нации. Исследование показало, что российская идентичность приобретает черты макрополитической территориально-государственной идентичности. Иерархия ее ведущих ценностных опор включает в себя как консервативные, так и классические либеральные ценности: «вера в Россию» (42%), «общие моральные ценности» (38%), «соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода» (33%). Делается вывод, что ценность «вера в Россию» благодаря ее широкому идейному формату и политической неопределенности становится идейным источником общенациональной консолидации.

Ключевые слова: российская идентичность • макрополитическая идентичность • ценности • политическая нация • общенациональная консолидация

DOI: 10.31857/S0132162524090053

Введение. В ситуации глобальной международной напряженности и антироссийских санкций, столкновения ценностей и «отмены» рядом западных стран российской культуры трудно переоценить социальные функции российской идентичности в поддержании политического, гражданского, межэтнического консенсуса внутри РФ. Начало специальной военной операции (СВО) на Украине запустило бурные, сложные, полные внутренней «борьбы нарративов» процессы коллективной российской самоидентификации, поиск и обновление ее ценностных основ и смыслов.

Ключевую роль в этих процессах приобретает общероссийская¹ идентичность. Исследования ученых (М.К. Горшков, Л.М. Дробижина, С.П. Перегудов, О.Ю. Малинова, Э.А. Паин, В.И. Пантин, И.С. Семенов, В.А. Тишков и др.), показывают, что российская идентичность может проявлять себя и изучаться в различных качествах или модусах. Как *государственная* она воплощает связь людей с российским государством, его историей, символами. Как *гражданская* раскрывает потенциал горизонтальных связей, складывающихся относительно независимо от государства. Как *территориальная* воплощает связь с территорией, землей, и, следуя ассоциативному ряду, с природой, с предками. Как *цивилизационная* – соотнесение с российской цивилизационной общностью. Как *духовная* – желание и готовность разделять этос общероссийской общности. В данной статье мы будем рассматривать российскую идентичность в ее макрополитическом модусе, исследовать ее ценностные опоры, приобретающие вес в условиях внешнего давления. Вопрос о макрополитическом самоопределении в координатах единой политической нации важен как для мировоззренческой самоидентификации в отношении государственной,

¹ Понятия «российская идентичность» и «общероссийская идентичность» используются в статье как синонимы.

территориальной принадлежности, политического выбора, исторической памяти и культуры, так и для видения будущего страны. Как справедливо отмечают интеллектуалы, «если не участвовать в создании нации, не навязать собственный ее проект, будет реализован чужой» [Каспэ, 2006].

В условиях открытого внешнеполитического и военного противостояния российская макрополитическая идентичность охватывает «все основания идентификации рассматриваемого сообщества, присутствующие в публичном дискурсе», подразумевает усвоение правил и ценностей «коллективно осмысленных в рамках групп через солидарность поверх политических и идеологических границ» [Малинова, 2010: 90], представляет собой результат идентификации с Россией и ее гражданами в масштабах общенациональной консолидации.

Задача статьи – раскрыть динамику структурных компонентов и уровень российской идентичности в период 2018–2024 гг., выявить, на основе каких ценностных ориентиров она формируется в своем макрополитическом качестве, сопровождая процессы становления политической нации.

Методика и эмпирическая база исследования. Для изучения уровня российской (и других макроидентичностей) Центром исследования межнациональных отношений (ЦИМО) ИС ФНИСЦ РАН традиционно используется вопрос о том, насколько часто респондент испытывает общность, близость с *гражданами России, россиянами*². Наравне с российской идентичностью мы оцениваем уровень этнической идентичности, поскольку последняя активно вовлекается в процессы российского нациестроительства, а также уровень политической идентичности (по той же методике).

Вопрос о том, «что нужно россиянам, чтобы почувствовать себя единой сплоченной общностью, российской нацией», создавался нами специально для изучения ценностных опор российской макрополитической идентичности. Мы руководствовались логикой «социологической диагностики» (М.К. Горшков), цель которой не только фиксировать актуальные процессы и явления, но и иметь возможность взглянуть на них несколько глубже.

При формулировании вопроса мы опирались на синтезированную методологию на основе теорий социальной идентичности, социального единства (социальной интеграции), политической нации и концептуальных подходов к исследованию ценностей. Поскольку политическая нация – это форма социального единства (Э. Хобсбаум, Б. Як), ценностные основания российской макрополитической идентичности (которые, в свою очередь, представляют собой синтез ее когнитивных и эмоциональных компонентов) призваны поддерживать это единство, мотивировать присоединяться к нему на основе разделяемых идей, чувств, представлений. В перечень предлагаемых ответов мы заложили четыре смысловых блока, представляющих собой «разнонаправленные» ценностные ориентиры, чтобы оценить наиболее ресурсные из них. При формулировании ответов нами учитывались идеи, звучащие в медиасфере в период СВО и нарастания геополитической напряженности: 1) государственно-гражданские основания интеграции («сильный и авторитетный лидер государства», «соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода», «обновление государственно-политического устройства»); 2) основания дополитической интеграции («общие моральные ценности», «взаимопомощь, доверие, солидарность»); 3) видение общего будущего как основа интеграции («понимание, какое будущее у России», «вера в Россию», «новые объединяющие идеи и смыслы»); 4) представление о военных победах как основание интеграции («героический дух и военная мощь»).

² Вопрос был предложен социологами группы В.А. Ядова в 1990-х гг. для исследования макроидентичностей, пришедших на смену идентичности «советского человека». Ответ «часто» позволяет оценить долю респондентов с актуализированной идентичностью, а сумма ответов «часто» и «иногда» – общий уровень последней.

Эмпирической базой исследования служат данные всероссийского социологического опроса, осуществленного ИС ФНИСЦ РАН в феврале – марте 2024 г. методом индивидуального интервью в 22 субъектах РФ по районированной квотной выборке ($N = 2000$), репрезентирующей взрослое население РФ по полу, возрасту, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Для сравнения привлекаются данные мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН 2018 и 2020 гг., которые проводились методом индивидуального интервью по всероссийской репрезентативной квотной районированной выборке ($N = 2000$), репрезентирующей население РФ от 18 лет по полу и возрасту, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Единый принцип формирования выборки проведенных исследований обеспечивает сопоставимость данных. Во всех исследованиях для изучения структурных компонентов российской идентичности и уровня российской, этнической и политической идентичностей использовался одинаковый блок вопросов.

Теоретическая рамка и концептуальные подходы. Теоретическая рамка исследования задается кругом идей, трактующих самоидентификацию общества на основе понятия политической нации – политической солидарности и разделяемых идей относительно общенациональных интересов и целей. Концепции политической нации рассматривают последнюю как государственную общность, опирающуюся на суверенитет государства и народа, на единство территории [Хобсбаум, 2017; Тишков, 2008], формируемую поверх внутренних классовых, статусных, этнических, культурных границ [Гринфельд, 2008], поверх внутренних политических разногласий [Малинова, 2010], опирающуюся на общность культуры и гражданство [Тишков, 2008], на гражданское общество [Паин, Федюнин, 2017]. Суть политического понимания нации сформулировал Э. Хобсбаум: «совокупность граждан, чей коллективный суверенитет образует государство, представляющее собой реализацию их политической воли» [Хобсбаум, 2017: 32–33].

О. Малинова, предприняв анализ ценностных оснований постсоветской идентичности, отмечает, что в турбулентные 1990-е гг. векторы постсоветской политики идентичности были неустойчивы и неоднократно менялись. Но с началом 2000-х гг. обозначился тренд видения России как самостоятельного суверенного государства. В официальном дискурсе «именно государство... стало представляться в качестве ценностного стержня, скрепляющего макрополитическую идентичность» россиян [Малинова, 2015: 180].

Российская идентичность в своем социальном измерении подразумевает постоянно текущие (в фоновом режиме) процессы идентификации с Россией, становление, усвоение и переосмысление ценностных оснований общероссийского единства. При интерпретации данных исследования и анализе российской идентичности в ее макрополитическом модусе важно различать проекты и идеи строительства «нации-государства» и «государства-нации». А. Миллер, опираясь на работы А. Степана и Х. Линц, показывает, что модель нации-государства (nation-state) ориентирована на приверженность одной культурной традиции и культурную ассимиляцию этнических меньшинств, в то время как модель государства-нации (state-nation) – на признание и поддержку культурного разнообразия и этнокультурных идентичностей [Миллер, 2016]. Модель государства-нации, которая более релевантна российскому политическому проекту, предполагает консенсус в отношении базовых ценностей, высокий уровень межэтнической толерантности и опору на единую «предельную» идентичность, которая в мирные времена обретает модус государственно-гражданской идентичности.

Исходя из традиции исследования ценностей в социологии, психологии, социально-культурной антропологии (К. Клакхон, В.С. Магун, Дж. Олпорт, М. Рокич, Т. Парсонс, П. Штомпка и др.), понятие «ценности» используется в статье в самом широком смысле как представления о «желаемом» и «важном», которые позволяют индивиду (и группе) действовать и достигать целей, исходя из собственных убеждений в «правильном», «нужном», «должном», «истинном». Ценности служат интеграции сообщества (Т. Парсонс). Как элементы самосознания они отражают субъективную значимость для человека тех или иных

явлений действительности, мотивируют к формированию собственной картины мира, к действиям, исходя из сложившихся предпочтений, обуславливают восприятие и интерпретацию текущих общественных, социальных процессов, определяют и формируют цели. Ценности, наравне с социальной идентичностью, представляют собой «поле смыслов», объединяющее объективные и субъективные элементы социальной реальности.

В исследовании ценностного аспекта российской идентичности мы отталкиваемся от социально-психологических и социологических подходов. Для Э. Эриксона динамика «психосоциальной» идентичности (как единство личностной и социальной идентичностей) теснейшим образом связана с текущими общественными трансформациями и идеологией [Эриксон, 1996]. Идентичность как результат отождествления с социальной группой/категорией (в нашем случае с «россиянами», «гражданами России») имеет когнитивный, эмоциональный (эмоционально-ценностный) и поведенческий компоненты. Ценностные компоненты идентичности включают в себя как представления, так и эмоции, и благодаря этому обретают большой мотивационный потенциал, функцию регуляторов поведения.

Мы исходим из того, что ценностные компоненты любой социальной макроидентичности (государственной, общенациональной, территориальной, региональной, этнической, цивилизационной и др.) в эмпирических исследованиях проявляют себя как ценностные установки (ориентиры), связанные с пониманием того, какие ценности и смыслы объединяют людей в данную общность, что является важным и значимым для нее в данный исторический момент.

В условиях, несущих опасность российской общности (нации), ценностные установки можно рассматривать как ценностные *опоры* российской идентичности. В этом контексте под ценностными опорами российской макрополитической идентичности мы понимаем установки в отношении актуальных в данный исторический период ценностей духовного, государственно-гражданского и общественного спектра, приобретающие актуальность в условиях внешних угроз и объединяющих россиян поверх существующих различий в единую общность (российскую политическую нацию). Ценностные опоры идентичности отражают актуальные и востребованные смыслы и убеждения, мотивирующие и обосновывающие принадлежность индивида к сообществу и оказывающие влияние на формирование текущих представлений о данном сообществе, его интересах и целях. В условиях социальных кризисов и угроз они поддерживают восприятие единства той общности, с которой человек себя идентифицирует.

Динамика российской идентичности. Исследования, предшествовавшие текущему периоду переосмысления основ общероссийской консолидации, фиксировали преимущественно *конструктивистский* по своему происхождению характер российской идентичности, которая формировалась, прежде всего, усилиями власти и элит в ответ на новый (постсоветский) статус страны [Дробужева, 2020].

Сегодня можно говорить о том, что российская идентичность наполняется смыслами и идеями стихийно, в условиях быстрых и радикальных исторических преобразований. СВО – это, безусловно, культурная травма для российского общества. Исследования показывают, что в феврале 2022 г. общество испытало глубокий шок. С началом СВО большинство россиян (70%) описывали переживаемую ими ситуацию как «кризисную» [Российское общество..., 2022:12]. В обществе наблюдалось состояние тревожности и «негативной неопределенности», рост негативных ожиданий. Сегодня, несмотря на потери, санкции и внешнее обесценивание, большинство россиян справляются с текущими сложностями и поддерживают вынужденный характер СВО. В общественных настроениях наблюдается положительная динамика, в мониторинговых замерах индекса удовлетворенности жизнью – рост положительных оценок³. Уже к концу 2023 г. «укрепляется

³ Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-20032024> (дата обращения: 01.05.2023).

Таблица 1

Уровень российской, этнической и политической идентичностей, 2018, 2020, 2024 гг. (данные ИС ФНИСЦ РАН, % от числа опрошенных)

Показатели российской, этнической и политической идентичностей	2018	2020	2024
<i>Ощущают общность, близость с гражданами России</i>			
Часто	29	16	18
Иногда	45	52	50
Общий уровень российской идентичности	74	68	68
Никогда	19	16	11
Затрудняюсь ответить	7	16	21
<i>Ощущают общность, близость с людьми своей национальности</i>			
Часто	23	34	34
Иногда	47	46	50
Общий уровень этнической идентичности	70	80	84
Никогда	21	10	5
Затрудняюсь ответить	9	10	11
<i>Ощущают общность, близость с людьми сходных политических взглядов</i>			
Часто	–	23	33
Иногда	–	42	41
Общий уровень политической идентичности	–	65	74
Никогда	–	17	9
Затрудняюсь ответить	–	18	17

уверенность, что страна идет в правильном направлении, усиливается поддержка власти» [Горшков, Тюрина, 202: 731].

К началу 2024 г. в обществе началась фаза позитивного изменения социального самочувствия: доля социальных пессимистов (считающих, что нынешний путь ведет страну в тупик) снизилась с 47% в 2020 г. до 26% в 2023 г. [Латов, 2023]. Опросы ВЦИОМ в 2024 г., показывают, что идет консолидация общества вокруг национальных государственных интересов⁴.

Быстрый выход общества из состояния негативной неопределенности и фрустрации в состояние позитивных ожиданий и вместе с тем в осознание реальной опасности текущего геополитического кризиса, запустили активный поиск ценностных и мотивационных основ общероссийской идентичности. Борьба за ее смыслы идет сегодня как на уровне политического дискурса, так и на уровне повседневных представлений. Эксперты (социологи, политологи, историки, этнологи, психологи и др.) знают, что смысловое содержание российской идентичности, как и мера ее распространенности, служат универсальными индикаторами характера и масштабов общероссийской консолидации.

В 2024 г. (в сравнении с 2020 г.) уровень *российской идентичности* (ощущение общности с гражданами России) остался на прежнем уровне – 68%. Одновременно значительно (на 9 п.п.) вырос уровень *политической идентичности* (ощущение общности с людьми сходных политических взглядов) – с 65 до 74%. Этому росту сопутствует также медленный, но стабильный рост *этнической идентичности* (ощущение общности с людьми своей национальности) – с 70% в 2018 г. до 80% в 2020 г. и 84% в 2024 г. (см. табл. 1). Уровень этнической солидарности составляет 81% (согласие с суждением «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности»), что говорит о росте русского самосознания

⁴ Официальный сайт ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja> (дата обращения: 22.05.2024).

(данные всероссийского опроса отражают преимущественно мнение этнического большинства) и значимости политического фактора в процессах общероссийской консолидации.

Российская идентичность как коллективная «Мы-концепция», вероятно, со временем обретет свою устойчивую структуру. В значительной степени это произойдет как результат общественного консенсуса относительно приоритетных смыслов, конституирующих российскую нацию. Качественные исследования ЦИМО ИС ФНИСЦ РАН, проведенные до начала СВО (интервью, круглые столы, фокус-группы, групповые дискуссии с экспертами, преподавателями общественных и гуманитарных дисциплин, студентами), показали, что в качестве устойчивых структурных компонентов общероссийской идентичности выступают такие критерии, как «государство», «культура», «русский язык», «территория», «гражданская ответственность», «историческое прошлое», государственные символы.

В массовом самосознании находят отклик идеи защиты России от внешнего политического и культурного давления: в период 2020–2024 гг. претерпела изменение иерархия структурных компонентов российской идентичности. В сравнении с 2020 г. выросла значимость территориального (с 44 до 55%) и культурного (с 29 до 37%) компонентов. При этом значимость «общего государства» как ведущего идентификатора снизилась с 58 (в 2020 г.) до 48% (в 2024 г.) (см. табл. 2). Обращает внимание, что значимость важнейшего идентификатора – «ответственность за судьбу страны» осталась на прежнем невысоком уровне (22%). При этом социологи отмечают рост гражданской активности в виде экономических инициатив, связанных с помощью участникам СВО: сбор денежных средств, отправка в зону боевых действий вещей для военных и жителей воссоединившихся с РФ территорий [Андреев и др., 2024].

Исходя из сложившейся иерархии ведущих критериев («территория», «государство»), российская идентичность проявляет себя в 2024 г. преимущественно как *территориально-государственная* идентичность. Однако не все опрошенные чувствуют общность с Россией и россиянами – 33% ее не ощущают (11% «никогда не ощущают» и 21% затруднились с ответом) (см. табл. 1).

Политические нации как «социальные образования» теснейшим образом связаны с современным «территориальным государством» [Хобсбаум, 2017]. Под влиянием внешнеполитических факторов обозначился тренд развития российской идентичности в сторону осознания и защиты национальных интересов России и суверенности российского государства. Рост значимости «территории» в числе идентификаторов российской идентичности говорит о том, что, формируясь в противостоянии внешнему давлению, она обретает черты макрополитической идентичности. Чтобы определить ее содержательное

Таблица 2

Структурные компоненты российской идентичности, 2020, 2024 гг.
(данные ИС ФНИСЦ РАН, % от числа опрошенных)

Что больше всего объединяет вас со всеми гражданами Российской Федерации, со всеми россиянами?	2020	2024
Общее государство	58	48
Ответственность за судьбу страны	22	22
Историческое прошлое	32	34
Родная земля, территория, природа	44	55
Русский язык	43	43
Культура, обычаи, праздники	29	37
Общие символы (флаг, герб)	15	11
Ничего не объединяет	3	2
Затруднились ответить	2	3

Примечание. Предполагался выбор не более трех ответов.

наполнение, зададимся вопросом: *Какие ценностные установки (ориентиры) в массовом сознании выходят на первый план при формировании (и восприятии массовым сознанием) российского сообщества как политической нации?*

Ценностные ориентиры общероссийского единства. В ходе реализации проектов по изучению российской идентичности (2004–2020 гг.), осуществленных ЦИМО ИС ФНИСЦ РАН под руководством Л.М. Дробизевой, фиксировалось, что понятие российской идентичности вошло в массовое сознание россиян, встроилось в политический, культурный, образовательный дискурс, но понятие это размыто. Был сделан вывод, что российская идентичность носит *поверхностный и диффузный* характер [Дробизева, 2020].

Сегодня смысловое содержание российской идентичности находится под влиянием текущих исторических событий. Ее ценностные ориентиры формируются властными и общественными дискурсами, «обсуждают» разнообразными смыслами и мотивациями в ходе обсуждений в медиа и соцсетях.

Не претендуя на полный обзор ценностных оснований общероссийского единства, рассмотрим ключевые идеи, прозвучавшие во властном, доктринальном и общественном дискурсе в 2022–2024 гг.

Ведущей ценностью, вмещающей в себя как политические, так и социокультурные смыслы, стал патриотизм. Патриотами считает себя фактически все население России – 94%; в психологическом смысле под патриотизмом понимается позитивное эмоциональное отношение к своей стране, готовность ее защищать⁵. Но в политическом наполнении патриотизм крайне неоднороден. Вбирая в себя всю гамму политических мировоззрений россиян, в условиях возможных внутренних гражданских противоречий и социальной напряженности высокий уровень патриотизма может спровоцировать ожесточенную борьбу за право определять будущее страны.

Под влиянием внешнеполитических факторов обозначился тренд развития российской идентичности в сторону защиты национальных интересов России и суверенности российского государства. На Валдайском Форуме в 2023 г.⁶ президентом была озвучена мысль, что в условиях военно-политического давления со стороны НАТО нарастают угрозы «отъема» части суверенитета РФ, перед страной встают задачи защиты своего «цивилизационного выбора»⁷.

Принятая в марте 2023 г. обновленная Концепция внешней политики РФ⁸ на доктринальном уровне закрепляет «особое положение России» как «самобытного государства-цивилизации». В обновленной Стратегии национальной безопасности РФ⁹ (принята в июле 2021 г.) заявлен переход России к разработке и реализации *ценностно-ориентированной* государственной политики, к созданию «привлекательной идейной основы будущего мироустройства» (ст. 19) и говорится об актуальности проблемы *морального лидерства*. В качестве долгосрочных стратегических целей выдвигается заявка на реализацию «оригинального российского проекта мироустройства» (ст. 19) [Белозеров, 2021: 19].

Государственный суверенитет РФ, согласно ведущим доктринальным документам, опирается на исторически сложившиеся в России *традиционные ценности*: защита последних в числе приоритетов Стратегии национальной безопасности РФ. Исследования,

⁵ Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 22.05.2024).

⁶ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 10.05.2024).

⁷ Обращение Президента Российской Федерации от 24.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения: 28.04.2024).

⁸ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 25.05.2024).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 24.05.2024).

выполненные в русле юридической антропологии, свидетельствуют в пользу этого тезиса. В частности, отмечается, что в фундаменте российских образов «государства», «закона», «власти» значительный вес имеют традиционные ценности, «освященные духом и авторитетом предков», которые нередко имеют больший вес, чем рациональные, основанные на нормах официального права [Скоробогатов, 2015: 31]. В Указе Президента РФ (от 09.11.2022) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹⁰, который позиционируется как документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, традиционные ценности определяются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности...» и суверенитета (выделено нами. – Прим. С.Р.). Закрепляется мысль, что христианство, ислам, буддизм и иудаизм как неотъемлемая часть российского духовного наследия внесли свой вклад в формировании духовных ценностей российской культуры. Православию в этом отводится особая (ведущая) роль. (Роль РПЦ в формировании макрополитического единства была продемонстрирована в телевизионной и интернет-трансляции благодарственного молебна по случаю инаугурации президента 7 мая 2024 г.)

Общность, скрепленная макрополитической идентичностью поверх любых (классовых, культурных, политических и прочих) размежеваний, требует крепких дополитических оснований социальной интеграции, социологическим индикатором которых выступают ценности доверия и солидарности. Исследование 2024 г. показывает рост подобных установок: уровень обобщенного доверия в России в период с 2020 по 2024 г. вырос на 10 п.п. – с 39 до 49%¹¹.

Представленные актуальные ценностные ориентиры общероссийской общности (наряду с другими, не рассмотренными нами) ложатся в фундамент формирующейся российской политической нации. На наш взгляд, классические определения политической нации как государственной общности, опирающейся на суверенитет, территорию, согражданство и общую культуру («перекрывающие» внутренние политические, этнокультурные, классовые, статусные, религиозные и прочие различия), следует дополнить аналитическими категориями, предложенными Б. Яком. Он показал, что становление политической нации происходит с опорой на «межпоколенческие связи» и «социальную» дружбу», а «апеллирование к учредительному суверенитету народа придает национальному сообществу политический резонанс, которого оно не имеет при других обстоятельствах» [Як, 2017: 488].

Ценностные опоры российской идентичности. Для исследования ценностных ориентиров был задан вопрос о том, что необходимо россиянам, чтобы почувствовать себя единой сплоченной общностью, российской нацией. Идея этого вопроса заключается в его проективном характере. Проективные вопросы нацелены на то, чтобы получить более тонкую и нюансированную информацию об отношении респондента к тому или иному процессу/явлению. Мы формировали его исходя из психологического понимания ценности как ресурса, того, что ощущается *необходимым* для решения проблемы в условиях выбора и преодоления трудностей. Такой подход позволяет рассмотреть наиболее глубокие и устойчивые механизмы поддержания и сохранения российской общности, выходящие на передний план в условиях быстрых и радикальных общественных перемен.

¹⁰ Указ Президента РФ от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.06.2024).

¹¹ Уровень обобщенного доверия в опросах 2020 и 2024 гг. исследовался с помощью простой 4-балльной шкалы. Респондентам задавался вопрос «Как вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» с вариантами ответов: «большинству людей точно можно доверять», «большинству людей скорее можно доверять», «большинству людей скорее нельзя доверять», «большинству людей точно нельзя доверять». Сумма ответов «большинству людей точно можно доверять» и «большинству людей скорее можно доверять» показывает уровень обобщенного доверия в РФ.

Культурная травма как «состояние напряжения, связанное с конкретными социальными изменениями» [Штомпка, 2001: 8], в случае ее переживания и преодоления открывает для субъекта (в том числе коллективного) потенциал возрождения, обновления, развития. Исследование 2024 г. показало, что наиболее востребованные ценностные ориентиры макрополитического единства россиян – «вера в Россию» (42%), «общие моральные ценности» (38%), «соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода» (33%) (табл. 3). Эта «ценностная триада» российской макрополитической идентичности представляет собой соединение консервативных («общие моральные ценности») и классических либеральных («соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода») ценностных установок под эгидой мобилизующей идеи веры в Россию, и маркирует тренд формирования российской политической нации на основе аутентичных ценностных ориентиров.

Характерно, что классические либеральные ценности – гражданские права, законность и свобода (экономическая, политическая), занимают весомое (третье) место в иерархии ценностных опор российской идентичности. Обретенные россиянами после падения СССР, они «по умолчанию» остаются в приоритете, являются уже почти аутентичными, важными и неотъемлемыми завоеваниями новой России.

Ценностный паттерн веры в Россию обладает большим потенциалом консолидации, поскольку воплощает в себе патриотический, культурный, политический, религиозный, исторический дискурсы о России, отражая глубинные процессы формирования общероссийской

Таблица 3

Представления о том, что необходимо россиянам, чтобы почувствовать себя единой сплоченной общностью, российской нацией, 2024 г.
(данные ИС ФНИСЦ РАН, % от числа опрошенных)

Ценностные опоры российской макрополитической идентичности	В целом в России	Меганополисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры, города не являющиеся районными	ПГТ	Село
Вера в Россию	42	45	40	39	34	45
Соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода	33	25	36	35	23	35
Понимание, какое будущее у России	28	25	29	28	24	29
Героический дух и военная мощь	28	31	27	26	25	31
Обновление государственно-политического устройства	14	11	15	16	20	10
Общие моральные ценности	38	37	37	42	38	37
Сильный и авторитетный лидер государства	24	24	26	22	19	25
Взаимопомощь, доверие, солидарность	28	20	30	32	24	25
Новые объединяющие идеи и смыслы	13	13	16	10	20	13
Ничего	1	0	1	2	2	1
Затруднились ответить	5	9	6	5	2	4

Примечание. Предполагался выбор не более трех ответов.

идентичности, в том числе в ее макрополитическом модусе. Широкий идейный формат, не исключающий сакральных коннотаций, потенциал гражданской мобилизации и принципиальная политическая неопределенность этого ценностного паттерна позволяет российской идентичности наполняться разнообразными смыслами, в том числе политико-гражданского свойства. Две другие опоры «ценностной триады» – «общие моральные ценности» и «соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода» выполняют, в таком контексте, функцию ценностно-мотивационных оснований российской идентичности.

Выводы. Исследование позволяет заключить, что в условиях внешних вызовов и угроз в России инициированы процессы формирования политической нации и соответствующей ей российской макрополитической идентичности. Исходя из сложившейся иерархии ведущих критериев, российская идентичность проявляет себя в 2024 г. преимущественно как *территориально-государственная* идентичность. Большинство россиян (77%) готово участвовать в нациестроительстве, поддерживая суждение «для меня самое главное – судьба русского народа». Растет уровень политической и этнической идентичностей. Но очевидна слабость гражданской компоненты российской идентичности. На первое место сегодня выходит потребность в духовном и моральном единстве. «Героический дух и военная мощь» – на четвертом месте в иерархии актуальных ценностных опор российской идентичности. Ценностная установка «вера в Россию» может стать основой гражданской религии: ее универсальный характер позволяет ей стать идейным источником общенациональной консолидации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 104–119. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.08.
- Белозеров В.К. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2021. № 2(843). С. 20–35. DOI: 10.52070/2500–347X_2021_2_843_20.
- Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 720–739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739.
- Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008.
- Дробизева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
- Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы – страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006 № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2006/6/pole-bitvy-strana-nation-building-i-nashi-nejshnbildery.html> (дата обращения: 24.04.2024).
- Латов Ю.В. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 161–179. DOI: 10.17976/jpps/2023.06.12.
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Полит. энциклопедия, 2015.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
- Миллер А.И. Нация, или Могущество мифа. СПб.: ЕУ в СПб., 2016.
- Паин Э.А., Федюнин С.А. Нация и демократия: Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 6. М.: Весь Мир, 2022.
- Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Российский правовой архетип: сущность и содержание // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 4(5). С. 28–33. DOI: 10.17816/RJLS18073.
- Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 135–142.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алтейя, 2017.
- Штопка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: 1996.
- Як Б. Национализм и моральная психология М.: Ин-т Гайдара, 2017.

VALUE PILLARS OF RUSSIAN' IDENTITY UNDER CONDITIONS OF FOREIGN CHALLENGES

RYZHOVA S.V.

Institute of Sociology of FSTAS RAS, Russia

Svetlana V. RYZHOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Research Fellow, Center for Interethnic Relations Studies, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (Silica2@yandex.ru).

Abstract. Based on the data of the general sociological survey of the population of the Russian Federation population in February-March 2024, the value foundations of the all-Russian identity are being studied, which are gaining more and more weight in the context of foreign policy pressures and confrontation between Russia and the collective West. Conceptual basis of the study is theoretical approaches to the exploring identity, values and formation processes of a political nation. The study showed that under the influence of the current president's discourse and concepts enshrined in the leading strategic planning documents on sovereignty, traditional values and moral leadership, as well as thanks to the symbolic support from the Russian Orthodox Church, an all-Russian identity acquires the features of a macropolitical territorial-state identity. Hierarchically, leading values of the all-Russian macropolitical identity involve both conservative and classical liberal values: "faith in Russia" (42%), "common moral values" (38%), "respect for the rule of law and the rights of citizens, economic and political freedoms" (33%). The conclusion is made that the value of "faith in Russia" due to its wide content format, political uncertainty and reliance on the all-Russian cultural canon allows it to become an ideological source for nation's consolidation.

Keywords: all-Russian identity, macropolitical identity, values, political nation, nation's consolidation.

REFERENCES

- Andreev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. (2024) Division and Consolidation in Russian Society Resulting from the Russian Special Military Operation. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 1: 104–119. DOI:10.17976/jpps/2024.01.08. (In Russ.)
- Belozеров V.K. (2021) The New National Security Strategy of the Russian Federation: From Gaining Meanings to Implementation. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. No. 2(843): 20–35. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_2_843_20. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9. (In Russ.)
- Erickson E. (1996) *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Tyurina I.O. (2023) Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 23. No 4: 720–739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739. (In Russ.)
- Grinfeld L. (2008) *Nationalism. Five paths to modernity*. Moscow: PER SE. (In Russ.)
- Hobsbawm E.J. (2017) *Nations and nationalism since 1780*. St. Petersburg: Althea. (In Russ.)
- Kaspe I., Kaspe S. (2006) The battlefield is a country. Nation-building and our nationbuilders. *Neprikosnovennyi zapas* [Inviolable reserve]. No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2006/6/pole-bitvy-strana-nation-building-i-nashi-nejshnbildery.html> (accessed 24.04.2024). (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2023) Dynamics of Mass Consciousness of Russians: Extraordinary Situation or Beginning of a New Cycle? *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 161–179. DOI: 10.17976/jpps/2023.06.12. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. (2015) *The Actual Past: The Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity*. Moscow: Polit. encyklopediya. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. (2010) Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 2: 90–105. (In Russ.)
- Miller A.I. (2016) *The Nation, or the Power of Myth*. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Pain E.A., Fedyunin S.A. (2017) *Nation and democracy: Perspectives of cultural diversity management*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Russian Society and Challenges of the Time. Book six.* (2022) Book 6. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Shtompka P. (2001) Social change as trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–16. (In Russ.)
- Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. (2015) Russian Legal archetype: essence and contents. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Studies]. Vol. 2. No. 4(5): 28–33 DOI: 10.17816/RJLS18073 (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2008) The Russian people and national identity. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Politics]. Vol. 6. No. 4: 135–142. (In Russ.)

Received: 26.06.24. Final version: 19.08.24. Accepted: 27.08.24.

И.М. КУЗНЕЦОВ

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ПРОФИЛЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 2021–2023 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

КУЗНЕЦОВ Игорь Михайлович – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (ingvar31@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлены первые результаты применения многомерного подхода к исследованию динамики изменения различных аспектов российской гражданской идентичности, отражающих как внутренние конфликтные зоны, так и точки согласованности, формирующиеся на разных этапах консолидации российского сообщества в условиях внешнего военного, политического и экономического давления. В исследовании использовалась методика, сконструированная на основе пятикомпонентной модели измерения ингрупповой идентификации К. Лича и его коллег. Эмпирической базой исследования послужили данные опроса жителей Республики Саха (Якутия) 2021–2023 гг. По результатам проведенного анализа автор делает следующие выводы. Первый год начала СВО можно обозначить как период общественно-политической турбулентности, переосмысления как самого факта принадлежности к российскому сообществу, так и восприятия этого сообщества как некоей целостности. Наиболее драматичными для всех поколений россиян были дискуссии и конфликты, связанные с сюжетами, касающимися сопричастности, преданности, как минимум – лояльности сообществу россиян, ценностям и нормам этого сообщества, его историческому пути. В 2023 г. доминантой стал процесс консолидации российского сообщества, о чем свидетельствует рост показателей всех измерений российской идентичности до значений выше среднего. Наиболее активно шел прирост групп с высокими самооценками по тем параметрам идентичности, которые отражают индивидуальные усилия по осмыслению и формированию личного отношения к сообществу россиян как целостности.

Ключевые слова: профиль общероссийской идентичности • параметры идентичности • сплоченность • удовлетворенность принадлежностью к россиянам • межпоколенная консолидация в период СВО

DOI: 10.31857/S0132162524090066

Постановка проблемы. В период проведения Специальной военной операции на Донбассе (СВО) становится особенно актуальной диагностика динамики общественных настроений. В этот период с большой вероятностью может происходить как поляризация, так и консолидация общества по общественно-политическим позициям, особенно в вопросах гражданской идентичности. Одним из ключевых моментов такой диагностики является отслеживание динамики изменения российской гражданственно-государственной идентичности жителей страны.

В отечественной «классике» и, в частности, в этносоциологической школе Л.М. Дробижевой, для измерения уровня российской идентичности используется вопрос, предложенный В.А. Ядовым и его коллегами в 1990-е гг. Этот вопрос был направлен на измерение общего уровня осознания принадлежности к сообществу россиян, ощущения общности, близости с гражданами России по шкале «часто», «иногда», «практически никогда» [Рыжова, 2023: 45]. Однако оценка состояния российской идентичности как основного ресурса консолидации/поляризации требует более детального исследования ее структуры с применением многомерных методов, позволяющих фиксировать меру распространенности и судить о достаточной (или слабой) сформированности отдельных компонентов этой идентичности, таких как мера

и основания солидарности разных слоев населения с многонациональным народом России, степень психологической связи граждан со страной, мера приверженности общим ценностям, идеалам и целям, место российской идентичности в структуре индивидуального и социально-го самосознания личности.

В настоящей статье представлены первые результаты применения многомерного подхода в исследовании динамики различных аспектов российской гражданской идентичности, отражающих как внутренние конфликтные зоны общественного сознания, так и точки согласованности, формирующиеся на разных этапах консолидации российского сообщества в условиях внешнего военного, политического и экономического давления.

Методология и эмпирическая база исследования. В качестве основы реализации многомерного подхода к измерению российской идентичности была избрана методика, сконструированная К. Личем и его коллегами [Leach et al., 2008]. Эта методика имеет ряд положительных черт. Во-первых, она была создана на основе глубокого анализа работ, посвященных исследованию различных аспектов социальной идентичности. Во-вторых, она ориентирована на исследование социальных идентичностей разного таксономического уровня (государственно-гражданских, этнических, социально-политических и др.). Наконец, она была адаптирована и проверена на надежность и валидность на российских выборах [Агадуллина, Ловаков, 2013; Хухлаев и др., 2019].

Методика предназначена для количественного измерения пяти компонентов, характеризующих когнитивные, аффективные и поведенческие аспекты социальной идентичности.

Первый компонент – уровень удовлетворенности (satisfaction) принадлежностью к сообществу, отражающий меру позитивных эмоций по отношению к сообществу в целом и к факту своей принадлежности к этому сообществу. По мнению авторов данной методики, эмоциональная оценка принадлежности к сообществу представляет собой «наиболее распространенный способ идентификации с группой и этот компонент может быть наиболее тесно связан с другими компонентами идентификации» [Leach et al., 2008: 147].

Второй компонент – мера сплоченности (solidarity), т.е. психологической связи с другими членами сообщества, что должно определять степень приверженности определенным общим ценностям и целям этого сообщества, готовность к скоординированной деятельности. Основанием для выделения этой составляющей социальной идентичности в особую категорию послужило известное высказывание основателя теории социальной идентичности Г. Тэджфела о том, что социальная идентичность представляет собой «ту часть самооценки индивида, которая вытекает из его знаний о своей принадлежности к социальной группе (группам) и из ценности и эмоционального смысла, которые сопровождают это членство» [Tajfel, 1981: 255]. Ряд исследователей считают необходимым выделить из всего комплекса эмоциональных-когнитивных смыслов оценку психологической приверженности (commitment) группе [Ellemers et al., 1999]. Важность учета этого компонента подчеркивается в теориях коллективной идентичности [Ashmore et al., 2004].

Третий компонент – степень рельефности (centrality) дает возможность оценить место принадлежности к данной общности в структуре Я-концепции индивида. Учет сформированности этого компонента гражданской идентичности особенно важен в контексте как внешних, так и внутренних угроз сообществу, поскольку отражает уровень остроты восприятия таких угроз и готовность к защите сообщества [Crocker, Luhtanen, 1990].

Четвертый компонент – самостереотипизация (individual self-stereotyping), т.е. мера убежденности в том, что индивид, причисляющий себя к сообществу, чем-то похож на других членов данного сообщества. Выделение этого компонента основано на том, что процесс самокатегоризации предполагает не просто механическое причисление индивида к сообществу, а восприятие себя в терминах сообщества, что сопровождается некоторой «деперсонализацией» индивида [David, Bar-Tal, 2009]. Это является первым шагом на пути формирования собственно социальной идентичности (в отличие от идентичности личностной).

Пятый компонент – гомогенность (in-group homogeneity), т.е. мера убежденности в том, что члены данного сообщества представляют собой относительно однородную группу,

Таблица 1

Многомерная методика измерения идентичности

Суждения	Компоненты
«Я чувствую свою связь с россиянами» «Я во всем солидарен с россиянами»	Сплоченность
«Я думаю, что россиянам есть чем гордиться» «Мне приятно осознавать себя частью российского сообщества»	Удовлетворенность
«Принадлежность к россиянам – важная часть моего представления о себе» «Принадлежность к россиянам накладывает отпечаток на мою личность»	Рельефность
«У меня много общего со среднестатистическим россиянином» «По характеру я похож на среднестатистического россиянина»	Самостереотипизация
«У россиян много общего между собой» «Все россияне по характеру очень похожи друг на друга»	Гомогенность

отличающуюся от других таких же групп по бытовой культуре, ценностям, образу жизни и т.п. По сути, этот компонент отражает меру сформированности в общественном мнении представления о сообществе, как о некоей субъектной целостности (entitativity) [Lickel et al., 2000].

В нашем варианте методика представляет собой блок из 10 суждений, фиксирующих меру сформированности указанных пяти компонентов идентичности (табл. 1).

Респонденты оценивали свое согласие с каждым суждением по четырехбалльной шкале – от категорического несогласия (1 балл) до полного согласия (4 балла). Набор средних значений по пяти компонентам образует *профиль* российской идентичности. Рассмотрение динамики изменения компонентов в настоящей статье велось преимущественно в рамках однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). В некоторых случаях мы использовали для анализа тех же компонентов категориальные переменные, фиксирующие «низкий» (до 2 баллов), «средний» (от 2,2 до 3 баллов) и «высокий» (свыше 3,2 баллов) уровень сформированности того или иного компонента.

Эмпирическую базу исследования составили данные опросов населения Республики Саха (Якутия), проведенных в 2021–2023 гг. в рамках совместного проекта Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственного автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия)». Именно в этом совместном проекте впервые появилась возможность включить рассмотренный выше блок вопросов в анкету массового социологического опроса, что и предопределило выбор республики в качестве пилотного региона многомерного исследования российской идентичности. Выборка опросов в пределах 1400–1500 респондентов репрезентирует население республики по полу, возрасту и национальной принадлежности.

Ограничения. Хотя данные о состоянии и динамике изменения российской идентичности, полученные в ходе опросов в Республике Саха (Якутия), отражают этнокультурную, социально-экономическую, географическую специфику республиканской выборки, нами не ставилась задача характеризовать особенности регионального профиля российской идентичности, что предполагает наличие как минимум базы аналогичных данных по другим регионам России. На примере республиканской выборки мы стремились выявить и охарактеризовать тенденции изменения профиля российской гражданской идентичности, связанные с переживанием разных этапов общей для всех российских регионов ситуации проведения СВО.

Динамика изменения профиля российской идентичности в контексте СВО. По методике «классического» одномерного измерения общего уровня российской идентичности в Республике Саха (Якутия) в 2022 г. было отмечено значимое снижение этого уровня по сравнению с 2021 г. на 5 п.п. (с 71 до 66%), а в 2023 г. – резкий рост до 76%. Поскольку многомерный инструментальный был использован в республиканских опросах 2021–2023 гг., т.е. до и после начала СВО, мы имеем возможность проследить динамику изменения профиля российской

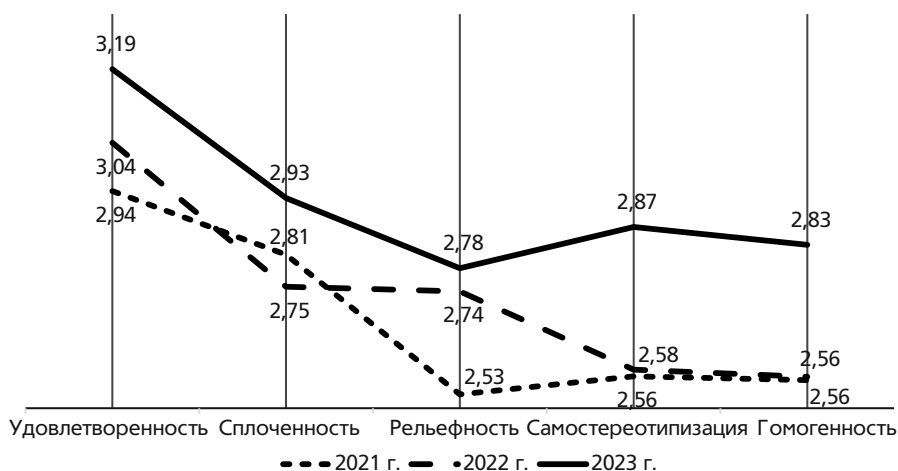

Рис. 1. Профили российской идентичности жителей Республики Саха Якутия в 2021–2023 гг. (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Примечание. Здесь и далее максимальный доверительный интервал составляет $\pm 0,04$ балла.

идентичности в ситуации, связанной с обострением геополитического противостояния (см. рис. 1).

В 2022 г. произошло небольшое снижение показателей *сплоченности*, т.е. меры осознания респондентами своей психологической связи с россиянами. При этом существенно повысились показатели значимости факта принадлежности к россиянам в личностном самосознании (*рельефность*), что, в частности, свидетельствует, как отмечено выше, о повышении меры готовности к защите сообщества от внешних угроз. Наконец, практически неизменными (по сравнению с 2021 г.) остались низкие показатели *самостереотипизации* и *гомогенности*, отражающие достаточно слабую сформированность образа «мы – россияне» как коллектива и в 2021, и в 2022 гг. На наш взгляд, все это говорит о противоречивости процессов переосмысления как самого факта принадлежности к российскому сообществу, так и восприятия этого сообщества как некоей целостности в 2022 г. С одной стороны, наблюдается ослабление чувства солидарности со всеми россиянами, предполагающее поляризацию самооценок приверженности ценностям российского сообщества, сопричастности историческим судьбам этого сообщества, пересмотр обязательств по отношению к этому сообществу [Hollinger, 2006]. С другой стороны, в том же 2022 г. фиксируется существенный рост значимости идентификации с россиянами в структуре личностного самосознания, что, напротив, предполагает рост всех вышеперечисленных чувств. Таким образом, первый год СВО можно охарактеризовать на республиканском уровне как период социально-политической турбулентности.

Для 2023 г. характерен значимый (по критериям T2 Тамхейна или Шеффе) рост показателей всех измерений российской идентичности до значений выше среднего. Следует отметить рост (после некоторого снижения в 2022 г.) показателей *сплоченности*. В итоге можно предположить, что, в отличие от ситуации 2022 г., в 2023 г. доминантой стал процесс консолидации многонационального республиканского сообщества по всем параметрам, характеризующим меру идентификации с россиянами.

Более детальное представление об описанных процессах дает анализ динамики изменения пропорций респондентов в категориальных переменных по каждому компоненту идентичности (табл. 2).

Данные, представленные в табл. 2, позволяют сделать вывод о том, что в 2022 г. общий показатель эмоциональной удовлетворенности фактом принадлежности к россиянам рос только за счет увеличения группы со *средней* степенью удовлетворенности при

Таблица 2

Мера сформированности компонентов российской идентичности в 2021–2023 гг.
(% опрошенных)

Мера сформированности	Период		
	2021 г.	2022 г.	2023 г.
<i>Удовлетворенность</i>			
Высокая	46	46	55
Средняя	34	37	31
Низкая	20	17	14
<i>Сплоченность</i>			
Высокая	35	29	41
Средняя	41	46	38
Низкая	24	25	21
<i>Рельефность</i>			
Высокая	27	28	37
Средняя	39	46	37
Низкая	34	26	26
<i>Самостереотипизация</i>			
Высокая	26	28	37
Средняя	42	37	41
Низкая	32	35	22
<i>Гомогенность</i>			
Высокая	24	24	35
Средняя	44	43	42
Низкая	32	33	23

Примечание. Шрифтом выделены значения, которые существенно отличаются по столбцам на уровне $\leq 0,05$.

Источник: По данным опроса населения Республики Саха (Якутия) 2021–2023 гг.

одновременном сокращении группы с низкими показателями. Для 2023 г. характерен значимый рост группы с *высокими* показателями удовлетворенности при продолжающемся сокращении доли респондентов с низкими показателями.

Процесс переосмысления своей психологической связи, внутренней солидарности с обществом россиян в 2022 г. сопровождался статистически значимым *сокращением* группы респондентов с *высоким* уровнем сформированности чувства солидарности с россиянами при одновременном увеличении группы со средними показателями. В 2023 г., напротив, произошло существенное увеличение группы респондентов с *высокими* показателями при незначительном сокращении групп со средними и низкими показателями.

Примерно такой же алгоритм характерен для динамики изменения показателя рельефности. В 2022 г. этот показатель значимо вырос. Однако рост происходил только за счет увеличения пропорции группы со *средним* уровнем сформированности на фоне сокращения группы респондентов с низкими показателями. Иначе говоря, в контексте СВО в республиканском сообществе начался процесс переоценки значимости факта принадлежности к россиянам в системе личностного самосознания, причем преимущественно среди россиян, которые не придавали особой роли российской идентичности в своем личностном самоопределении. В 2023 г. значимо выросла пропорция респондентов с *высокими* показателями центрированности российской идентичности и сокращении группы с низкими показателями по этому параметру до уровня 2021 г.

Наконец, в 2022 г. не наблюдается сколько-нибудь существенных изменений по параметрам самостереотипизации и гомогенности, характеризующим сформированность образа «мы-россияне» как органической целостности. Но уже в начале 2023 г. в республиканском сообществе наблюдается значимое увеличение групп с высокими показателями самооценки сходства респондента с россиянами в целом и сформированности представлений о российском сообществе как субъектной гомогенной целостности. Это означает, что в республиканском общественном мнении российское сообщество по сравнению с 2021 г. воспринимается уже не как статистическая совокупность граждан, а скорее как некое единство, целостный коллектив.

Важная особенность изменений параметров идентичности в 2023 г. (в отличие от предыдущего года) состоит в значительном росте пропорций групп с высокими и сокращении групп с низкими показателями. Это дополнительно подтверждает сделанный на основе анализа средних баллов вывод о том, что в 2023 г. активизировался процесс консолидации российского сообщества. Необходимо также отметить, что в 2023 г. наиболее активно шел прирост групп с высокими самооценками по параметрам идентичности, которые отражают *индивидуальные* усилия по осмыслению и формированию личного отношения к сообществу как к «органической» (в терминах Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1996]), целостности. По этим компонентам группы с высокими показателями сформированности составили статистическое большинство. А по параметрам, скорее отражающим сформированность генерализованного образа россиянина и образа российского сообщества как единого целого в информационной среде (включая образы, транслируемые через социальные сети, СМИ, тексты художественной литературы, театральные постановки, кинематограф и т.п.), прирост групп с высоким уровнем показателей был скромнее. Можно предположить, что особенностью процесса общественной консолидации 2023 г. является активный пересмотр жителями республики своего *личного* отношения как к стране в целом, так и российскому сообществу на фоне разнонаправленных трактовок этих сюжетов в информационной среде и дефицита текстов (в широком смысле этого слова), посвященных детализации образа «мы-россияне» как субъектной целостности.

Особенности процесса межпоколенной консолидации в контексте СВО. По мнению ряда исследователей, «СВО сначала стихийно, но чем далее, тем более осознанно, “зацепила”, консолидировала и богатых, и бедных, столицы и провинцию, молодых и старых...» [Никовская, 2022: 45]. Эмпирические данные нашего исследования дают возможность на примере республиканской выборки более детально рассмотреть этапы и особенности консолидации представителей разных поколений россиян. За начало процесса мы берем характеристики межпоколенной консолидации в 2021 г. (рис. 2)

Однофакторный дисперсионный анализ возрастных различий/сходств по каждому компоненту показал статистически значимую солидарность представителей всех возрастов относительно сходства каждого из респондентов с типичным россиянином (параметр самостереотипизации) и представлений о мере однородности российского сообщества как целостности. Причем представители всех поколений были в 2021 г. едины в средних или низких оценках готовности признать свое сходство с россиянами вообще и в признании относительной однородности российского сообщества в целом. На наш взгляд, эта своеобразная консолидация мнений, свидетельствующая о слабой сформированности образа «мы-россияне», позволяет говорить о том, что этот образ является относительной новацией для всех поколений жителей республики.

По параметру удовлетворенности принадлежностью к россиянам в 2021 г. отмечалось отчетливое сходство средних оценок представителей самой молодой (18–30 лет) и средней (31–50 лет) возрастных когорт и в то же время сходство оценок респондентов среднего и старшего (51 и старше) возраста. Таким образом, мы можем говорить о некоей «ступенчатой» межпоколенной консолидации оценок удовлетворенности принадлежностью к россиянам. Самые высокие оценки характерны для старшей возрастной группы. К ней близки в своих оценках представители среднего возраста, а с последними, в свою очередь, солидарны представители

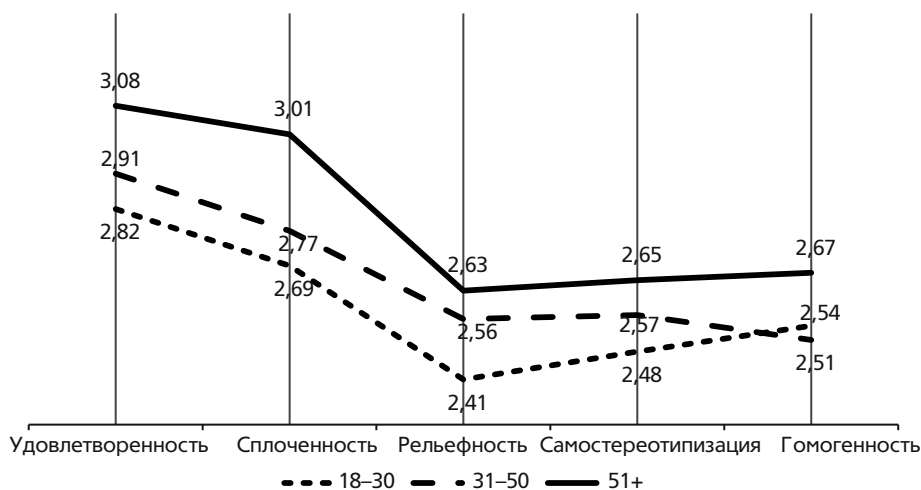

Рис. 2. Профиль российской идентичности для разных возрастных групп в 2021 г. (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

молодежи, существенно отличающиеся своими низкими оценками удовлетворенности только от самой старшей возрастной группы.

Такой же «ступенчатый» характер носит межпоколенная консолидация оценок рельефности, т.е. значимости российской идентичности в структуре личностного самосознания. Самооценки молодежи близки к оценкам представителей среднего возраста, а их оценки статистически значимо не отличаются от оценок личностной значимости российской идентичности, сделанных респондентами самого старшего возраста.

По показателю сплоченности, т.е. мере ощущения своей психологической связи с россиянами в 2021 г., консолидированными оказались только самооценки молодежи и представителей средней возрастной группы, от которых значимо более высокими оценками отличались респонденты самого старшего возраста.

Данные 2022 г. по возрастным профилям российской идентичности в целом свидетельствуют о том, что процесс переосмысления тех или иных аспектов своего отношения к России затронул жителей республики всех поколений, что сказалось на конфигурации межпоколенной консолидации в первые месяцы после начала СВО (рис. 3).

В 2022 г. уже не фиксируется «ступенчатая» межпоколенная консолидация по компонентам удовлетворенность и рельефность. Сходными в самооценках по этим аспектам идентичности оказались только респонденты среднего и старшего поколений. Молодежь стала значимо отличаться от них низкими показателями. Если учесть, что в рассматриваемом году в целом происходил рост этих оценок, то у молодежи этот рост был менее интенсивным, чем у представителей старших возрастов. Это может свидетельствовать, что поляризация мнений об эмоциональной удовлетворенности своей принадлежности к России и значимости российской идентичности в личностном самосознании (и самоопределении) в контексте начала СВО была в молодежной среде более выраженной, что и сказалось на средних низких оценках при общей тенденции роста по сравнению с 2021 г.

Такая же ситуация в 2022 г. наблюдалась и по самооценкам респондентами своего сходства с россиянами вообще. Если годом ранее мы фиксировали практически полное сходство таких самооценок у представителей всех поколений, то в 2022 г. сходными, при тенденции к росту, оказались только самооценки среднего и старшего поколений жителей республики. Для молодежи республики в этом году была характерна тенденция к снижению самооценок

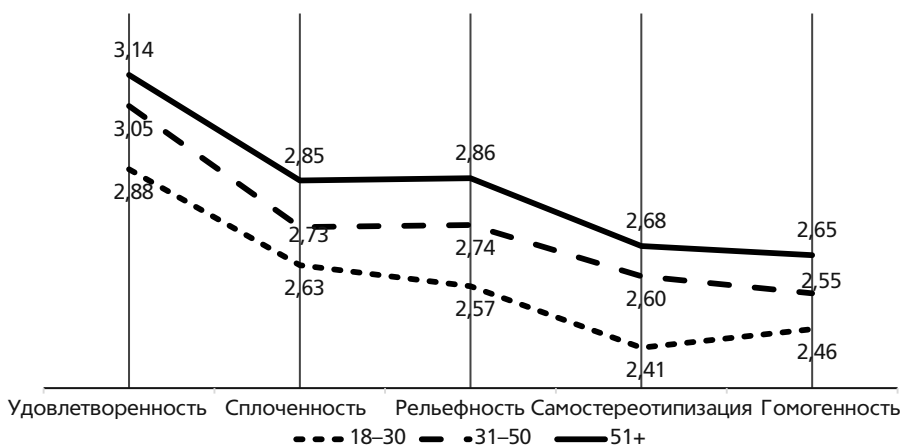

Рис. 3. Профиль российской идентичности для разных возрастных групп в 2022 г. (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

сходства с типичным россиянином и статистически значимое отличие от самооценок более старших возрастных групп.

И наоборот, если в 2021 г. по параметру сплоченности мы наблюдали сходство относительно низких самооценок своей солидарности с российским сообществом у молодежи и средней возрастной группы, то в 2022 г. при общей тенденции снижения самооценок по этому параметру в самой старшей возрастной группе это снижение было более существенным, чем у более молодых респондентов. Итогом стала ступенчатая межпоколенная консолидация самооценок сплоченности на пониженном (против 2021 г.) уровне: самооценки солидарности с россиянами в 2022 г. у самого старшего поколения приблизились к самооценкам респондентов среднего возраста, а к ним примыкают самооценки молодежи, значимо отличающиеся от самооценок представителей возрастной группы 51 год и старше.

Теоретически тенденцию к снижению оценок по тем или иным компонентам профиля российской идентичности в 2022 г. можно рассматривать как свидетельство большей или меньшей поляризации мнений и диспозиций по конкретному аспекту идентификации с российским сообществом, т.е. как отражение той или иной меры драматичности происходивших в 2022 г. процессов переосмысления жителями республики своего отношения к стране в ситуации начала СВО.

В этом плане, на наш взгляд, можно выделить тот компонент профиля российской идентичности, где поляризация мнений по отношению к России носила наиболее драматичный характер. Это – переосмысление в начале СВО личных диспозиций, касающихся солидарности с российским сообществом, т.е. самооценка по параметру «сплоченность». Поскольку для указанного года была характерна общая для всех возрастных групп тенденция снижения самооценок по этому параметру, можно предположить, что наиболее драматичными для всех поколений жителей республики (не только для молодежи) были дискуссии по сюжетам сопричастности, преданности, как минимум – лояльности (commitment) [Ellemers et al., 2002: 164] сообществу россиян, ценностям и нормам этого сообщества, его историческому пути.

Как отмечено выше, 2023 г. можно охарактеризовать как период активной консолидации республиканского сообщества по всем параметрам российской гражданской идентичности, и это в полной мере относится к процессу межпоколенной консолидации (рис. 4).

Сразу же можно отметить содержательный аспект российской идентичности, в рамках которого консолидация жителей республики разных поколений наиболее отчетлива. Это – сходная для респондентов разных возрастных групп высокая самооценка места и роли факта принадлежности к россиянам в системе личностного самосознания (возможно, и личностного

Рис. 4. Профиль российской идентичности для разных возрастных групп в 2023 г. (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

самоопределения), т.е. оценка по параметру «рельефность» идентичности. Кроме того, в рассматриваемом году в республиканском общественном мнении был достигнут определенный межпоколенный консенсус относительно самооценки респондентами своей психологической связи с россиянами в целом, т.е. меры сплоченности. Однако этот консенсус носит «ступенчатый характер»: самая высокая мера сплоченности продемонстрирована представителями самой старшей возрастной группы, к ней примыкают несколько сниженные показатели респондентов среднего возраста, а к последним – низкие самооценки сплоченности в молодежной среде, значительно отличающиеся от самооценок самого старшего поколения. Наконец, можно выделить особые, значительно отличающиеся низким уровнем от самооценок других возрастных групп, оценки молодежью удовлетворенности принадлежностью к россиянам и сходства с типичным россиянином, т.е. оценки своей готовности ассоциировать себя с россиянами в целом. В какой мере эти особенности профиля российской идентичности молодежи связаны с возрастными особенностями процесса идентификации (некоторым сдвигом по времени вправо периодов прохождения пятой и шестой стадий развития личности в терминах эпигенетической теории Э. Эриксона [Эриксон, 1996]) или они связаны с особенностями общероссийского контекста социализации этого поколения россиян в начале 2000-х гг. – этот вопрос остается открытым для дальнейших исследований.

Основные выводы. Исследование динамики изменения профиля российской гражданской идентичности на материалах опросов населения Республики Саха (Якутия) 2021–2023 гг. позволило выявить следующие тенденции, предположительно характерные для изменения профиля идентичности россиян в целом в контексте СВО.

1. Первые месяцы начала СВО (2022) можно обозначить как период общественно-политической турбулентности, переосмысления значимости как самого факта принадлежности к российскому сообществу, так и восприятия этого сообщества как некоей целостности. В этот период фиксировалось ослабление (по сравнению с относительно бескризисным 2021 г.) показателей солидарности с сообществом россиян, отражающее поляризацию самооценок приверженности ценностям российского сообщества, сопричастности его историческим судьбам. В то же время наблюдался существенный рост значимости идентификации с россиянами в структуре личностного самосознания, что, напротив, предполагает рост всех вышеперечисленных чувств по отношению к сообществу.

2. В указанный период наиболее драматичными для всех поколений жителей республики были дискуссии и конфликты, связанные с сюжетами, касающимися сопричастности,

преданности, как минимум – лояльности сообществу россиян, ценностям и нормам этого сообщества, его историческому пути. На наш взгляд, латентной почвой такой поляризации общественного мнения в начале СВО являются специфичные для российского историко-культурного контекста полярные представления о патриотизме. Так, по данным ФОМ 2000 г., 50% россиян считали, что «патриот может любить только родину, а государство, власть любить не обязан», тогда как 44% придерживались противоположного мнения¹. К 2021 г. ситуация в этом плане существенно не изменилась [Кузнецов, 2023].

3. В 2023 г. доминантой стал процесс консолидации республиканского сообщества по всем параметрам российской идентичности. Об этом свидетельствует рост показателей всех измерений российской идентичности до значений выше среднего. Наиболее активно шел прирост групп с высокими самооценками параметров идентичности, которые отражают индивидуальные усилия по осмыслению и формированию личного отношения к сообществу россиян как целостности. А по параметрам, скорее отражающим сформированность генерализованного образа россиянина и образ российского сообщества как единого целого в республиканской и общероссийской информационной среде (включая образы, транслируемые через социальные сети, СМИ, тексты художественной литературы, театральные постановки, кинематограф и т.п.), прирост групп с высоким уровнем показателей был более скромным. Можно предположить, что особенностью процесса общественной консолидации 2023 г. является активный пересмотр жителями республики своего личного отношения к стране в целом и российскому сообществу на фоне разнонаправленных трактовок этих сюжетов в информационной среде. Это, в частности, накладывает определенные ограничения на проведение аналогий с процессами консолидации, характерными, например, для Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда информационная среда была несравненно более однородной.

4. Вывод об активизации процессов общественной консолидации в 2023 г. подтверждается и анализом процесса межпоколенной консолидации. Наиболее отчетливо консолидация жителей республики разных поколений прослеживается в высоких (по сравнению с предыдущими годами) самооценках места и роли факта принадлежности к россиянам в системе личностного самосознания (и, возможно, личностного самоопределения), т.е. по параметру «рельефность» идентичности. Кроме того, в рассматриваемом году в республиканском общественном мнении был достигнут определенный межпоколенный консенсус относительно самооценки респондентами степени своей психологической связи с россиянами в целом, т.е. меры сплоченности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157. DOI: 10.17323/1813-8918-2013-4-143-157.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
- Кузнецов И.М. Патриотизм региональной молодежи в социологическом измерении (на примере Пензенской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 2. С. 25–40. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.2.
- Никовская Л.И. К проблеме формирования консолидации российского общества: взгляд конфликтолога // Местное право. 2022. № 3. С. 45–50.
- Рыжова С.В. Этносоциологическая школа Л.М. Дробизевой: формирование подходов к изучению российской идентичности // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2.
- Хухлаев О.Е., Александрова Е.А. и др. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14. № 3. С. 71–82. DOI:10.17759/chp.2019150308.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

¹ База данных ФОМ. Тестирование понятия: «патриотизм». URL: <https://bd.fom.ru/report/cat/socium/dd001537> (дата обращения: 28.03.2024).

- Ashmore R.D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality // *Psychological Bulletin*. 2004. Vol. 130. No. 1. P. 80–114. DOI: 10.1037/0033-2909.130.1.80.
- Crocker J., Luhtanen R. Collective Self-esteem and Ingroup Bias // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58. No. 1. P. 60–67. DOI: 10.1037/0022-3514.58.1.60.
- David O., Bar-Tal D.A. Sociopsychological Conception of Collective Identity: The Case of National Identity as an Example // *Personality and Social Psychology Review*. 2009. Vol. 13. No. 3. P. 354–379. DOI:10.1177/1088868309344412.
- Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J.W. Self-categorization, commitment to the group and group self-esteem as related but distinct aspects of social identity // *European Journal of Social Psychology*. 1999. Vol. 29. P. 371–389. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(199903/05)29:2/33.3.CO;2-L.
- Ellemers N., Spears R., Doosje B. Self and social identity // *Annual review of psychology*. 2002. Vol. 53. P. 161–186. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135228.
- Hollinger D.A. From Identity to Solidarity // *Daedalus*. 2006. No. 135(4). P. 23–31. DOI: 10.1162/daed.2006.135.4.23.
- Leach C.W., van Zomeren M. et al. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multi-component) model of ingroup identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. No. 1. P. 144–165. DOI:10.1037/0022-3514.95.1.144.
- Lickel B., Hamilton D.L. et al. Varieties of groups and the perception of group entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78. No. 2. P. 223–246. DOI: 10.1037//0022–3514.78.2.223.
- Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1981.

Статья поступила: 01.04.24. Финальная версия: 18.05.24. Принята к публикации: 16.07.24.

DYNAMICS OF CHANGING PROFILE OF RUSSIAN IDENTITY IN 2021–2023 (THE CASE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

KUZNETSOV I.M.

Institute of Sociology of FSTAS RAS, Russia

Igor M. KUZNETSOV, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Research Fellow of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (ingvar31@yandex.ru)

Abstract. The article presents the first results of applying a multidimensional approach to studying dynamic changes in various aspects of Russian civil identity in 2021–23. It uses a technique based on a five-component model for measuring group identification developed by K. Leach et al. The empirical base for the study is data from a survey conducted among residents of the Sakha Republic (Yakutia). Based on the analysis of the results, the author concludes that 2022 was a period of social and political turbulence, during which there was a rethinking of both the sense of belonging to Russian society and the perception of it as an integral entity. The most significant events for all generations of Russians were discussions and conflicts on issues related to belonging, commitment to, or at least loyalty towards, the Russian community, its values, norms, and historical path. In 2023, the process of the Russian community consolidation became dominant, as evidenced by the growing indicators of all dimensions of Russian identity above the average. The most active growth was seen in groups with high self-esteem in those identity parameters that reflect individual efforts to rethink and inform a personal attitude towards the Russian community. While, according to parameters that rather reflect the formation of a generalized image of the Russian community as a whole in the information environment (including images transmit through social networks, mass media, texts of fiction, theatrical productions, cinematography, TV etc.), the increase in groups with high values was less significant.

Keywords: the profile of the all-Russian identity, the parameters of identity, solidarity, satisfaction with belonging to Russians, consolidation during the period of SMO.

REFERENCES

- Agadullina E.R., Lovakov A.V. (2013) Measurement Model of In-group Identification: Validation in Russian Samples. *Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. Vol. 10(4): 139–153. DOI: 10.17323/1813-8918-2013-4-143-157. (In Russ.)
- Ashmore R.D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. (2004) An Oorganizing Framework for Collective Identity: Articulation and Significance of Multidimensionality. *Psychological Bulletin*. Vol. 130. No. 1: 80–114. DOI: 10.1037/0033-2909.130.1.80.

- Crocker J., Luhtanen R. (1990). Collective Self-esteem and Ingroup Bias. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 58. No. 1: 60–67. DOI:10.1037/0022-3514.58.1.60.
- David O., Bar-Tal D. A (2009) Sociopsychological Conception of Collective Identity: The Case of National Identity as an Example. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 13. No. 3: 354–379. DOI: 10.1177/1088868309344412.
- Durkheim E. (1996) *The Division of Labor in Society*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
- Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J.W. (1999) Self-categorization, Commitment to the Group and Group Self-esteem as Related but Distinct Aspects of Social Identity. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 29: 371–389. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(199903/05)29:2/33.3.CO;2-L.
- Ellemers N., Spears R., Doosje B. (2002) Self and social identity. *Annual review of psychology*. Vol. 53: 161–186. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135228.
- Erikson E.H. (1996) *Identity: Youth and crisis*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Khukhlaev O. Ye., Aleksandrova E.A. et al. (2019) Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural Historical Psychology]. Vol. 15(3): 71–82. DOI: 10.17759/chp.2019150308. (In Russ.).
- Kuznetsov I.M. (2023) Patriotism of the regional youth in the sociological dimension (case of the Penza region). *Sotsiologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological science and social practice]. Vol. 11. No. 2: 25–40. DOI 10.19181/snsp.2023.11.2.2. (In Russ.)
- Leach C.W., van Zomeren M. et al. (2008) Group-level Self-definition and Self-investment: A Hierarchical (Multi-component) Model of Ingroup Identification. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 95. No. 1: 144–165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144.
- Lickel B., Hamilton D.L. et al. (2000) Varieties of Groups and the Perception of Group Entitativity. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 78. No. 2: 223–246. DOI: 10.1037//0022-3514.78.2.223.
- Ryzhova S.V. (2023) The Ethno-sociological School of L. Drobizheva: Developing Approaches towards the Study of all-Russian Identity. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 29. No. 1: 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2. (In Russ.)
- Tajfel H. (1981) *Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Received: 01.04.24. Final version: 18.05.24. Accepted: 16.07.24.

© 2024 г.

И.О. ТЮРИНА, Г.А. КЛЮЧАРЕВ

ИТОГИ ПРОЕКТА «5-100»: ПРОЕКЦИЯ НА ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ

ТЮРИНА Ирина Олеговна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник (irina1-tiourina@yandex.ru); КЛЮЧАРЕВ Григорий Артурович – доктор философских наук, руководитель Центра социологии образования и науки; профессор кафедры философии, социологии и права им. Г.С. Арефьевой НИУ «Московский энергетический институт» (klucharev@mail.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН Москва, Россия.

Аннотация. Вопрос трудоустройства выпускников рассматривается как функция системных преобразований высшей школы, обусловленных масштабными государственными инвестициями. Анализируются итоги проекта «5-100» (2013–2020), целью которого стала адаптация российских университетов к мировым стандартам и включение их в международную образовательную среду. По его завершении было достигнуто существенное переформатирование учебных планов и стандартов, осуществлен переход к новой организации учебного процесса, в совокупности оказавших воздействие на более успешное трудоустройство выпускников университетов-лидеров. Приведены результаты сравнительного анализа трудоустройства выпускников университетов-лидеров ($N = 18$) и остальных университетов ($N = 185$), принявших участие в исследовании Института социологии ФНИСЦ РАН в октябре – декабре 2021 г. Структура выборки: трудоустроенные выпускники ($N = 3788$) этих вузов, в числе которых ($N = 368$) выпускники вузов – участников проекта «5-100». Также опрошены 203 эксперта – проректоры и руководители университетских служб по трудоустройству, из них 18 человек представляли университеты-лидеры. Модель выборки сформирована по статистическим квотам, пропорционально численности выпускников по федеральным округам РФ. Опрошенные молодые специалисты имели стаж работы не более 1–5 лет с момента выпуска. Таким образом, все они проходили обучение в период действия проекта «5-100». Одним из основных выводов по результатам исследования стало признание того, что обучение в университетах группы «5-100» обеспечило выпускникам хорошо оплачиваемую работу по специальности и высокую степень личной удовлетворенности трудовой деятельностью.

Ключевые слова: трудоустройство выпускников • проект «5-100» • реформирование отечественной высшей школы

DOI: 10.31857/S0132162524090079

Постановка проблемы. Какие обязательства и перед кем имеют высшие учебные заведения? В качестве хозяйствующих субъектов в сфере учебной деятельности они подотчетны, прежде всего, государству с целевым бюджетным финансированием в виде субсидий, а также учредителям, инвесторам, покупателям образовательных, научно-исследовательских услуг и опытных конструкторских разработок. Обязательства трудоустройства или, по крайней мере, содействия трудоустройству выпускников со стороны университетов – далеко не очевидны. Они никак не указаны в законодательстве о высшей школе. В советский период существовал механизм распределения по определенным рабочим местам, но в рыночной экономике

он не может функционировать. Сегодня размер внешнего финансирования – основная часть бюджета вуза – напрямую зависит от количества студентов. В результате происходит острая конкурентная борьба вузов за абитуриентов, в которой хорошим тоном считается публично сообщать о возможностях и условиях трудоустройства по окончании учебы и даже о гарантиях выбора мест работы и фиксированной минимальной оплаты труда.

Многочисленные исследования трудоустройства выпускников высших учебных заведений [Варшавская, 2017а; 2019b; Гимпельсон, 2020; Капелюшников, 2021; Чередниченко, 2020а; 2020b; Шацкая, 2017] подтверждают, что это – сложный, многофакторный процесс, в котором заинтересованы разные стороны. Помимо самих учащихся, это реальный сектор экономики, рынка труда и образовательных услуг, конкретные работодатели. На основании результатов трудоустройства, по данным статистики, регионы формируют предложения для Министерства науки и высшего образования РФ (далее – Минобрнауки) по контрольным цифрам приема в вузы, определяют размер местных субсидий образованию и количество бюджетных мест. Все это утверждается Минобрнауки, по его же линии происходит финансирование на федеральном уровне.

В реальной жизни процесс трудоустройства идет спонтанно, наблюдаемые практики широко варьируются от вуза к вузу, от региона к региону. Само понятие «трудоустройство» имеет скорее административно-бюрократическое содержание, нежели отражает факт реальной занятости в сфере оплачиваемого труда по полученной во время обучения специальности. Оно также никак не связано с социально-политическими процессами, которые сопутствуют молодежной безработице и на определенном этапе своего развития попадают в зону внимания и ответственности иных органов государственного контроля и управления. Но можно дистанцироваться от институционального подхода и признать за субъектом учебной деятельности – абитуриентом, студентом, выпускником (а при определенном исследовательском подходе, за их семьями) – безусловное право на успешное, благополучное, комфортное вхождение в сферу самостоятельной трудовой профессиональной деятельности. Поэтому удачное трудоустройство можно рассматривать и как персонализированную премию за образование.

Проект «5-100»: начало и особенности. Экспериментальный проект¹ был запущен Минобрнауки в соответствии с Указом Президента от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». В мае 2013 г. был объявлен первый этап конкурса. За два этапа из 54 заявок были отобраны заявки 21 университета, получившие государственную поддержку в общем размере свыше 80 млрд руб. (1672 млн долл.). Экономическая целесообразность такой значительной инвестиции государственных средств не очевидна и до сих пор критически обсуждается [Agasisti, 2020; Kotchegura et al., 2022; Осипян, 2020], тем более что основная цель проекта не была достигнута. Ни один из университетов-участников не вошел в первую сотню лидеров наиболее авторитетных мировых рейтингов – Quacquarelli Symonds (QS), Times Higher Education (THE), Academic Ranking of World Universities (ARWU или Шанхайский рейтинг).

Однако за восемь лет (2013–2020) реализации проекта были получены определенные положительные результаты. Это совершенствование системы управления учебными заведениями как со стороны государственного регулятора – Минобрнауки, так и в рамках университетской автономии – самоуправления. Многие университеты получили право самостоятельно определять содержание и объем читаемых курсов и практических занятий, условия и продолжительность учебно-производственных практик. Появились диссертационные советы, не подотчетные Высшей аттестационной комиссии, в определенной степени, символизировавшие рост университетской автономии. Во всех федеральных округах были построены новые современные студенческие кампусы² с развитой инфраструктурой – благоустроенной территорией с оборудо-

¹ Со своей спецификой аналогичные проекты проводились или продолжаются во многих крупных странах под названием The Universities Excellence Initiatives, например, в Германии, Китае и др.

² Данный процесс активно продолжается в настоящее время в рамках проекта «Приоритет-2030» и федеральной Программы «Передовые инженерные школы».

ванными местами для занятий спортом и отдыха, недорогим качественным питанием, медицинским обслуживанием, внутренним транспортным сообщением и круглосуточной ведомственной охраной. Расширилось сотрудничество университетов с региональными органами власти, финансовыми институтами и бизнесом.

Значительно увеличилось число публикаций сотрудников и преподавателей университетов в авторитетных научных журналах, в том числе входящих в международные базы данных (Web of Science и SCOPUS). Так, доля публикаций проекта «5-100» в общем числе российских публикаций, индексируемых в WoS и SCOPUS, выросла с 17,4% в 2012 г. до 33,3% в 2019 г.; а доля университетов в российском объеме публикаций в журналах первого квартиля, с наивысшим отечественным рейтинговым показателем для научных публикаций, за тот же период увеличилась с 19,7 до 47,7%³. Возросла и доля поступлений от НИР и НИОКР в бюджеты университетов, составившая от 5 до 15%⁴.

Структура эмпирического исследования. Официальные данные ректоратов, агрегированные службами трудоустройства, считаются достоверными при определении размеров дальнейшего ежегодного бюджетного финансирования учреждений высшего профессионального образования. Учитывая то, что каждый из университетов имеет свою собственную профессиональную, кадровую, региональную специфику, показатели результативности трудоустройства существенно отличаются. С целью изучения этого вопроса был проведен сравнительный анализ трудоустройства и занятости выпускников университетов – участников проекта «5-100» и других, не принимавших участия в проекте. Были использованы данные социологического исследования, проведенного в октябре – декабре 2021 г. Институтом социологии РАН совместно с ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга». Выборка была сформирована из выпускников, которые обучались во время действия Проекта (2013–2020), а к моменту проведения исследования уже трудоустроились. Отследить за этот период продвижение по служебной лестнице и динамику заработной платы не входило в поставленную задачу⁵.

По данным Социального/Пенсионного Фонда РФ, в выборку вошли выпускники российских вузов ($N = 3788$), в числе которых ($N = 368$) выпускники 18 вузов – участников проекта «5-100». Также методом полуструктурированного интервью были опрошены 203 эксперта – руководители университетских служб по трудоустройству, в числе которых 18 человек представляли университеты-лидеры Проекта. Модель выборки сформирована по статистическим квотам, пропорционально численности выпускников по федеральным округам РФ. Все опрошенные молодые специалисты имели стаж работы не менее года, но не более пяти лет с момента выпуска из университета. Таким образом, все они проходили обучение в период действия проекта «5-100».

Особенности трудоустройства. Вплоть до настоящего времени, вопрос трудоустройства и занятости выпускников «привилегированных» университетов, а по сути – участников проекта «5-100», специально не изучался.

При анализе полученных данных, во-первых, следует обратить внимание на валидность государственной и университетской статистики о трудоустройстве. Поскольку речь идет о вхождении человека в сферу оплачиваемого труда, то наиболее надежным показателем считаются данные Социального/Пенсионного фонда России, в который по факту трудоустройства работодатель делает отчисления [Булатова, 2020]. Это надежные данные, сама возможность получения

³ См.: URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/451/451fea93e31a2a109be74c1e3b987531.docx> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴ См.: URL: <https://expert-edu.ru/images/sbornik2015/1/manjula1.pdf> (дата обращения: 16.08.24). Этот важный показатель существенно ниже аналогичных показателей университетов первой сотни рейтинга, в которых доходы от НИР и НИОКР достигают 50% бюджета (рассчитано авторами по сетевым ресурсам университетов: Массачусетский технологический институт (MIT), Стэнфорд (Stanford), Гарвард (Harvard), Йель (Yale).

⁵ Также при первичном скрининге эмпирических данных не было выявлено существенных различий (в пределах 5–7%) по показателям трудоустройства среди бакалавров, магистров и специалистов. Поэтому специальные подвыборки трудоустроенных от уровня образования не выделялись.

которых демонстрирует пример удачного межведомственного взаимодействия. Тем не менее для более обстоятельного изучения вопроса полезной была бы информация о том, по какой специальности работает выпускник, в какой мере использует знания и компетенции, полученные во время обучения, насколько учебные планы и стандарты соответствуют реальным потребностям рынка труда. Но эта информация по всем признакам является избыточной и неактуальной для сферы государственного управления образованием, а поэтому и малодоступной на макроуровне.

Второе замечание состоит в том, что такие *человекоцентричные*, субъектные показатели, как, например, оценка выпускником своей ситуации по шкале успешности, комфортности, качества жизни, в проекте «5-100» не рассматривались. Государственно-финансовая поддержка университетов не предусматривала социальную составляющую и ограничивалась сферой управления. При анализе данных опроса стало очевидно, что почти половина выпускников (47,4%) *существенно не удовлетворена уровнем получаемой после трудоустройства зарплаты*, для трети (39,6%) *выполняемая работа оказалась неперспективной, с точки зрения карьерного роста*. Для более чем четверти (28,5%) – *трудовая занятость не способствует творческому развитию, не виден собственный вклад в конечную продукцию, регламент и ритмика труда неблагоприятные, он не привлекателен в общественном мнении, нет минимальных социальных гарантий*.

Почти половина выпускников (46,9%) не смогла трудоустроиться по полученной специальности. Такую перспективу многие допускали уже в процессе учебы: на вопрос «Какие основные требования вы предъявляли в отношении своей будущей работы?» 59,8% ответили, «*чтобы работа соответствовала специальности, полученной в университете*». Такое пожелание основано на результатах контактов студентов с уже работающими выпускниками, поскольку около половины всех опрошенных студентов даже не планировала работать по специальности с самого начала обучения⁶.

Также мотивирующими факторами при выборе вуза оказываются не будущая профессия и специализация, а проходной балл, близость к дому и семье, размер стипендии, сумма оплаты за обучение, наличие военной кафедры, возможность отдельного проживания в общежитии, доступность бюджетных мест, присутствие друзей и знакомых среди абитуриентов и ряд других⁷. Подрабатывали во время учебы около половины опрошенных студентов, из них лишь менее 20% трудились по своей специальности. Например, студенты юридического вуза очень редко работают помощниками нотариуса или секретарями судов; будущие медики – младшим и вспомогательным медперсоналом; инженеры – на рабочих технических должностях.

В реальной жизни, как следует из открытых ответов респондентов, охотно, а может быть, и вынужденно, они занимают такие «непрофильные» позиции, как официант, бармен, доставщик пиццы, водитель ночного такси, офисный курьер, вечерний кассир супермаркета, специалист по клинингу, промышленный альпинист, рекламный агент, заправщик бензоколонки, сотрудник маркетплейса, частный гид, ночной сторож, вахтер, бэбиситтер, инструктор и гид туризма, рецепционист, ассистент в салоне красоты и пр. Перечень этих доступных видов профессиональной деятельности показывает не только возможность подработки, но и перспективы дальнейшего профессионального роста и неплохих заработков. Именно на таких позициях

⁶ Для сравнения можно привести данные Г.А. Чередниченко, изучавшей эту проблематику на материалах Росстата. По ее данным, более 30% выпускников трудоустраиваются не по полученной специальности, около 40% получают знания и навыки, которые впоследствии оказываются невостребованными. Работают или подрабатывают во время учебы 45%. Из них по специальности – 23,9% [Чередниченко, 2020b]. Эти данные являются усредненными и имеют погрешность по массиву не менее 10%, поскольку не дифференцированы очная/заочная, платная/бюджетная формы обучения, а также не учтены хронологическая динамика выпусков и статус учебного заведения.

⁷ Некоторые из наиболее «продвинутых» и успешных в плане рекрутинга абитуриентов университеты проводят дни «открытых дверей» не в учебных корпусах и лабораториях, а на территории своих кампусов, в неформальной обстановке, где можно обстоятельно познакомиться не с самим процессом учебы, а с тем, что ему сопутствует и имеет особое значение для молодых людей.

потенциальный работодатель часто находит молодых людей, которых можно обучить за свой счет и принять на более престижную работу, а в ряде случаев – создать возможности для карьерного роста. Очевидно, что ценность формального высшего профессионального образования в такой ситуации заметно снижается. Тем не менее при традиционном трудоустройстве новых сотрудников работодатели в первую очередь оценивают имеющийся опыт и стаж по конкретной специальности, и студенты согласны с тем, что накопление стартового преимущества уже во время учебы является значимым.

В этом контексте архаично выглядит практика выдачи красных дипломов, которые скорее свидетельствуют об усердии и прилежании. В проведенном исследовании красные дипломы получили 574 чел. – 15,2% от общей совокупности. Четверть из их обладателей хотела бы сменить работу(!). Если сравнивать этот показатель с владельцами обычных дипломов, то среди последних содержание нынешней работы совпадает с полученной специальностью у 65,5% против 50,3% у красnodипломников, а удовлетворенность работой представлена соотношением 73,8% против 53,5% соответственно. Для работодателей, особенно в негосударственном секторе, цвет диплома, а иногда и его наличие часто значения не имеют. Также нет существенных отличий по размеру реальной и желаемой заработной платы у выпускников, завершивших обучение с отличием, и у обладателей обычных дипломов. Среднее значение реального заработка на период проведения исследования в 2021 г. составило 37 тыс. руб. на человека в месяц, а желаемый заработок – 74 тыс. руб. В Москве и Петербурге эти значения примерно на треть выше. По семейному положению, наличию детей, типу поселения, месту окончания средней школы – иных различий в показателях между реальной и желаемой заработной платой не выявлено.

Существенные различия зафиксированы по федеральным округам, как по концентрации высших учебных заведений, так и по численности студентов и их миграционному поведению при трудоустройстве. Особенно заметна миграция в Москву, Санкт-Петербург, областные центры ЦФО. В Южном Федеральном округе аттракторами выпускников являются Ростов-на-Дону и отчасти Краснодар. Почти нулевой интерес для выпускников представляют Северо-Кавказский, Северо-Западный и Дальневосточный федеральные округа. По мнению экспертов, чтобы как-то исправить это положение, следует расширить практику целевого обучения с обязательной последующей отработкой на направившем их предприятии или территории. Собственно, этим и занимается Минобрнауки, выделяя поддержку образования в ДВФО в отдельную программу.

В качестве контр-примера перечня регионов, куда выпускники едут неохотно, представляет интерес г. Норильск (Сибирский ФО, Красноярский край). Этот город с начала 1990-х гг. принимает и трудоустраивает от 500 до 1000 молодых специалистов ежегодно, включая обладателей среднего профессионального образования. Причем не только специалистов по различным отраслям добычи полезных ископаемых и их обработке (стартовая зарплата горного мастера – маркшейдера или инженера горнопроходческой техники от 250–300 тыс. руб. в месяц), но и работников социальной сферы – в основном учителей и врачей.

Существенные различия обнаружены в показателях эффективности производственной практики, характер, содержание и место прохождения которой оказывают большое воздействие на последующее трудоустройство. Как оказалось, продолжительность практики в университетах – участниках проекта «5-100» на 30–40% выше, чем в обычных вузах. Она может достигать одного семестра – четырех и более месяцев, тогда как в обычных вузах, как правило, ее длительность не превышает двух–трех месяцев. Для этого крупные вузы учреждают базовые кафедры на предприятиях и при их содействии обеспечивают оптимальную организацию процесса, с точки зрения эффективности результатов и затрат. Но охотно принимают практикантов не все, поскольку их надо «учить» и «доучивать».

При изучении особенностей трудоустройства выпускников значимым оказался и вопрос о специфике и различиях подготовки по инженерно-техническим и гуманитарным специальностям. Последние два десятилетия в российских технических вузах стал заметен курс на гуманитаризацию учебного процесса. Индивидуальная ответственность инженера

постепенно растворяется в коллективной ответственности лаборатории, подразделения НИИ или предприятия-изготовителя наукоемкой продукции. Также и развитие нейросетей и искусственного интеллекта ощутимо размывает границу природного, искусственного и социального. В результате инженер в своей деятельности все активнее заходит на социальное поле. С другой стороны, встречные трансформации происходят и в сфере социально-гуманитарного образования. В первую очередь это коснулось экономических, юридических, сельскохозяйственных и медицинских наук, но в дальнейшем распространилось на гуманитарные и социальные науки. В настоящее время искусственная социальность в виде, например, GPT-практик существенно трансформирует социально-гуманитарное образование в сторону инженерно-технического.

Как эти процессы отражаются на содержании и организации учебного процесса и трудоустройства? Чтобы ответить на этот вопрос, из общего массива опрошенных были выделены две подвыборки: выпускников инженерно-технических вузов ($N = 1236$) и социально-гуманитарных университетов ($N = 2552$). Оказалось, что по многим показателям трудоустройства ситуации «технарей» и гуманитариев практически совпадают или отличаются крайне незначительно. Так, *школа и занятия с репетитором дали вполне достаточно знаний для успешной учебы в университете* обеим группам (80,4/79,5%). По количеству красных дипломов отличия здесь также не просматриваются (13,8/15,1%). Учебой на стадии бакалавра ограничились и занялись трудоустройством почти две трети респондентов из каждой выделенной подгруппы (59,5/61,1%), а респонденты, проработавшие после окончания вуза в среднем три года, считают, что *выбор специальности был ошибочным* (13,0/12,5%). Практически полностью совпадают: показатели работы и подработки во время учебы, продолжительности и результативности производственной практики, соответствия полученной специальности и фактического содержания труда. Не выявлены различия по формам собственности предприятий, где работают выпускники, по удовлетворенности работой, степени использования полученных знаний и компетенций. В обеих группах в одинаковых пропорциях *помогли трудоустроиться* родители, друзья, службы трудоустройства университетов, либо это была самостоятельная инициатива.

Также существенно то, что почти во всех университетах-победителях существует квотирование на специалистов, обеспечиваемое целевым субсидированием вуза или конкретного учащегося. Здесь в два раза чаще встречаются выпускники с трех-пятилетним контрактом целевого назначения, заключенным при поступлении с будущим работодателем на оплату обучения и последующую отработку внесенной суммы.

Окончание и итоги проекта «5-100». Как уже отмечалось, трудоустройство выпускников – один из ключевых показателей проекта «5-100». В российских университетах-участниках ежегодно обучалось около 500 тыс. студентов из 3,5 млн от общего числа. За восемь лет (2013–2020) трудоустроились около 4 млн человек. Для верификации этих цифр использовались указанные выше две подвыборки экспертов. В своих ответах они использовали данные ежегодных мониторингов трудоустройства выпускников. На сегодняшний день это наиболее достоверная совокупность агрегированных данных.

Оказалось, что около 60% студентов первичную информацию о ситуации на рынке труда получают в процессе учебы от служб трудоустройства. Используются обновляемые внутренние корпоративные информационные ресурсы – сайты, базы данных, платформы, неформальные чаты, контекстная реклама. Большое значение имеют проводимые университетами ярмарки вакансий, ознакомительные экскурсии на предприятия, производственные практики. Руководители служб трудоустройства играют значительную роль в профориентации и помощи в выборе профессиональной траектории студентов. Помогают личный опыт, получаемый во взаимодействии с территориальными службами трудоустройства и подразделениями предприятий по работе с персоналом, а также изучение ведомственных и региональных информационно-аналитических материалов. Особое значение имеет ежегодный мониторинг трудоустройства выпускников, который проводился во всех университетах – участниках проекта «5-100», и охватывал 50–60% студентов и выпускников, что позволяет говорить о валидности данных. Среди вузов, не участвовавших в проекте «5-100», такой мониторинг проводился в каждом пятом учебном заведении.

Экспертные интервью показали, что выпускники университетов-участников имеют обширную географию трудоустройства. За счет корпоративных связей и вакансий они значительно мобильнее «обычных» выпускников. При выборе места работы инженер-энергетик по гидро- и газотурбинам обычно ориентируется не на определенный город, а на конкретную производственную технологию и предприятие, где она используется. Поэтому такой выпускник может трудоустроиться на выгодных для себя условиях, например, по всему каскаду волжских гидроэлектростанций или на любую региональную ТЭЦ, ГРЭС, иной объект энергообеспечения. Такая же ситуация у специалистов по нефтепереработке (НПЗ), сжижению газа (СПГ), двигателестроению и другим техническим специальностям.

Значительный отрыв показателей трудоустройства выявлен также по массовым гуманитарным специальностям с определенной специализацией по экономике, маркетингу, политологии, социологии и психологии. Это обусловлено «нишевой» специализацией при обучении: очень хорошие перспективы получает экономист, бухгалтер или маркетолог в сфере атомной- или гидроэнергетики. Нет проблем с хорошим трудоустройством и у врачей, ветеринаров, зоотехников, агрономов, биотехнологов, специалистов по лесному хозяйству и деревообработке. Правда, этим профессиям учат в основном в университетах, не участвовавших в проекте «5-100».

Особенно высокой оказалась востребованность IT-специалистов. Здесь также важны специализация и конкретное содержание учебных планов. Многие участники проекта «5-100» избрали тактику «точечного прорыва» по конкретным направлениям и добились успеха. Наилучший результат по предметным рейтингам зафиксирован у Национального исследовательского университета ИТМО (в советское время – ЛИТМО, Ленинградский институт точной механики и оптики). Здесь приоритетными направлениями стали: информационные технологии, искусственный интеллект, фотоника, робототехника, квантовые коммуникации, трансляционная медицина. Благодаря такой специализации, ИТМО с 2019 г. оказался в первой сотне Шанхайского предметного рейтинга (ARWU) «Автоматизация и управление», а с 2022 г. лидирует в международных рейтингах среди российских вузов в области «Nanoscience & Nanotechnology». Вуз входит в топ-5 российских вузов по качеству бюджетного приема и является одним из лидеров по уровню зарплат IT-выпускников.

В первой сотне по предметным рейтингам оказались также специализированные предметные программы еще семи вузов-участников «5-100». И это – «наивысшее» достижение проекта, с формальной точки зрения. По другим формальным требованиям вхождения в первую сотню ведущих международных рейтингов результаты приведены в табл.

Таблица

Основные итоги проекта «5-100» по вхождению российских университетов-участников в ведущие международные рейтинги (данные на 2020 г., год завершения проекта)

Университет/Рейтинг (место в рейтинге)	ARWU (Шанхайский рейтинг)	THE (Times)	QS
МФТИ	401–500	201–250	281
НГУ (Новосибирск)	501–600	–	228
НИЯУ – МИФИ	701–800	401–500	–
УРФУ им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)	701–800	–	–
НИУ-ВШЭ	–	251–300	298
ИТМО (Санкт-Петербург)	–	401–500	–
ТГУ (Томск)	–	–	250

Примечание. Остальные 14 участников заняли более низкие позиции.

Источник: <https://education.forbes.ru/authors/5-100-experts>

Заключение. Аудитная команда Счетной палаты РФ в течение года проверяла «эффективность мер государственной поддержки российских университетов, направленных на повышение их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров»⁸. Признано, что участие в проекте в целом способствовало институциональному развитию российского высшего профессионального образования. Вместе с тем реализация Проекта усилила статусную и финансовую поляризацию вузов-участников и остальных университетов. В результате вузы со значительной финансовой поддержкой⁹ смогли привлечь наиболее перспективных преподавателей и исследователей, создать и обеспечить деятельность современных лабораторий и опытных наукоемких производств.

Однако экономисты образования ставят под сомнение саму модель финансирования проекта «5-100». Она лишь закрепила неравные условия на рынке образовательных услуг, при которых университеты-лидеры получили в шесть-семь раз больше средств, чем остальные. Это значительно усилило диспропорции внутри системы высшего образования РФ по принципу «эффекта Матфея» (*лучшим – лучшее, а остальным – остальное*). При этом эффективность государственных инвестиций в форме субсидий (с отдачей на каждый вложенный рубль) в крупных университетах оказалась существенно ниже. Это соответствовало опубликованным прогнозам экономистов [Егоров, 2020; Lisutkin et al., 2022].

Эти диспропорции не могли не сказаться на трудоустройстве выпускников. Обучение в университетах группы «5-100» с существенно более высокой степенью вероятности обеспечило в дальнейшем выпускникам хорошо оплачиваемую работу по специальности и достаточно высокую степень личной удовлетворенности трудовой деятельностью. В этом состоит главный вывод по интересующему нас вопросу.

Участие в состязании «5-100» позволило совершенствовать систему управления учебными заведениями, организацию и содержание учебного процесса. В частности, сформировалась принципиально новая стратегия развития научно-исследовательского потенциала университета, которая заключается в развитии *нишевой и компетентностной, предметной научно-исследовательской и образовательной специализации*. Перспективны тематические исследовательские консорциумы и кластеры, включая ориентированные на междисциплинарные исследования в рамках «больших научно-технологических вызовов».

Еще один вывод – целесообразность разработки и реализации образовательных программ под заказ конкретных производственных компаний. При этом *профильная специализация университета постепенно «размывается», происходит синтез инженерно-технического и социально-гуманитарного образования*, который еще предстоит отразить и легитимировать в основных правовых нормах и законодательстве. Это – важный тренд современной системы высшего и среднего профессионального образования.

Все это может и должно обеспечить существенный рост доли поступлений в бюджеты университетов, обеспечивая их большую финансовую автономию и, как следствие, повышение качества и международной конкурентоспособности. И, конечно, эти процессы создадут новые острые вызовы всей системе управления образованием и наукой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булатова Г.А. Трудоустройство выпускников высших учебных заведений: аналитический обзор статистических данных и материалов исследований // Экономика. Профессия. Бизнес. 2020. № 3. С. 14–29. DOI: 10.14258/epb201981.
- Варшавская Е.Я. Где и кем работают высокообразованные россияне // Демоскоп Weekly. 2017, № 713–714. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0713/tema01.php/> (дата обращения: 10.02.2024).

⁸ Аудитор Зайцев Д.А. Программы повышения конкурентоспособности университетов запустили трансформацию российских вузов. Счетная палата России (18 февраля 2021). URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ab8/ab8e9c5e46a64ed39020ff200d407dde1.pdf> (дата обращения: 28.01.2024).

⁹ Такие крупные вузы, как МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, все национальные исследовательские и федеральные университеты в проекте, по его условиям, не участвовали.

- Варшавская Е.Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 56–66.
- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5–31.
- Егоров А.А. Оценка эффективности деятельности университетов на основе их производственных функций // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 4. С. 87–99.
- Капелюшников Р.И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37–68.
- Осипян А. Поколение «0–100»: российские университеты не могут дать образование мирового уровня // ИноСми. 2020. URL: <https://inosmi.ru/20201030/248436738.html> (дата обращения: 10.02.2024).
- Чередниченко Г.А. Выпускники российских вузов на рынке труда (данные опроса Росстата) // Социологическая наука и социальная практика. 2020. № 3. С. 108–124.
- Чередниченко Г.А. Кого ждут на рынке труда и готовы ли к этому вузы // Ректор вуза. 2020. № 1. С. 20–31.
- Шацкая И.В. Развитие государственной системы управления трудовыми ресурсами на современном этапе // Экономика труда. 2017. Т. 4. № 3. С. 173–182.
- Agasisti, T., Shibanova, E. et al. The Russian Excellence Initiative for Higher Education: a Nonparametric Evaluation of Short-Term Results // International Transactions in Operational Research. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 1911–1929.
- Kotchegura A., Martino de M., Farazmand A. Enhancing Competitiveness of the Russian Higher Education: The 5–100 University Excellence Program through the Lens of Efficiency and Performance // International Journal of Public Administration. 2020. Vol. 45. No. 2. P. 185–107.
- Lisyutkin M., Farazmand A., Froumin I. Declining Public Universities: Patterns and Lessons for Public Policy and Administration. A Russian Case Study // International Journal of Public Administration. 2022. Vol. 45. No. 2. P. 157–170.

Статья поступила: 10.06.24. Финальная версия: 17.08.24. Принята к публикации: 05.09.24.

THE RESULTS OF THE “5-100” PROJECT: PROJECTION ON THE EMPLOYMENT OF GRADUATES

TIOURINA I.O.*, KLIUCHAREV G.A.*. **

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; **NRU “Moscow Power Engineering Institute”, Russia

Irina O. TIOURINA, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher (irina1-tiourina@yandex.ru); Grigory A. KLIUCHAREV, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Center for the Sociology of Education and Science; Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law (kliucharev@mail.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. The issue of graduate employment is considered as a function of systemic transformations of higher education caused by large-scale public investments. The article analyzes the results of the 5-100 project (2013–2020), the purpose of which was to adapt Russian universities to world standards and include them in the international educational environment. Upon its completion, a significant reformatting of curricula and standards was achieved, a transition to a new organization of the educational process was carried out, which together had an impact on more successful employment of graduates of leading universities. The article presents the results of a comparative analysis of the graduates employment of leading universities ($N = 18$) and other universities ($N = 185$) that took part in the study of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in October–December 2021. Sample structure: employed graduates ($N = 3788$) of these universities, including ($N = 368$) graduates of universities participating in the 5-100 project. Also interviewed were 203 experts – vice-rectors and heads of university employment services, of which 18 people represented leading universities. The sampling model was formed by statistical quotas, proportional to the number of graduates in the federal districts of the Russian Federation. The surveyed young specialists had no more than 1–5 years of work experience since graduation. Thus, all of them were trained during the period of the “5-100” project. One of the main conclusions in the study was the recognition that training at “5-100” group universities provided graduates with well-paid work in their specialty and a high degree of personal satisfaction with their work.

Keywords: The Russian Universities Excellence Initiative (“5-100”), employment of graduates, management of education systems and institutions.

REFERENCES

- Agasisti, T., Shibanova, E. et al. (2020) The Russian Excellence Initiative for Higher Education: A Nonparametric Evaluation of Short-Term Results. *International Transactions in Operational Research*. No. 4: 1911–1929.
- Bulatova G.A. (2020) Employment of graduates of higher educational institutions: an analytical review of statistical data and research materials. *Ekonomika. Professiya. Biznes* [Economy. Profession. Business]. No. 3: 14–29. DOI 10.14258/epb201981. (In Russ.)
- Cherednichenko G.A. (2020) Graduates of Russian universities in the labor market (Rosstat survey data). *Sotsiologicheskaya nauka i socialnaya praktika* [Sociological science and social practice]. No. 3: 108–124. (In Russ.)
- Cherednichenko G.A. (2020) Who is expected in the labor market and are universities ready for this. *Rektor vuza* [Rector of the university]. No. 1: 20–31. (In Russ.)
- Egorov A.A. (2020) Evaluation of the effectiveness of universities based on their production functions. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No. 4: 87–99. (In Russ.)
- Gimpelson V.E., Zudina A.A., Kapelyushnikov R.I. (2020) Non-cognitive components of human capital: what do Russian data say. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 11: 5–31. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2021) Return on education in Russia: can't get any lower? *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 8: 37–68. (In Russ.)
- Kotchegura A, Martino de M., Farazmand A. (2022) Enhancing Competitiveness of the Russian Higher Education: The 5-100 University Excellence Program through the Lens of Efficiency and Performance. *International Journal of Public Administration*. No. 2: 185–107.
- Lisyutkin M., Farazmand A., Froumin I. (2022) Declining Public Universities: Patterns and Lessons for Public Policy and Administration. A Russian Case Study. *International Journal of Public Administration*. No. 2: 157–170.
- Osipyan A. (2020) Generation “0-100”: Russian universities cannot provide a world-class education. *InoSmi*. 2020. URL: <https://inosmi.ru/20201030/248436738.html> (accessed 10.02.2024). (In Russ.)
- Shatskaya I.V. (2017) Development of the state system of labor resources management at the present stage. *Ekonomika truda* [Labor Economics]. No. 3: 173–182. (In Russ.)
- Varshavskaya E. Ya. (2017) Where and as whom do highly educated Russians work. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly]. No. 713–714. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0713/tema01.php>. (In Russ.)
- Varshavskaya E. Ya. (2019) Job search strategies of university graduates: prevalence and effectiveness. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 7: 56–66. (In Russ.)

Received: 10.06.24. Final version: 17.08.24. Accepted: 05.09.24.

Г.А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ИНЖЕНЕРНАЯ ПОДГОТОВКА В СТРУКТУРЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА МОЛОДЕЖИ

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Галина Анатольевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (galcher2211@gmail.com).

Аннотация. На данных статистики, мониторингов и социологических исследований анализируются структурные элементы вузовской сети инженерной подготовки и ее востребованность у разных социальных групп молодежи. Недавний разворот выбора выпускников школ в сторону инженерных специальностей связан, прежде всего, с расширением возможностей трудоустройства и построения карьеры, а также с ростом привлекательности передовых технических квалификаций. Концентрация подготовки кадров для развития прорывных технологий в топовых, селективных университетах обеспечивается объединением вложений госбюджета, крупных корпораций, развитием инновационных форм обучения, в частности в рамках проекта «Передовые инженерные школы», а также инвестициями семей с высоким культурным и экономическим капиталом в обеспечение конкурентоспособности будущих студентов и частично в их обучение. Успешная подготовка по массовым программам инженерного образования в региональных вузах, где с 2022 г. увеличено число бюджетных мест приема, тормозится большой нехваткой качественно подготовленных школьников-абитуриентов. Лучшие результаты показывает практика привлечения целевых социальных групп молодежи с сохранением ценности технического труда, например, в различных формах мобилизации трека «Школа – СПО – инженерная подготовка ВО».

Ключевые слова: высшее образование • структурные элементы инженерной подготовки • выбор молодежью инженерных специальностей

DOI: 10.31857/S0132162524090082

Обеспечение технологического суверенитета России ставит особые задачи перед высшим образованием (ВО) по подготовке инженерных кадров. С учетом разных уровней вызовов, потребностей развивать передовые технологии, необходимостью расширять и обновлять базовое индустриальное производство, с 2022 г. запущен Проект «Передовые инженерные школы» (ПИШ) и увеличено число бюджетных мест приема по инженерным специальностям в региональных вузах. Если высоко селективные технические университеты давно привлекают конкурентоспособную хорошо подготовленную школьную молодежь, то в части региональных вузов в 2022 и 2023 гг. при приеме наблюдался недобор, зачислялись абитуриенты с баллами ЕГЭ, приравненными к школьной тройке и ниже¹, оставались незаполненными бюджетные места. Таким образом, в изучении нуждается проблематика соотношения между институциональными возможностями, которые предоставляет высшая школа по подготовке инженерно-технических кадров разных уровней квалификации и специализаций, и готовностью молодежи занять эти различающиеся учебные места.

В социологической логике такое изучение предполагает опору на методологию исследований формирования образовательно-профессиональных траекторий молодежи как результирующей взаимодействия внешних регуляторов (мега- и мезоуровней)

¹ Новые известия. 25.08.2023. URL: <https://newizv.ru/news/2023-08-15/idet-dobor-na-byudzheth-molodezh-zh-proignirovala-v-vuzah-inzhenernye-spetsialnosti-416581> (дата обращения: 24.07.2024).

и деятельности субъектов выбора [Константиновский, 1999; Чередниченко, 2014]. Среди институциональных факторов развития высшего образования важно уточнить: динамику того положения, которое занимает инженерная подготовка в общей отраслевой структуре приема и выпуска специалистов; основные элементы вертикально-территориальной структуры вузов, готовящих инженерные кадры; композицию бюджетных и платных учебных мест очного и заочного обучения, а также особенности организации образовательного процесса. Во взаимодействии с этими структурными элементами предложения реализуется спрос – разные социальные группы молодежи осуществляют выбор, выявляя на практике, какое место в конкуренции с другими группами специальностей они отводят разным формам инженерной подготовки.

Актуализация подготовки инженеров и перемены в общей конфигурации образовательных стратегий молодежи наметились лишь в самые последние годы. Системе образования имманентно присуще свойство относительной инерционности, это касается как среднего, так и высшего образования. В этой связи важно понять: как на практике сегодня может реализоваться приоритетное развитие обучения инженерному делу и в отношении проекта ПИШ, и массовой подготовки в регионах; из каких социальных групп молодежи, какими путями могут быть привлечены к учебе те, кто сможет успешно обучаться по разным направлениям инженерной деятельности.

Информационную базу составляют опубликованные материалы государственной статистики и данные, рассчитанные автором на основе форм Федерального статистического наблюдения ВПО-1 за 2013–2023 гг.² (далее в тексте сноска на данный источник не повторяется, указывается формулировка [Расчеты автора]). Используются данные мониторингов, социологических исследований, телеграм-каналов «ПИШ (Передовые инженерные школы)», «Наука и университеты», «Ректор говорит» – как база актуальной практики и злободневных проблем.

Инженерное образование в структуре высшей школы. В отраслевом распределении с середины 2010-х гг. начинает преодолеваться длительный предыдущий тренд, связанный с резким ростом подготовки кадров самого широкого спектра сервисных позиций для развития и обслуживания рыночной экономики. Если с 2000 к 2010 г. в общем выпуске специалистов ВО (см. табл. 1) соотношение долей направлений подготовки «Науки об обществе» и «Инженерное дело, технологии и технические науки» достигло 40 к 20%, то уже к 2020-м гг. этот диспаритет стал компенсироваться.

Ускорение изменений более явно фиксируют показатели приема ВО. Они отражают разворот на увеличение потребностей как в новых высоко технологичных и IT специальностях, так и в сферах труда, предполагающих сложное специальное, длительное обучение занятиям стабильной общественной значимости – в здравоохранении, просвещении, культуре, естественных науках (табл. 2). За 8 лет, к 2023 г. в структуре отраслевого приема соотношение направлений «Науки об обществе» и «Инженерное дело» стало почти равновесным – 35,0 к 32,0%. Особенно заметно фиксируется изменение запроса

Таблица 1

Доли двух самых многочисленных направлений подготовки от 100% общего выпуска ВО РФ за соответствующий год

Направление подготовки	2000	2010	2020	2022
Инженерное дело, технологии и технические науки	26,1	20,8	28,4	28,6
Науки об обществе	24,4	40,5	41,2	39,6

Источник: [Образование, 2023: 70–71].

² Высшее образование. Сайт Минобрнауки РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 30.05.2024).

Таблица 2

Прием ВО РФ по направлениям подготовки, в %

Группы образовательных специальностей	2015	2023
Математические и естественные науки	4,1	4,6
Инженерное дело, технологии и технические науки	28,8	32,0
– в т.ч. информатика, вычислительная техника	(3,8)	(7,2)
Здравоохранение и медицинские науки	4,4	7,1
Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	3,8	2,9
Науки об обществе	43,2	35,0
– в т.ч. экономика, управление, право	(36,9)	(25,8)
Образование и педагогические науки	9,4	10,9
Гуманитарные науки	3,9	3,4
Искусство и культура	2,5	4,1
Итого	100,0	100,0

Источники: [Образование, 2017: 42]; расчеты автора.

на подготовку с традиционных на более актуальные направления, обслуживающие инфраструктуру экономики, т.е. с «экономистов-менеджеров-юристов» на IT-специалистов: сокращение с 36,9 до 25,8% у первых и сильный рост с 3,8 до 7,2% – у вторых.

Абсолютное число выпускников по направлению «Инженерное дело, технологии и технические науки» с 2015 по 2023 г., во многом по демографическим причинам, продолжало снижаться – с 329,1 до 229,7 тыс. чел., т.е. на 30,1%, в сравнении с 38,1% спада общего выпуска ВО. Число принятых на обучение в 2015–2021 гг. варьировало в пределах 351,7–357,2 тыс. чел., и стало заметно расти в 2022 и 2023 гг.: 387,7 и 409,9 тыс. чел. (расчеты автора).

Вертикальное распределение подготовки инженеров складывается в рамках структурной консолидации вузовской сети. В результате директивного сокращения филиалов вузов и заочного обучения число образовательных организаций ВО за 2013–2023 гг. сократилось практически вдвое – с 2390 до 1242 (расчеты автора). Реализация госпрограмм повышения конкурентоспособности ВО России в подготовке кадров для компаний-драйверов технологического развития приводит к формированию как минимум трех категорий вузов: *ведущих* (Ассоциация ведущих университетов, «Глобальные университеты», НИУ, федеральные университеты, Проект «5-100»), *опорных* (в крупных региональных центрах, объединивших несколько вузов), *прочих*. В 2020 г. распределение студентов-очников бакалавриата и специалитета между тремя типами вузов составляло 18–10–73% [Основные..., 2021: 8]. Все топовые технические университеты и вузы проекта ПИШ представлены в составе первой и второй категорий.

Вертикальная иерархия инженерной подготовки и увеличение *региональной неоднородности* вузовской сети [Региональная..., 2020] выражаются, во-первых, в концентрации предоставления раритетных компетенций в университетах передовой науки столиц и ряда крупнейших городов и, во-вторых, – в локализации основного числа технических вузов и факультетов в областных центрах и средних городах тех регионов, где преимущественно размещена индустрия страны.

Если в целом по ВО доля принятых на направление «Инженерное дело» в 2023 г. составляла 32,0%, то только в 23 из 89 субъектов РФ данный показатель был 34% и выше, а в остальных – существенно ниже. По Федеральным округам (ФО) эти субъекты

распределяются следующим образом: Северо-западный ФО (Санкт-Петербург, Республика Коми, Вологодская обл.); Центральный ФО (Брянская, Ивановская, Воронежская, Белгородская обл.); Южный ФО (Ростовская обл.); Приволжский ФО (Республики Татарстан и Башкортостан, Пермский край, Самарская, Нижегородская обл.); Уральский ФО (Ямало-Ненецкий АО, Тюменская, Свердловская обл.); Сибирский ФО (Томская, Омская, Кемеровская, Иркутская, Новосибирская обл., Красноярский край); Дальневосточный ФО (Приморский и Хабаровский края) (расчеты автора).

Важным показателем качества подготовки в высшей школе является форма обучения – очная или заочная³ – единственный из возможных на материалах статистики позволяющий, хотя бы обобщенно, фиксировать различия⁴. Во всем приеме в высшую школу за 2013–2023 гг. доля поступающих на очное обучение возросла с 33,1 до 60,9%. По направлению «Инженерное дело», всегда будучи высокой, она увеличилась с 60,7 до 65,6% (расчеты автора).

Соотношение очной и заочной инженерной подготовки существенно варьирует в рамках вертикально-региональной вузовской сети. В передовых научно-технических центрах, например, в университетах Москвы, обучаются преимущественно на очных отделениях. В 2023 г. очный прием составил 82,7% от всех поступивших на инженерные специальности в государственные вузы столицы. Весь этот контингент – 39,4 тыс. чел. – составляет около одной седьмой общего очного приема государственных вузов страны по направлению «Инженерное дело, технологии и технические науки». Так же высока доля очного приема – 75,8% – в Тюменской обл., что отражает ситуацию прежде всего Томска, крупнейшего университетского центра Сибири (расчеты автора).

В регионах значительная часть студентов до последнего времени получала инженерные специальности на заочных отделениях, что стало быстро меняться после 2022 г. Соотношение очного и заочного обучения можно показать на примере Нижегородской и Воронежской областей. Первая – один из наиболее экономически развитых регионов страны с диверсифицированной промышленной базой, вторая – индустриально-аграрный регион со сбалансированным экономическим развитием. Еще в 2021 г. в Нижегородской обл. на долю инженерных специальностей приходилось 21,6% всего очного приема государственных вузов и 39,6% заочного; соотношение числа принятых очно и заочно составило 58,6/41,4. В 2023 г. доля в очном приеме – 30,2%, в заочном – 41,5%; соотношение численности – 62,4/37,5. Аналогично в Воронежской обл.: соотношение очников и заочников в 2021 г. – 57,4/42,6, в 2023 г. – 63,4/36,6 (расчеты автора).

Организацию подготовки инженеров отличает соотношение и состав госфинансирования и внебюджетных ресурсов. Государство берет на себя большую часть расходов на обучение инженеров: в приеме ВО 2023 г. доля бюджетных учебных мест по направлению «Инженерное дело» составляла 60,1%, а по «Науки об обществе» – 16,1% (расчеты автора). Наряду с этим исключительно важна внебюджетная поддержка ресурсами организаций, обеспечивающих интеграцию учебного и научно-производственных процессов. Доступ к различным видам финансирования и инфраструктуры – далеко не равный у головных технических университетов и региональных, тем более вузов «полупериферии» и «периферии». Последние не только испытывают дефициты в отношении кооперации с местными предприятиями, но и более зависимы от бюджетной поддержки. Между тем обеспечение госсредствами в рамках управленческой модели оценки эффективности деятельности вузов не сглаживает неравенств. Мониторинг результативности менеджмента вузовской сети УрФО 2014–2021 гг. показывает, что получать поощрения по показателям

³ Доля поступающих на очно-заочное обучение по инженерному делу в 2023 г. составляла 7,1% и поэтому не учитывалась.

⁴ Об этом свидетельствует разная дефицитность той или иной подготовки: в 2023 г. конкурс (подано заявлений/принято) при приеме на бюджетные места бакалавриата был 13,1 у очников и 5,8 у заочников, на платные места – 8,3 и 2,4; при приеме на специалитет: 10,9–5,2 и 5,9–2,2 соответственно.

эффективности способны вузы, имеющие на старте преимущества различного рода ресурсов [Зборовский, Амбарова, 2022].

Выбор инженерной подготовки в образовательных стратегиях молодежи. *Общий тренд.* Выбор направления обучения уже давно складывается как долговременная реализация образовательных стратегий с учетом личных возможностей и опорой на семейные ресурсы юношей и девушек. Многочисленные социологические и экономические исследования показали, что в новой России к образованию стали относиться не как к культурному, а как к инвестиционному благу. В таких условиях спрос на образование не только по качеству, но и по направлениям подготовки все больше определяется тем, что находят более эффективным для своих личных и семейных инвестиций разные слои потребителей школьного и профессионального образования на разных этапах.

Инвестиционные образовательные стратегии складываются как механизм, состоящий в снижении затрат на определенный тип диплома путем увеличения степени его прибыльности, поэтому стратегически пост-обязательное образование на основе располагаемой социальной информации оценивают с точки зрения отношения «уровень/качество образования – потенциальные места занятости и продвижения» и далее – с позиции «планируемые затраты – будущие выгоды». Важным оказывается и такой критерий, как вклад *личных усилий*, прилагаемых стараний, напряжения, воли (существенно больших при освоении естественно-научных дисциплин)⁵. Спрос с позиций степени выгоды приводит к тому, что при выборе направлений обучения (между наиболее крупными направлениями – социально-экономическим/гуманитарным и техническим /естественно-научным) он в тенденции склоняется в пользу первого как имеющего более высокую отдачу (выгоду). Такое положение давно зафиксировано западными социологами, свидетельствующими о том, что оно наблюдается во всех странах с рыночной экономикой, со свободными и конкурентными системами образования [Cherkaoui, 2010].

В самом общем тренде соотношения профессиональных предпочтений и выбора учащейся молодежи сегодня наметились признаки перемен (см. выше табл. 2). В отчетах Минобрнауки РФ по итогам приема ВО 2022 и 2023 гг. отмечается повышение интереса по направлениям ИТ-специальностей, образования и педагогики, медицины; однако, экономика, юриспруденция и менеджмент остаются наиболее массовым выбором специальностей обучения⁶.

Как подготовка в школе по естественно-научным дисциплинам, так и обучение в вузе по технологическим направлениям требуют намного больше усилий, чем гуманитарное образование. Доучивались до диплома в 2019–2023 гг. по инженерным специальностям – 64% принятых, во многом из-за недостаточного уровня знаний «на старте», т.е. полученных в школе⁷. О соотношении личных усилий в выборе школьников инженерно-технического и социально-гуманитарного направлений свидетельствует численность сдающих ЕГЭ по профильным предметам. В 2023 г. сдавали ЕГЭ по физике 89 тыс. чел., а по обществознанию – 270 тыс. чел. Если с 2020 по 2023 г. суммарная численность сдававших ЕГЭ по обществознанию, истории, литературе, английскому языку сократилась на 7,6%, то по физике – на 36,2%⁸.

⁵ Косвенно об этом можно судить по результатам сдачи ЕГЭ по предметам. В 2021 г. доля сдавших ЕГЭ с баллами 80 и более: по физике – 9,7%, профильной математике – 9,7%, по литературе – 25%. В 2023 г. число получивших 100 баллов ЕГЭ: по физике – 190 чел., по литературе – 1896 чел. Статистика ЕГЭ-2023: URL: <https://vuzopedia.ru/news/5011> (дата обращения: 28.02.2024).

⁶ 7 фактов о приеме в вузы. Skillbox Media 18.09.2023. URL: <https://skillbox.ru/media/education/7-faktov-o-tom-kak-proshla-priyemnaya-kampaniya-v-vuzakh-v-2023m/> (дата обращения: 18.07.2024).

⁷ Сайт БИЗНЕСОНЛАЙН. 29.04.2024. URL: <https://www.business-gazeta.ru/blog/631598> (дата обращения: 30.06.2024).

⁸ Статистика ЕГЭ-2023: URL: <https://vuzopedia.ru/news/5011> (дата обращения: 28.02.2024).

О том, как в вертикально-региональную сеть технических вузов встраиваются поступающие, т.е. о востребованности разных университетов и специальностей, можно судить по данным Мониторинга качества приема в вузы (очное обучение). Минобрнауки РФ признает взвешенный средний балл ЕГЭ при зачислении показателем шансов доступа и предпочтений молодежи. В 2022 г. (последний год предоставления данных) средний балл ЕГЭ бюджетного приема составлял 70,3, а с баллами выше 80 было зачислено 26,1% поступивших.

Об исключительной концентрации «высокобалльников» инженерно-технического направления в самых селективных вузах страны свидетельствуют следующие данные. Топ-25 самых крупных по совокупному бюджетному и платному приему вузов (более 3 тыс. чел.) возглавляет МФТИ (балл ЕГЭ 96,8), далее – МИФИ (88,1), Университет ИТМО (86,9), СПбПУ (79,3), МГТУ им. Н.Э. Баумана (79,2), МИСиС (79,2), ЛЭТИ (78,8), МАИ (76,6)⁹. Ряд из них – флагманы научно-технического образования – осуществляет преимущественно бюджетную подготовку: соотношение бюджетных и платных учебных мест в приеме МФТИ 1005 и 125, в МИФИ – 1055 и 311. Одновременно исключительный спрос на специалистов высокотехнологичной подготовки – особенно в области IT, ИИ, робототехники, квантовой коммуникации и др. – порождает готовность вкладывать в нее и семейные инвестиции, реализованную, в частности, в соотношении бюджетного и платного приема: 730/1178 – в МИСиС и 1301/1020 – в ИТМО. Самая крупная старейшая высшая инженерная школа – МГТУ им. Н.Э. Баумана приняла на бюджетное обучение 3006 и на платное 1766 студентов¹⁰. Перечисленные вузы – из первой волны проекта ПИШ. Очевидно, что за исключением лидеров – МФТИ и МИФИ, в них доля платного приема выше, чем в целом по «Инженерному делу» во всей высшей школе.

Представление о среднестатистической картине выбора молодежью инженерной специальности, а также о шансах поступления можно составить на примере укрупненной группы подготовки «Машиностроение», бюджетный прием по которой проходил в 63 госуниверситетах (и их технических факультетах) – см. табл. 3¹¹.

К престижу и дефицитности доступа выше среднего (ЕГЭ приема более 70 баллов) можно приравнять восемь вузов, в том числе пять столичных и три крупнейших в конкретном регионе. Далее 28 вузов, составляющих 44% общего числа, привлекают абитуриентов с ЕГЭ от «школьной тройки» (60 баллов) до среднего показателя: это по большей части вузы обеих столиц, НИУ, «государственные» и «государственные технические» университеты. Оставшиеся 27 образовательных организаций, зачисляя кандидатов с низкой успеваемостью, оказываются востребованы по принципу усиливающегося отрицательного отбора. Наличие подобной «полупериферии» и «периферии» по качеству

Таблица 3

Средние баллы ЕГЭ при приеме по укрупненной группе специальностей «Машиностроение» на очное обучение ВО по бюджету в 2022 г.

Средний балл ЕГЭ, интервал	Количество вузов и ряд их характеристик
Выше 70,3	8 вузов, в т.ч. 5 – в двух столицах
69,0–60,2	28 вузов, в т.ч. 6 – в двух столицах, 3 – НИУ, 13 – государственные и государственные технические университеты
59,6–56,0	16 вузов, в т.ч. 1 – НИУ, 2 – ФУ, 2 – филиала
55,9–42,5	11 вузов, в т.ч. 3 филиала

⁹ Качество приема в российские вузы в 2022 году: основные итоги. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/809208007.html> (дата обращения: 18.07.2024).

¹⁰ Бюджетный прием – 2022: средние баллы ЕГЭ по вузам URL: <https://ege.hse.ru/rating/2022/91645021/all/> (дата обращения: 24.07.2024).

¹¹ Бюджетный прием – 2022: средние баллы ЕГЭ по направлениям подготовки. URL: <https://ege.hse.ru/rating/2022/91645072/all/?rlist=&ptype=1&glist=Машиностроение> (дата обращения: 21.07.2024).

образовательного потенциала принятых на обучение можно трактовать как видимое не-благополучие возможностей успешной подготовки здесь инженерных кадров.

Выбор разных видов инженерной подготовки в социальном ракурсе можно представить, опираясь на доступность очной и заочной подготовки как обобщенного показателя качества образования и различий вертикально-регионального образовательного ландшафта. Сошлемся на публикацию в данном журнале о том, как в результате усиления иерархии и селективности в системе школьного и высшего образования произошли разделение и консолидация социального состава и образовательных траекторий потребителей очного и заочного обучения ВО [Чередниченко, 2023].

В целом студенты-очники в большей своей части происходят из привилегированных и средних социальных страт: у 54% матери имеют ВО, в вузах особого статуса (НИУ, ФУ, Проект «5-100» и др.) – 73%; относят себя к группам самых и хорошо обеспеченных – 54% и 68,4% соответственно [Основные стратегии, 2021: 21–23]. В селективные вузы столиц и крупных образовательных центров, входящих в число ПИШ, существенно чаще поступают выпускники школ из высокодоходных групп семей, т.к., благодаря репетиторству, они лучше сдают ЕГЭ – в среднем на 4–5 баллов из 100, чем из групп низко обеспеченных [Грахов, 2014].

Для потребителей заочного ВО характерно происхождение из семей отцов-рабочих (61,7% отцов) и матерей-специалистов (25,9% – средней и 21,6% – высшей квалификации); почти 2/3 обращались к заочной учебе после завершения СПО. В типологии траекторий заочников-технарей отмечаются: стремление к ранней трудовой самостоятельности и переход ради этого в СПО после 9-го (11-го) класса; то, что культурная среда социального происхождения и учебы формируют с отрочества ценность технического труда, ремесленные навыки, опыт работы с «малой» техникой; а также то, что осознание ценности и необходимости ВО приходит с разнообразным социальным и трудовым опытом как потребность профессионального развития [Чередниченко и др., 2020].

Особенности организации инженерной подготовки в ответ на актуальные вызовы. Для инженерной подготовки характерны две основные особенности. Во-первых, значительно бóльшая диверсификация, в сравнении с другими отраслевыми группами ВО. В 2023 г. при приеме на бакалавриат и специалитет по направлению «Инженерное дело, технологии и технические науки» 334 тыс. чел. в номенклатуре программ насчитывалось 136 научных областей, а по направлению «Науки об обществе», практически при таком же приеме в 344 тыс. чел., числилось 36 наименований (расчеты автора). Во-вторых, инженерно-техническое обучение предполагает бóльшую тесноту связи со спецификой и структурой рынка труда, в том числе локального, а значит, и настоятельность взаимоотношений «вуз – работодатель» в технологиях обучения. На потребности интеграции образовательного процесса, производственной и научно-инновационной деятельности студентов топовые технические университеты и вузы массовой подготовки способны отвечать по-разному.

На высшем уровне подготовки инженеров особая роль отводится проекту ПИШ, который на базе софинансирования государства и бизнеса обеспечивает подготовку высококвалифицированных кадров и создание новейших видов высокотехнологичной продукции в партнерстве с крупнейшими компаниями. В 2022 г. в 15 субъектах РФ сформировано 30 площадок, соединяющих ведущие технические университеты и 40 индустриальных партнеров, в 2023 г. их число увеличилось до 50¹².

Наиболее репутационные технические университеты уже длительное время получают поддержку федеральных корпораций и крупных компаний (таких как «Росатом», РЖД, Аэрофлот, Северсталь, КамАЗ, Ростех и др.) в целях своего кадрового обеспечения и инновационного развития [Ключарев, 2020]. Так, в консорциуме «Росатома», в который входят 20 профильных университетов, с давними базовыми кафедрами, производственной

¹² Минобрнауки РФ. ПИШ. URL: <https://engineers2030.ru/> (дата обращения: 23.07.2024).

практикой (еще в 2017 г. ее проходили 5800 студентов), многообразной работой со старшеклассниками и пр. сегодня организованы 10 направлений подготовки в рамках ПИШ¹³.

В новостях ПИШ на сайте Минобрнауки и телеграм-канале «ПИШ» регулярно сообщается о развитии реальных практик (по большей части в университетах с давними связями с бизнес-партнерами), еще больше – информации о начинаниях и заключенных соглашениях. Активизируется работа в уже существующих госпрограммах: в рамках «Приоритет-2030» к 2023 г. созданы 390 консорциумов, объединивших более 3000 компаний-партнеров для сотрудничества с вузами в целях разработки новых технологий. Вместе с тем ответственные от бизнеса за образовательные проекты, резюмировали: «российские вузы мало готовы к сотрудничеству с крупным бизнесом»¹⁴.

Кардинальные проблемы подключения бизнеса к проекту ПИШ обозначены в обсуждениях на ПМЭФ 2024¹⁵. Заявлено о 386 конкретных научных разработках. Теоретически софинансирование проекта означает, что деньги государства катализируют инновационный процесс, к нему подключаются рыночные механизмы, которые конвертируют интеллектуальные усилия вузовской науки в выручку от реализации высокотехнологичного коммерческого продукта. В самом начале в 2022 г. на 2,5 млрд руб. вложений из бюджета приходилось 3,1 млрд руб. со стороны индустриальных партнеров. В 2023 г. доля бизнеса составляла уже только 70% госфинансирования. В 2024 г. объем софинансирования пока не подтвержден, но он опять значительно меньше, чем вклад со стороны государства. Дело в том, что бюджетное финансирование оценивает эффективность вложений в ПИШ по показателям Правительства РФ и отчетности Минобрнауки¹⁶, а бизнес – в параметрах прибыли и окупаемости того или иного проекта. О рисках для реализации проекта в рамках старой оргструктуры университетов говорят вузовские практики, в частности: «следует выделить ПИШ в самостоятельную структурную единицу с особым статусом и положением по организации учебного процесса и проектной междисциплинарной деятельности»¹⁷. То есть специфика инженерной подготовки, особенно в современных передовых формах, не может оставаться в рамках общих, универсальных для всех вузов, механизмах федерального управления и внутреннего менеджмента.

Иной характер и масштаб проблем обнаруживает состояние и развитие инженерного образования в региональных вузах. В 2023 г. направлению «Инженерное дело, технологии» было выделено 40% всех бюджетных мест приема (246 тыс. чел)¹⁸. Исходя из желания властей быстрее насытить промышленность квалифицированными кадрами, мест на инженерные специальности выделяется сегодня слишком много, а нормально подготовленных абитуриентов катастрофически не хватает.

Сегодня не представляется возможным мерами федерального регулятора быстро повысить уровень подготовки в школе по физике и математике. Поэтому в регионах распространения массовой инженерной подготовки обеспечение вузов абитуриентами, которые смогли бы полноценно обучаться инженерии, становится заботой педагогических сообществ, налаживающих взаимодействие вузов со школой и СПО. Показательно, что даже в Москве, где ситуация заведомо лучше, Департамент образования и науки обратился к руководителям вузов региона с предложением направить студентов технических

¹³ Росатом. Сотрудничество с вузами. URL: <https://rosatom.ru/career/obrazovanie/sotrudnichestvo-s-vuzami/> (дата обращения: 19.07.2024).

¹⁴ Более 3000 предприятий сотрудничают с вузами по стратегическим проектам. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/10/26/1002800-bolee-3000-predpriyatii-sotrudnichayut-s-vuzami> (дата обращения: 18.04.2023); см. также Гиперссылка: Можно ли управлять университетом как бизнесом? (rectorspeaking.ru) (дата обращения: 19.07.2024).

¹⁵ Форпост. Северо-запад. 13.06.2024. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2024-06-11/pochemu-biznes-netoropitsya-sofinansirovat-peredovye-inzhenernye-shkoly> (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 11.02.2023 № 196. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302200035> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁷ Гиперссылка: <https://t.me/pishrus/85> (дата обращения: 23.07.2024).

¹⁸ Интерфакс. 06.04.2023. URL: <https://www.interfax.ru/russia/894809> (дата обращения: 24.03.2024).

университетов работать в школы учителями физики, математики и информатики с вполне конкурентными условиями зарплаты¹⁹.

К известным негативным факторам сегодня добавились дополнительные. Их фиксируют ректоры вузов: 11-классникам не дают возможности сдать нужные для поступления в технический вуз экзамены, поскольку из-за систем рейтингования школы заинтересованы в том, чтобы баллы по ЕГЭ не были слишком низкими, а максимально провальные баллы получают, как правило, по физике и математике²⁰. В 2024 г. введены новая система оценивания и шкалы перевода в баллы ЕГЭ по предметам. С понижением сложности заданий по физике и математике увеличено число успешно сдающих эти предметы для заполнения бюджетных мест на технических специальностях. По оценке педагогов, это приведет к снижению уровня преподавания в школе, а в технических вузах – к изменению правил приема²¹.

Сегодня более результативно привлекают молодежь в инженерное образование практикой кейсов. Наиболее успешные связаны с треком «школа – СПО – вуз». Так, Белгородский ГАУ, где 70% первокурсников представлены выпускниками техникумов и колледжей области и внутреннего факультета СПО, работает в партнерстве с предприятиями; создаются совместные образовательные и коммуникационные площадки, сетевые формы обучения и пр., что учит «жить в одной системе координат»²². Трехстороннее взаимодействие – СПбГЭТУ «ЛЭТИ», СПб технического колледжа управления и коммерции, Инженерно-технологической школы № 777 – реализует совместные проекты от профориентации до участия в научно-исследовательской деятельности, что формирует мотивированные пути в инженеры²³. Симптоматичны в приемной компании 2024 г. SOS-призывы технического университета к молодежи техникумов и колледжей²⁴. Успешность различных форм мобилизации трека «Школа – СПО – инженерный вуз» состоит в ориентации на целевого социального потребителя.

Заключение. Долгие годы установки большей части школьников и родителей были ориентированы на сервисную экономику и на подготовку по общественно-гуманитарным специальностям. Они до сих пор остаются преобладающим направлением выбора молодежи обучения в высшей школе. Наметившийся с середины 2010-х гг. рост доли обучающихся по инженерным специальностям диктовался потребностями крупнейших технологических корпораций. Вложения государства и крупных компаний в топовые технические университеты породили специальные формы инженерной подготовки ради кадрового обеспечения инновационного развития. Этот задел практик взаимодействия стал опорой проекта «Передовые инженерные школы», запущенного с 2022 г. Инновационные формы подготовки (взаимосвязь обучения и бизнеса при реализации прорывных разработок) распространяются по ведущим вузам регионов. Широкое продвижение связано со сложностями согласования интересов в оценке результативности: различий в критериях Минобрнауки и бизнеса, ориентирующегося на прибыль и окупаемость; а также с необходимостью перемен в структурах вузов в рамках работы ПИШ.

В контексте социологии подготовки инженеров, «способных формировать будущее», базируется на эффекте сопряжения разного рода ресурсов – инвестиций государства,

¹⁹ Российский союз ректоров. 31 мая 2024. URL: <https://rsr-online.ru/news/2024/5/31/rosnou-gotov-napravit-v-shkoly-studentov-v-kachestve-uchitelej> (дата обращения: 20.07.2024).

²⁰ См.: Чтобы стать лидером, вузу нужны прорывные научно-технологические достижения. См.: rectorspeaking.ru (дата обращения: 23.07.2024).

²¹ OCTAGON 22 мая 2024. Новая система оценивания госэкзамена поставит крест на школьной математике. URL: https://octagon.media/istorii/novaya_sistema_ocenivaniya_gosekzamena_postavit_krest_na_shkolnoj_matematike.html; <https://t.me/boilingmephi/6806> (дата обращения: 24.06.2024).

²² См.: URL: <https://rectorspeaking.ru/kak-vuzam-i-biznesu-nauchitsya-rabotat-v-odnom-izmerenii>

²³ Сайт СПбГЭТУ «ЛЭТИ». URL: <https://etu.ru/ru/abiturientam/novosti-dlya-abiturientov/neobhodimo-obedinyat-usiliya-leti-stal-chastyu-setevogo-vzaimodejstviya-shkola-spo-vuz> (дата обращения: 18.04.2024).

²⁴ URL: <https://t.me/naukauniver/6226> (дата обращения: 27.07.2024).

бизнеса, отчасти семей – в оплату обучения в вузе, а также их вложений на школьном этапе в обеспечение повышенной конкурентоспособности будущих студентов. Гораздо больше шансов стать участниками проекта ПИШ, поступив в селективные университеты, имеют выходцы из семей с высоким культурным капиталом и экономическими ресурсами для продолжительных вложений в образование детей. Перспективы высоких заработков и карьеры, гарантируемые подготовкой в топовых университетах, формируют стратегии семейных инвестиций и готовность субъектов к длительному интеллектуальному труду и напряжению усилий.

Возникновение в образовательном поле любого элемента элитного обучения неизбежно порождает секторы селекции и зону отрицательного отбора. Складывается разнородная сеть региональных технических вузов и факультетов с разной композицией и степенью «дефицитности» ресурсов, со своей стороны, концентрируемых элитным сектором. Это порождает другой набор и уровень проблем инженерной подготовки, а также поисков и реализации путей их решений.

Мест на инженерные специальности, причем бюджетные, здесь выделяется сегодня так много, что школьников-абитуриентов, готовых к успешному освоению программ инженерно-технической подготовки критически не хватает. И эту ситуацию быстро не изменить, т.к. требуются системные меры по восстановлению необходимого объема и уровня подготовки по физике и математике в школе, а также стимулов приоритетности в механизмах управления, в частности, – в критериях отчетности как в школе, так и в вузе.

Привлечение мотивированной молодежи в инженерное образование эффективнее осуществляется практикой кейсов и сетевого взаимодействия при ориентации на целевые социальные группы, где традиционно большой ценностью остается работа с техникой. Ими долгое время, особенно в регионах, были те, кто приходил в вуз с производства и/или со средним профессиональным образованием. Практика демонстрирует позитивные формы организации и мобилизации ресурсов в треках «Школа – СПО – Инженерные программы ВО». Их целесообразность связана и с большой неравномерностью территориального распределения по стране индустриального производства и инженерной подготовки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Мобилизация ресурсов научно-педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 60–71.
- Ключарев Г.А. О подготовке инженерных кадров для наукоемких производств (взгляд работодателей) // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 51–59.
- Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Образование в цифрах: 2017: кр. стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
- Образование в цифрах: 2023: кр. стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2023.
- Основные стратегии выбора вуза и барьеры, ограничивающие доступ к высшему образованию. М.: НИУ ВШЭ, 2021. Инф. бюл. № 17.
- Прахов И.А. Влияние инвестиций в дополнительную подготовку на результаты ЕГЭ // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 74–99.
- Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М.: НИУ ВШЭ, 2020. Сер. Современная аналитика образования. № 13(43).
- Чередниченко Г.А. Вознесенская Е.Д., Кузнецов И.С. Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда / Отв. ред. Г.А. Чередниченко. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М, 2014.
- Чередниченко Г.А. Перемены в после-школьных траекториях молодежи: социальная дифференциация // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 51–62.
- Cherkaoui M. Sociologie de l'éducation. P.: PUF, 2010.

Статья поступила: 07.05.24. Финальная версия: 27.08.24. Принята к публикации: 19.08.24.

ENGINEERING TRAINING IN THE STRUCTURE OF HIGHER EDUCATION AND PROFESSIONAL CHOICE OF YOUTH

CHEREDNICHENKO G.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Galina A. CHEREDNICHENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (galcher2211@gmail.com).

Abstract. The structural elements of the university network of engineers' training and its demand in different social groups of young people are analyzed using statistical data, monitoring and sociological research results. Recent shift in the choice by school graduates towards engineering specialties is associated, first of all, with the expansion of employment and career opportunities, as well as the growing attractiveness of advanced technical qualifications. The concentration of personnel training for the development of breakthrough technologies in top, selective universities is effected by combining investments from the state budget, large corporations, the development of innovative forms of education, in particular within the framework of the Advanced Engineering Schools project, as well as investments of families with high cultural and economic capital to ensure competitiveness of future students. Successful training in mass engineering education programs in regional universities, where numbers of budgetary admission places have been increased since 2022, is hampered by a keen shortage of well-prepared school students-applicants. The best results are shown under the practice of attracting target social groups of young people while maintaining value of technical labor, for example, in various forms of mobilization via the track "School-SPO-engineering training in higher education institutions".

Keywords: higher education, structural elements of engineering education, choice of engineering specialties by young people.

REFERENCES

- Cherednichenko G.A. (2023) Changes in post-school trajectories of youth: social differentiation. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 51–62. (In Russ.).
- Cherednichenko G.A. (2014) *Educational and Career Trajectories of Russian Youth (Based on Sociological Research)*. Moscow: CSP i M. (In Russ.)
- Cherednichenko G.A., Voznesenskaya E.D., Kuznetsov I.S. (2020) *Part-time student and graduates of higher education: social behavior in education and the labor market*. Ed. by G.A. Cherednichenko. Moscow: FNIS RAN. (In Russ.)
- Cherkaoui M. (2010) *Sociologie de l'éducation*. Paris: PUF. (In Fr.)
- Education in numbers: 2017: brief statistical collection*. (2017) Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Education in numbers: 2023: brief statistical collection*. (2023) Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Key university choice strategies and barriers to access to higher education*. (2021) Moscow: NIU VSHE. Inform. bulletin. No. 17. (In Russ.)
- Klyucharev G.A. (2020) On the training of engineering personnel for knowledge-intensive industries (the view of employers). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 51–59. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. (1999) *Dynamics of Inequality. Russian Youth in a Changing Society: Orientations and Paths in Education (from the 1960s to 2000)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Prakhov I.A. (2014) Impact of investment in additional training on USE results. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 3: 74–99. (In Russ.)
- Regional differentiation of higher education accessibility in Russia*. (2020) Moscow: NIU VSHE. *Series Modern Analytics of Education*. No. 13(43). (In Russ.).
- Zborovskiy G.E., Ambarova P.A. (2022) Mobilization of resources of the scientific and pedagogical community (the case of higher education in the Ural FD). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 60–71. (In Russ.)

Received: 07.05.24. Final version: 27.08.24. Accepted: 19.08.24.

© 2024 г.

СЮЭ ЖАНЬЖАНЬ, А.В. ЛУКИН, А.П. БОЧАРОВА

РАЗВИТИЕ СТЕРЕОТИПА «БОЕВОЙ НАРОД» О РОССИЯНАХ (дискурс- и контент-анализ китайских медиа и социальной сети «Вэйбо»)

СЮЭ Жаньжань – PhD, доцент Школы иностранных языков Чжэцзянского университета, Ханчжоу, Китай (ganxu06@163.com); ЛУКИН Александр Владимирович – доктор исторических наук, директор Центра Китая, Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России, приглашенный профессор Школы государственного управления Чжэцзянского университета, Москва, Россия (a.lukin@inno.mgimo.ru); БОЧАРОВА Александра Павловна – научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (apbocharova@hse.ru).

Аннотация. Опираясь на сформулированную У. Липпманом концепцию стереотипов как ментальных образов, упрощенно отражающих реальность, авторы исследуют формирование и эволюцию в 2010–2020-х гг. китайского восприятия русских как «боевого народа». Изучив появление термина «боевой народ» в китайском дискурсе, авторы прослеживают его развитие от онлайн-фэндом японского анимэ-сериала до широкого принятия в официальных и неофициальных китайских медиа. Используются дискурс-анализ, контент-анализ и сентимент-анализ онлайн-платформы Weibo. Анализ коннотаций выражения «боевой народ», применяемого по отношению к россиянам, позволяет сделать вывод, что оно полностью соответствует концепции этнического стереотипа в традиции У. Липпмана или этнотипа в трактовке Дж. Леерссена. Образ «боевого народа» – позитивный стереотип, но при изменении социально-политической ситуации в КНР в принципе возможна его негативная переоценка.

Ключевые слова: стереотипы • общественное мнение • «боевой народ» • Китай • СМИ • онлайн-платформа Weibo

DOI: 10.31857/S0132162524090094

Постановка исследовательской задачи. Формирование и эволюция национальных (этнических) стереотипов активно изучаются социологами, политологами и специалистами по международным отношениям. Это обусловлено теоретической значимостью данной темы и ее тесной связью с политикой, в частности с попытками преодолеть различные виды дискриминации. Последняя тенденция в некоторых странах приобретает гипертрофированные идеологизированные черты, что порой мешает объективному изучению стереотипов как важного элемента общественного сознания. Поэтому особенно важен объективный научный анализ теоретипизации действительности как важнейшего инструмента человеческой ориентации в ней.

В части А.В. Лукина и А.П. Бочаровой статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта №2025-04-03.

Идея необходимости такого изучения была сформулирована в опубликованном в 1921 г. классическом труде американского журналиста и исследователя У. Липпмана «Общественное мнение». Липпман считал стереотипы «картинами в нашем сознании», в обобщенном и упрощенном виде отражающими действительность и возникающими в результате не собственного, но опосредованного ее восприятия [Липпман, 2004: 25–26]. Отличие стереотипа от других форм отражения, согласно Липпману, состояло в том, что он был «в высшей степени заряжен чувствами», содержал оценочный элемент [там же: 96]. При этом знакомое, привычное человеку приобретает в нем позитивное звучание, а незнакомое и непривычное – негативное; мир делится на две части. Таким образом, сам по себе стереотип может быть и негативным, и позитивным, но в любом случае он имеет своим источником групповые представления. Через 40 лет после выхода в свет книги У. Липпмана исследователь СМИ и массовых коммуникаций Р. О’Хара выделил три логические стадии формирования стереотипа: в элементе действительности выделяется несколько простых и заметных признаков («выравнивание»), им придается особое, определяющее значение («усиление») и, наконец, на основе этих «выровненных» и «усиленных» признаков строится устойчивый образ этого элемента («ассимиляция») [O’Hara, 1961: 171–173].

Активными исследователями стереотипов были журналисты и эксперты по СМИ, так как в XX в. именно они стали основными источниками опосредованного знания о мире для населения, и, следовательно, главными источниками стереотипизации, значение которых превысило роль образовательных учреждений и социальных групп. Сегодня их дополняют и вытесняют социальные сети и другие интернет-ресурсы.

Национальные или этнические стереотипы, вероятно, являются наиболее очевидным и обсуждаемым их видом. В рамках исследований международных отношений образы одной страны в другой рассматривались как фактор, влияющий на внешнеполитическую пропаганду и принятие внешнеполитических решений [Boulding, 1959; Jervis, 1970; Jervis, 1976], в литературоведении и исторических исследованиях – в рамках «имагологии», направления, изучающего формирование образов других народов и их эволюцию в основном через художественную литературу и исторические источники [Guyard, 1951; Dyserinck, 1966; Bellerand, Leerssen, 2013]. Большинство авторов обеих этих традиций развивают наблюдения и выводы Липпмана и его последователей в применении к государствам и этносам.

Один из наиболее известных современных имагологов, Дж. Леерссен, выделяет восемь характеристик репрезентаций национальных характеров, которые он называет «этнотипами»¹ [Leerssen, 2016: 17–19]. Эти характеристики не вызывают серьезных возражений, за исключением первой, где говорится, что они не могут быть эмпирически проверены на соответствие объекту, так как являются дискурсивными конструкциями – нарративными тропами и риторическими формулами. Не совсем понятно, почему невозможно оценить, насколько нарративный троп соответствует объекту. В антропологии, социологии и политологии доминирует мнение, что сам объект («национальный характер» или «политическая культура» того или иного государства в смысле установок или моделей поведения, которых придерживается большинство населения), используя соответствующую методологию, установить вполне возможно. Естественно, и сравнить ту или иную его характеристику с полученными данными [Almond, Verba, 1963; Inkeles, 1997].

В статье исследуется уникальный случай конкретного тропа «боевой народ», характеризующего отношение к россиянам в современном Китае (КНР). Анализируемая тема известна российским социологам по статье: [Жэнь, 2023: 127–132]. Авторы настоящей статьи хотели значительно углубить и расширить подход к ней, вписав генезис и развитие

¹ В данном случае «этнотип» понимается не в обычном значении как совокупность внешних, физических признаков представителей определенного этноса, имеющая объективный характер, а как один из видов стереотипа, обобщающего не столько внешние признаки, сколько черты характера, психологию и модели поведения.

обозначения россиян как «боевого народа» в контекст современного состояния исследований этнических стереотипов. Используются в основном оригинальные результаты, полученные на основе исследований авторами материалов прессы и социальных сетей КНР.

Уникальность данного кейса в том, что выражение, в котором русский народ (россияне)² характеризуется эпитетом «боевой», возникло недавно, имеет конкретный источник и распространялось в китайской прессе, онлайн-публикациях и социальных сетях. Это позволяет проанализировать историю зарождения и эволюции этого этнотипа, соотнеся полученные результаты с теоретическими конструкциями относительно этнических стереотипов. Исследование использует методологию дискурс-анализа, контент-анализа и основанного на сентимент-анализе парсинга китайских социальных сетей для изучения материалов официальных и неофициальных интернет-сайтов и социальной сети «Вэйбо».

Происхождение и распространение понятия «боевой народ». В последние годы словосочетание «战斗民族» («боевой народ»³) широко распространилось в Китае как характеристика России и россиян. Первоначально получив популярность в социальных сетях Китая и блогах как мем, оно постепенно начинает использоваться и в официальных китайских информационных агентствах и СМИ.

Термин «боевой народ» в Китае впервые был использован поклонниками японского аниме-сериала «Dragon Ball Z» (1989–1996) в социальных сетях. По сюжету некоторые герои «Dragon Ball Z» принадлежат к внеземному племени сильных и агрессивных воинов – саянов, которых на японском языке называют «боевым народом» (戦闘民族, сэнтो миндзоку)⁴. Таким образом, китайский термин «боевая нация» (чжаньдоу миньцзу) возник как китайское прочтение соответствующего японского термина, использовавшегося для обозначения фэнтезийного народа саянов. Этот термин стал применяться по отношению к России и россиянам. Точное время первого его упоминания в новом значении установить вряд ли возможно. Однако в начале 2010-х гг. такое применение стало достаточно распространенным. Так, 15 сентября 2014 г. в интернет-энциклопедии «Байду байкэ» (百度百科), разрабатываемой и поддерживаемой основной официальной китайской поисковой системой «Байду», появилось объяснение нового термина «боевой народ» как полужутливого обозначения россиян/русских. На конец 2023 г. эта запись была отредактирована 27 раз (1)⁵ и просмотрена 962 423 раза. Последняя редакция (20.06.2022 г.) гласит: «“Боевой народ” – интернет-термин, обозначающий русский народ, который пьет самый крепкий алкоголь, держит самых диких домашних животных и не садится за руль в трезвом состоянии» (2). Статистика поискового индекса «Байду» для этого интернет-термина начинается с 2011 г., свидетельствуя, что тогда он уже использовался в Интернете. С начала 2011 г. по конец 2023 г. среднесуточное значение поискового индекса составило 586 раз (рис. 1).

Распространению термина «боевой народ» способствовало несколько знаковых событий. Толчком к росту его популярности стали церемонии открытия и закрытия зимних Олимпийских игр в 2014 г. в Сочи. В 2015 г. в китайских социальных сетях широкий резонанс вызвали российские видео «Россия снова агрессор» (3) и «Здравствуйте! Я русский оккупант» (4), в которых обосновывалась активная внешняя и военная политика России (5), демонстрировались ее мощные вооружения (6). В конце 2015 г. по китайскому телевидению был показан российский телесериал «Как я стал русским», снятый

² В китайском языке понятия «русский» и «российский» обозначается одним и тем же словом, которое может в зависимости от контекста иметь или не иметь этническое значение.

³ В данном словосочетании перевод «民族» как «народ» ближе к изначальному смыслу, чем «нация», так как в нем этническое значение сочетается с государственным, то есть могут иметься в виду как русские по национальности, так и все россияне. Кроме того, в японском языке, откуда был позаимствован данный термин, «民族» вообще не имеет «государственного» значения.

⁴ Японское чтение тех же китайских иероглифов.

⁵ Здесь и далее ссылки на китайскоязычные ресурсы даны по списку источников в Приложении, в котором даны только переводы названий материалов и их электронные адреса.

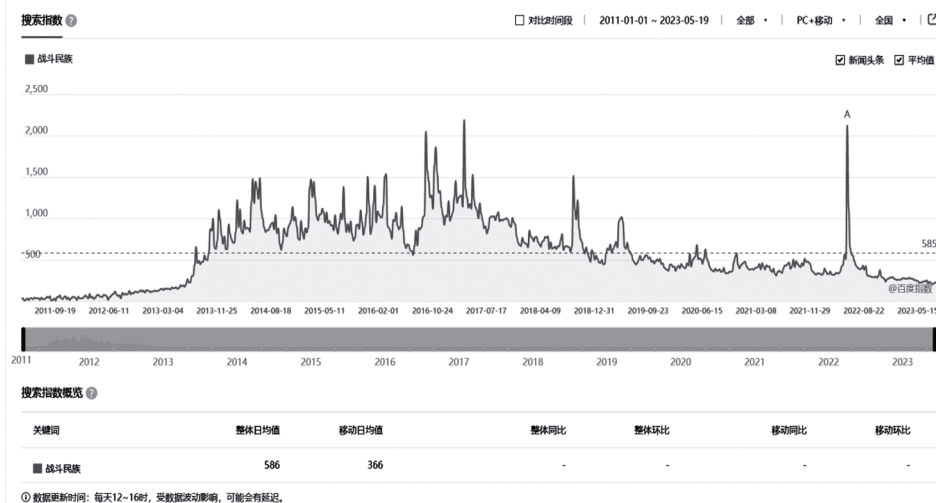

Рис. 1. Поисковой индекс Baidu интернет-термина «боевой народ» в 2011–2023 гг.

Источник: рассчитано по информационному ресурсу «Байду» (百度, <https://www.baidu.com>).

на телеканале СТС. Его название в Китае было изменено на «Как воспитать боевой народ». В 2016 г. рекламный фильм основанной в России компании «Gaijin Entertainment», которая создала военную-историческую игру «War Thunder», был показан на китайской стриминговой платформе «Тэнсюнь шипинь» (Tencent Video) под названием «Я и есть боевой народ» (7). Прошедший в 2018 г. в России чемпионат мира по футболу вновь продемонстрировал китайской публике «боевой» характер российских болельщиков, который на китайских сайтах связывали с общим российским духом (8). В 2019 г. на китайские экраны вышла совместная российско-китайская романтическая кинокомедия «Как воспитать боевой народ», снятый на основе российского телесериала «Как я стал русским». Его широкий показ в КНР стал тем культурным событием, благодаря которому понятие «боевой народ» стало уже безошибочно ассоциироваться с Россией.

Анализ статистики поисковых запросов в поисковой системе «Байду» по словосочетанию «боевой народ» показывает, что первый пик таких запросов пришелся на 2018–2019 гг. (рис. 1), что во многом связано с выходом упомянутого российско-китайского художественного фильма и его популярностью. В период с начала июля 2017 г. до середины мая 2023 г. среднесуточное значение поискового индекса для словосочетания «боевой народ» составляет около 400 тыс. запросов.

Использование термина «боевой народ» ведущими китайскими СМИ. Ведущие официальные китайские СМИ быстро подхватили термин «боевой народ» в применении к России и россиянам. В большинстве из них (Информационное агентство «Синьхуа», Китайская служба новостей, газеты «Жэньминь жибао» и «Хуаньцю шибао») он появляется в 2014 г., а на новостном канале китайского телевидения «ССТV-Новости» – даже в 2013 г. При этом частота его использования официальными СМИ в основном совпадает с динамикой интереса к термину со стороны негосударственных СМИ, однако в официальных СМИ она резко снизилась после обострения российско-украинского конфликта в 2022 г., упав практически до нуля в 2023 г. (табл. 1). Это в какой-то мере свидетельствует о низовом, а не официальном механизме его генезиса.

В качестве текстового материала для анализа далее использовались материалы интернет-сайтов государственного информационного агентства «Синьхуа» (сайт

Таблица 1

**Общее количество новостей с упоминанием «боевого народа»
в главных официальных СМИ Китая**

Годы	Хуаньцю шибао	Синьхуа	Китайская новостная сеть	Новости CCTV	Жэньминь Жибао	Общее количество
2013	–	–	2	–	–	2
2014	2	2	6	2	–	12
2015	14	11	6	2	3	36
2016	32	9	12	6	1	60
2017	24	11	10	18	3	66
2018	42	6	12	37	3	100
2019	43	3	6	25	1	78
2020	12	4	1	9	–	26
2021	9	1	4	3	–	17
2022	3	–	5	3	–	11
Всего	181	47	64	105	11	408

Таблица 2

**Классификация новостей с термином «боевой народ»
в «Хуаньцю шибао» и Информационном агентстве Синьхуа**

Классификация новостей	Хуаньцю шибао (англ. версия «Global Times»)	Информационное агентство Синьхуа
Общество	89	34
Вооруженные силы	38	7
Мир	24	2
Культура	23	9
Спорт	15	3
Политика	11	1
Экономика	3	1
Туризм	2	1
Наука	2	0
СМИ	2	0
Авиакосмическая отрасль	2	0
Образование	1	0

«Синьхуа ван») и издаваемой ЦК КПК газеты «Хуаньцю шибао» (сайт «Хуаньцю ван»). Общее количество материалов с использованием изучаемого термина с 2014 г. на обоих сайтах составляет 228. Из 181 статьи, размещенной на «Хуаньцю ван», 124 содержали термин «боевой народ» в заголовке, в 14 случаях он упоминался как часть названия фильма, а в 57 – в самих текстах. Из 47 статей сайта «Синьхуа ван» 32 имели словосочетание «боевой народ» в заголовках, одна статья содержала название совместного китайско-российского фильма, а в остальных 15 статьях термин «боевой народ» фигурировал в качестве ключевого понятия. Категории новостей охватывали самые различные сферы

(табл. 2): чаще всего о «боевом народе» упоминали при обсуждении общества и армии, но эпизодически – практически по всем тематическим сферам, включая туризм и науку.

В 52 случаях «боевой народ» использовался без дополнительных коннотаций, 15 статей содержали название совместного китайско-российского фильма «Как воспитать боевой народ» или российского комедийного телесериала «Как стать русским», восемь статей посвящены самому термину «боевой народ». В остальных статьях данный термин использовался как эталонный без дополнительных коннотаций, обозначая Россию.

Значения понятия «боевой народ». На основе материалов, содержащих оценочные суждения, можно сделать вывод, что официальные круги поначалу несколько опасались распространения определения «боевой народ», так как оно могло вызвать недовольство в России, и пытались преуменьшить его значение. Однако, приняв его, они стали подчеркивать, что этот фразеологизм в значительной степени отражает позитивное отношение авторов к твердой и мужественной позиции России на международной арене.

Так, 28 октября 2015 г. и 11 мая 2016 г. «Хуанью шибао» публиковала тематические репортажи о термине «боевой народ» под названиями «Россияне не согласны с названием "боевого народ", предпочтение отдается "белым медведям"» (9) и «Только китайцы в [современном] мире называют Россию "боевым народом", но они сами с этим не согласны!» (10). В этих статьях ряд экспертов, знакомых с Россией, высказали мнение, что для россиян более приемлем привычный для Китая символ России – белый медведь⁶.

Тем не менее подавляющее большинство китайцев, знакомых с относительно новым термином, считает, что он адекватно характеризует россиян. Так, на вопрос на китайском сайте вопросов и ответов «Чжиху» «Почему русскую нацию называют "боевым народом"?» из 1097 ответивших 1039 (95,6%) согласились с этим названием. При этом 23,8% связали его с «храброй борьбой», 19,9% – с «физически крепким телосложением», 11,5% – с «насилием, драками, преступностью», 10,1% – с «простотой, прямой мышления, открытым характером», 10,0% – с «героизмом, патриотизмом, любовью к силе», 6,7% – с приручением опасных зверей; 6,4% – с пьянством; 0,8% – с «литературой, искусством, наукой» [Жэнь, 2023: 128–129].

Таким образом, фразеологизм «боевой народ» имеет в КНР общепонятное основное значение, обогащенное культурными коннотациями благодаря ведущим СМИ Китая. Прежде всего, он означает необычайную решительность, иногда связанную с большим риском, в ответ на возникающие угрозы. В то же время сегодня в него начали включаться и другие коннотации: представители боевого народа часто совершают невероятные и экстравагантные поступки, нехарактерные для представителей других народов, при этом их достижения в области искусства, художественная культура вызывают восхищение.

В целом в значении понятия «боевой народ» можно выделить три основных аспекта (табл. 3). Согласно публикациям в китайских СМИ, для представителей «боевого народа»

Таблица 3

Классификация ключевых слов новостных сообщений о «боевом народе»

Классификация ключевых слов новостей	Хуанью шибао	Информационное агентство Синьхуа	Всего
Храбрый народ	110	32	142
Жесткий народ	21	3	24
Народ с чувством прекрасного	12	3	15
Без дополнительных коннотаций, в т.ч.	41	11	52
– в обсуждении термина «боевой народ»	7	1	8
– в составе названия фильма	14	1	15
– другие примеры	20	9	29

⁶В Китае распространено мнение, что символом России является именно белый медведь.

характерны: 1) необычайная храбрость и выносливость: они не боятся мороза, всегда готовы к любой ситуации, имеют дерзкий характер и способны на неожиданные поступки; 2) крайняя жесткость: они проводят решительную внешнюю и внутреннюю политику, русские политики имеют имидж сильных людей; 3) чувство прекрасного: русский народ имеет великую духовную и материальную культуру (но эта трактовка встречается реже всего).

Культурная коннотация «храбрый народ». Трактовка «боевого народа» в первую очередь связана с тем, что русские бесстрашны, не боятся холода и не поддаются суровой природной среде. Агентство Синьхуа рассказало об этом в первой же статье в 2014 г., где о россиянах говорится как о «боевом народе», под названием «Иностранцы, вы носите теплые брюки?» (11). В ней рассказывается о китайской привычке носить утепленные брюки в прохладную погоду как об изнеженной черте, не характерной для многих иностранцев. И русские здесь, конечно, один из первых примеров. В дальнейшем такие новости – «Боевой народ проводит зиму: жизнь русского народа при температуре минус 30 градусов» (12), «Школьники боевого народа! Дети самой холодной деревни в мире ходят в школу при температуре минус 51°» (13)⁷, «Какой бы холодной ни была погода, это не может помешать детям боевого народа играть в снегу» (14) – становятся обычными.

Китайские СМИ пишут об упорстве русских в любой обстановке. Значительное число материалов посвящено, например, тому, что авиарейсы в России, независимо от погоды и других сложных обстоятельств, почти всегда следуют по расписанию. Вот названия некоторых статей: «Авиалайнер боевого народа потерял колеса и узнал об этом только через 50 минут после взлета!» (15), «Результат... Снова Аэрофлот! Туман закрывает столицу Китая, и только российский самолет может приземлиться в столичном аэропорту в течение 3,5 часов» (16). То же касается других средств передвижения: «Поистине боевой народ: у русского танка отвалилась гусеница, но он все равно занял первое место» (17).

Выражение «боевой народ» активно употребляется также при демонстрации Россией военной мощи и боевого потенциала. Характерны здесь сообщения не только о создании в России самых современных видов вооружений (18), но и об экстравагантном поведении военных (например, российские моряки захватили с собой в поход на боевом корабле кота (19)).

Большое удивление у китайских пользователей сети вызывает появление оружия и военного снаряжения в повседневной гражданской жизни россиян, что описывается как характерная черта «боевого народа». В России, по сообщениям китайских СМИ, боевые вертолеты вылетают прямо из Кремля (20), на улицах российских городов можно увидеть бронированные такси (21), китайские туристы могут покататься на танках (22), делают селфи с боевыми гранатами (23), российские силачи соревнуются в попытке сдвинуть танк с места (24), даже в российских компьютерных играх оружие выглядит «точь-в-точь как настоящее» (25).

Во многих случаях «боевой народ» значит «дерзкий, решительный народ». При этом россияне часто ведут себя неожиданным образом, а иногда странно (26). Например, они проводят соревнования по пощечинам, по забегу на высоких каблуках, по использованию золотой фольги в качестве продуктового материала (27). Они ловят отлетевшие от автомобиля на дороге шины голыми руками (28), делают селфи в самых опасных местах, в связи с чем полиция вынуждена даже выпустить рекомендации по безопасности в этой области (29); держат медведей и волков как домашних животных (30); пропускают электричество высокого напряжения через землю, чтобы получить дождевых червей (31).

Культурная коннотация «жесткий народ». Очень часто коннотацию «жесткий (твердый) народ» связывают в Китае с доставшейся огромной ценой победой СССР в Великой Отечественной войне, яркой манифестацией которой являются ежегодные празднования

⁷ В заметке речь идет о селе Оймьякон в Якутии, что, как и сопровождающая его фотография, свидетельствует в данном случае о неэтнической трактовке термина «боевой народ».

Дня Победы 9 мая, в особенности военный парад. При этом поведение россиян прямо или косвенно противопоставляется китайскому и поведению других народов.

В упоминавшейся выше статье «Хунъю шибао» отмечается: «С точки зрения философии решения проблем по-восточному, на основе умеренности, доброты, корректности, воздержанности и скромности⁸, российская мощь проявляется в бесстрашии и решимости брать ответственность на себя» (31). Обычные китайские интернет-пользователи термин «боевой народ» используют для интерпретации России в еще более позитивном – порой даже восхищенном – ключе. Часто фразеологизм «боевой народ» используются для того, чтобы охарактеризовать твердую позицию России в международных вопросах. Прежде всего, твердость обнаруживается в жестком подходе России к защите своих границ, выражающемся, например, в выдворении иностранных военных самолетов из своего воздушного пространства, а также в прямой конфронтации на международной арене.

Под «боевым народом» подразумеваются и жесткие фигуры в российской политике, прежде всего, президент В.В. Путин и некоторые российские дипломаты. Научный сотрудник Института мировой истории Китайской академии общественных наук Вэнь И непосредственно связывает термин «боевой народ» именно с руководством Путина. Он объясняет появление этого определения тем, что российскую нацию исторически часто притесняли, среди россиян распространен дух патриотизма, поэтому, подвергаясь агрессии, они поднимаются на сопротивление, и современная Россия под руководством Путина ведет себя довольно жестко (32).

Культурная коннотация «народ с чувством прекрасного». Тексты о «боевом народе» часто связаны с зимой, особенно с использованием россиянами не очень привычных для многих китайцев льда и снега в различных зимних мероприятиях. Основная тема здесь – безразличие россиян к холоду и даже использование его для развлечений. В статьях о «боевом народе» описываются российские праздники встречи и проводов зимы (33), лепка снеговиков как одно из любимых зимних развлечений (34). На фотографиях и в текстах можно увидеть, как русские используют снег для создания разных реалистичных военных скульптур и оружия – «Катюша», танки, пушки и даже атомные подводные лодки.

24 июня 2018 г., во время проходящего в России чемпионата мира по футболу агентство «Синьхуа» выпустило статью «Боевой народ России оказался таким литературным и художественным». Китайские журналисты побывали в России и познакомили своих зрителей с искусством России. Они рассказали о балете «Лебединое озеро», круглосуточной работе магазинов цветов, которые они встречали повсюду, архитектуре московского метро. Впечатлила их и ярко освещенная Красная площадь, на которой царила атмосфера праздника, повсюду они встречались с музыкой и поэзией. «Оказывается, боевой народ – не только твердый и прямолинейный, но и вдумчивый и душевный», – заключают они (35).

Во многих материалах СМИ такие виды искусства, как балет, живопись и музыка, парадоксальным образом сочетаются с образом «боевой нации». При этом военная атрибутика и дух входят, по мнению китайцев, даже в личную жизнь россиян. Рассказывается, что представители «боевого народа» исполнили оду «К радости» Бетховена на пистолетах (36), рисовали фигуры танком Т-72 (37), исполняли на танке балетные танцы (38); выпустили духи «пять поколений машинного масла» со вкусом стекла и металла (39); а один россиянин даже приехал на танке делать предложение своей невесте (40).

«Боевой народ» в социальной сети «Вэйбо». Всего за 2018–2024 гг. собрано 343 записи пользователей одной из наиболее популярных в КНР социальной сети «Вэйбо» (Weibo) с использованием термина «боевой народ»: более ранних упоминаний в ней не обнаружено. Анализ эмоциональной окраски постов показал, что 60% записей пользователей на эту тему имеют положительный оттенок, в то время как 21% записей были оценены как нейтральные и лишь 19% – как негативные.

⁸Перечислены пять конфуцианских добродетелей.

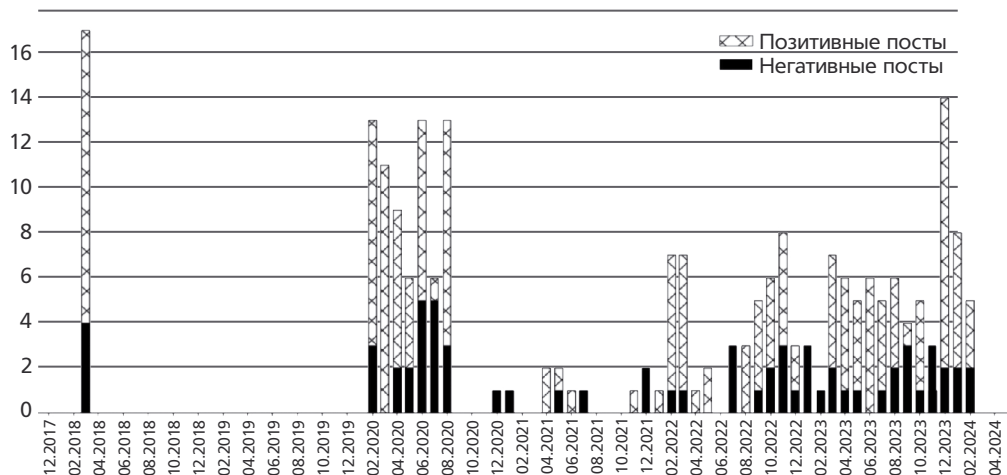

Рис. 2. Распределение публикаций пользователей «Вэйбо» о России в 2018–2024 гг.

На рис. 2 представлено распределение публикаций пользователей с упоминанием словосочетания «боевой народ» с учетом сентимента. За шестилетнюю выборку были три всплески публикационной активности на данную тему – в марте 2018 г. (чемпионат по футболу), феврале – августе 2020 г. (в начале ковид-пандемии) и в декабре 2023 г. (в связи с восстановлением китайского туризма после снятия пандемийных ограничений). В целом соотношение негативных и позитивных постов пользователей сохраняется одинаковым во все указанные периоды, с большим преобладанием позитивной оценки россиян и России.

Анализ наиболее популярных у пользователей публикаций в «Вэйбо» за указанный период позволяет проследить (так же, как и в материалах традиционных СМИ) три наиболее распространенных нарратива в использовании термина «боевой народ»: это – фокус на необычайную храбрость и выносливость русских людей, на их крайнюю жесткость и упор на использование грубой силы, на чувство прекрасного, а также на культурные и исторические аспекты, связанные с представлением о России и россиянах. Анализ наиболее популярных текстовых сообщений пользователей «Вэйбо» в периоды публикаций с пиковыми значениями (табл. 4) подтверждает ранее сделанный вывод, что активный рост публикаций на российскую тематику свидетельствует о низовом механизме генезиса/развития этого мема и не связан напрямую с официальной информационной повесткой в КНР.

Как видим, публикации 2018 и 2023 гг. в основном посвящены описанию опыта китайцев от посещения российских городов, а также обсуждения крайне популярных видео. В частности, много лайков набрали видео, где русский мужчина кормит вишней ручного бурого медведя. В отличие от указанных периодов посты пользователей в 2020 г. имеют более выраженную политическую окраску, непосредственно связаны с пандемией COVID-19 и растущим противостоянием между США и Китаем. Пользователи «Вэйбо» отмечают поддержку России в вопросах американо-китайского технологического противостояния, восхищаются упорством российских солдат и даже – с некоторой иронией – быстрой разработки и применения российских вакцин.

В целом неофициальный дискурс пользователей социальной сети «Вэйбо» подтверждает сформулированные ранее в ходе анализа китайских официальных СМИ выводы о преобладании позитивного дискурса о России и россиянах. Несмотря на то что такие выводы и описания в большинстве своем достаточно стереотипны, анализ сообщений

Таблица 4

Наиболее популярные посты пользователей «Вэйбо» с упоминанием «боевого народа» в пиковые периоды

Текст поста	Количество лайков
<i>Март 2018 г.</i>	
Бразилия против России, два лучших бойца в мире встречаются в Лондоне. Это будет кровавый бой, в котором победит только сильнейший!	470
Санкт-Петербург – портовый город, расположенный на берегу Финского залива Балтийского моря, недалеко от Полярного круга.	63
Неудивительно, что там было так холодно, что море замерзло. Собаки боевого народа – гигантские. Слишком маленькие собаки могут быть даже не видны на снегу. Из-за того, что полгода здесь зима, а 2/3 года пасмурно, люди все время с серьезными лицами.	
Я видел трех русских красавиц в Торонто. Женщины боевых народов прекрасны.	37
Китайцы не могут конкурировать с техникой и мобильностью боевых народов.	12
<i>Февраль – август 2020 г.</i>	
Солдаты на Красной площади репетируют, надев маски Боевой народ есть боевой народ! Пламенная душа, рожденная в крови, не боится ни неба, ни земли! Будешь их раздражать, тебя ударят.	484
#Путин раскрыл подробности новой прививки от короны своей дочери. Что и говорить, лидер боевого народа – не лыком шит! Не думаю, что многие люди смогли бы использовать собственных дочерей в качестве подопытных кроликов.	57
#Министерство иностранных дел России заняло позицию в отношении американских репрессий против TikTok. Россия заслуживает быть боевой нацией, справедливое правосудие свершилось, и факты не вызывают сомнений.	15
Фильмы у боевого народа также очень хороши. Рекомендую «Экипаж».	8
<i>Декабрь 2023 г.</i>	
Русский дядя кормит бурого медведя черешней, достойный представитель боевого народа...	2502
...наконец, прилетел в Москву... впервые открыл для себя путешествие в страну боевого народа... Я был потрясен, когда весь самолет зааплодировал! Я был в шоке, когда все пассажиры аплодировали в самолете!	58
...меня подняли на медицинский осмотр и взяли кровь. Я снова увидел большой шприц, которым берут кровь у боевого народа. Мне кажется, что я сейчас умру, потому что кровь продолжает течь.	37
#Российские детсадовцы бросаются в холодную воду, в снег Борьба людей в игре – это вызов до предела, через экран чувствую, что мне холоднее, чем детям, дрожь по всему телу	25

показывает, что китайцы с каждым годом все больше интересуются культурой, историей, кухней и кинематографом России, что создает важные предпосылки дальнейшего культурного сближения стран.

Выводы. Анализ коннотаций нового китайского выражения «боевой народ», применяемого по отношению к россиянам, позволяет сделать вывод, что оно соответствует концепции этнического стереотипа в традиции У. Липпмана или этнотипа в трактовке Дж. Леерссена.

Прежде всего, это касается стадий формирования стереотипа. Представление о «боевом народе» формируется на основе не стандартных, средних действий и привычек россиян, а поступков, наиболее бросающихся в глаза и экстравагантных даже по российским меркам. Связано это с характером современных СМИ и социальных сетей, которые стремятся увеличить свою аудиторию привлечением ее к экстраординарным фактам и новостям. Конечно,

о российском национальном характере и политической культуре написано очень много, и многие вопросы остаются дискуссионными, но и без дискуссий понятно, что далеко не все россияне (и, возможно, даже не большинство) могут характеризоваться жестким и бесстрашным поведением или высоким интересом к культуре. Например, опросы общественного мнения ВЦИОМ показывают, что в 2008 г. лишь 28% россиян посещали театры, в 2019 г. их стало 48%⁹. Таким образом, существование Большого театра в Москве, бросающиеся в глаза журналистам высокий уровень его постановок и интерес к ним некоторых россиян могут вовсе не свидетельствовать о большом интересе к театру у россиян в целом. Здесь налицо то, что Р. О'Хара называл «выравниванием». А выделение наиболее экстравагантных поступков – типа поездок на танке в магазины или на свидания – уже может быть охарактеризовано как «усиление». Ведь этим точно не занимается не только большинство, но даже сколько-нибудь значительное количество россиян. Более того, тех, кто это делает, большинство россиян, скорее всего, сочтет «ненормальными» и вряд ли поддержит. Однако китайские СМИ активно распространяют этот, основанный на очевидных и экстравагантных чертах, образ в качестве объективного изображения россиян в целом, что соответствует «ассимиляции».

Переходя к характеристикам этнотипа по Дж. Леерсену, можно сказать, что образ «боевого народа» также соответствует большинству из них. Он явно имеет оппозиционный характер: «жесткое» поведение россиян противопоставляется поведению, привычному для китайцев и представителей других стран. Чаще всего он противопоставляется поведению оппонентов России – европейцев и американцев, и очевидно выделяет российскую нацию «из остального человечества, приписывая ей специфический характер». При этом не учитывается, что источником информации для характеристик россиян как «боевого народа» чаще всего служат российские СМИ, которые сообщают о многих казусах по причине, что и китайские, – потому что они и для самих россиян являются экстраординарными и необычными.

В образе «боевого народа» мы со всей очевидностью имеем дело с позитивным стереотипом. Характеристики, приписываемые россиянам, в подавляющем большинстве случаев сопровождаются позитивными оценками и даже восхищением, хотя иногда и создается впечатление, что их считают чрезмерными. Так, например, во всех случаях, связанных с жесткой реакцией России на враждебные действия ее внешнеполитических оппонентов, попытки нажима и давления, китайские авторы выражают их одобрение, сопровождая их комментариями типа «Вот как поступает настоящий боевой народ!». Это, безусловно, связано со сложными отношениями с Западом самого Китая, а также тем, что в Китае Россию считают наиболее дружественной страной. Даже некоторые характеристики, обычно оцениваемые как негативные, типа склонности к пьянству или дракам, в контексте дискурса «боевого народа» обычно сопровождаются позитивными комментариями, вроде «Смотрите, на что они способны!» (или «Как могут дать отпор!»). В то же время чисто теоретически при изменении ситуации вполне возможна и негативная переоценка тех же черт «боевого народа», например, как некультурных, безответственных и конфронтационных.

Появление стереотипа «боевого народа» представляет исследователям уникальный материал для анализа генезиса проявлений общественного мнения в современном мире, где все большую роль играют различные интернет-СМИ, социальные сети и интернет-платформы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

- (1) Информационный ресурс Байдубайкэ. URL: <https://baike.baidu.com/historylist/%E6%88%98%E6%96%97%E6%B0%91%E6%97%8F/15815792> (дата обращения: 30.04.2024).
- (2) Информационный ресурс Байдубайкэ. URL: https://baike.baidu.com/tashuolist/%E6%88%98%E6%96%97%E6%B0%91%E6%97%8F/15815792?fromModule=tashuo-article_bottom-lemma-list. (дата обращения: 30.04.2024).

⁹ Пойдем в театр? // ВЦИОМ. 27 марта 2019 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/pojdyom-v-teatr> (дата обращения: 30.04.2024).

- (3) Россия снова агрессор // Youtube. 04.05.2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mZkHx30ctVU&ab_channel=IgorKiselev (дата обращения: 30.04.2024).
- (4) Здравствуйте! Я русский оккупант // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Vm1wXhNpQ0LM&ab_channel=mirdanila (дата обращения: 30.04.2024).
- (5) Почему Россию называют боевой нацией? Откуда взялось понятие боевая нация? // Информационный ресурс Байдю. 19.02.2018. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1592808077031073253&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 30.04.2024).
- (6) Социальная сеть «Вичат». 23.08.2015. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5NDUwMjMwMA==&mid=207207612&idx=1&sn=32809a1ac8b0ae2b173ee0258f5b74a0&chksm=2f2bdf4f185c5659f7e1170ab6adbbf74efab0d9abb73ddd759a3ca5fcb622ee004e6567aa09&scene=27 (дата обращения: 30.04.2024).
- (7) Я и есть боевой народ! // Информационный ресурс «Соуху». URL: https://www.sohu.com/a/75201119_119573 (дата обращения: 30.04.2024).
- (8) В России на ЧМ-2018 пришло время освежить понимание боевой нации // Информационный ресурс Соуху URL: https://www.sohu.com/a/237177158_100001727 (дата обращения: 30.04.2024).
- (9) Россияне не согласны с названием «боевого народ», предпочтение отдается «белым медведям» // Информационный ресурс Хуаньтсюан. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJQXM8> (дата обращения: 30.04.2024).
- (10) Информационный ресурс Соуху. URL: https://www.sohu.com/a/74742765_419342 (дата обращения: 30.04.2024).
- (11) Манеры | Иностранцы носят кальсоны? // Информационное агентство Синьхуа. 30.10.2014. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/5Okys8sQP7TavDXiME1R9A> (дата обращения: 30.04.2024).
- (12) История проведения зимы боевым народом: образ жизни русского народа при температуре ниже минус 30°C // Информационное агентство Синьхуа. 18.11.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-11/18/c_129744039.htm (дата обращения: 30.04.2024).
- (13) Ученики начальной школы боевой нации! В самой холодной деревне мира во время сильного мороза ученики начальной школы несмотря на температуру ниже 51 °C посещают школу // Новостной портал Хуанью. 12.11.2020. URL: <https://m.huanqiu.com/article/413RGyNZOWY> (дата обращения: 30.04.2024).
- (14) Какая бы не была холодная погода, она не сможет помешать боевой нации играть в снежки // Информационное агентство Синьхуа. 03.01.2021. URL: <https://h.xinhuanet.com/vh512/share/9665798?d=13461b7> (дата обращения: 30.04.2024).
- (15) Через 50 минут после взлета было обнаружено, что у пассажирского самолета боевой нации оторвалось колесо. В результате... // Социальная сеть Вичат. 11.03.2016. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/Yh6o2XV4CGG-iuPvbAWdQ> (дата обращения: 30.04.2024).
- (16) Опять Аэрофлот! Смог окутал Пекин. Единственный приземлившейся самолет в столичном аэропорту в течение трех с половиной часов // Информационный ресурс Хуантсюан. 20.12.2016. URL: <https://m.huanqiu.com/article/9CaKrnJZh8Y> (дата обращения: 30.04.2024).
- (17) Истинное лицо боевой нации: у российского танка оторвалась гусеница, но он все равно занял первое место // Информационный ресурс Хуантсюан. 02.08.2018. URL: <https://mil.huanqiu.com/gallery/9CaKrnQhLy4> (дата обращения: 30.04.2024).
- (18) В России создана самая дальнобойная снайперская винтовка с рекордной дальностью в 7000 метров // Информационный ресурс Хуантсюан. 08.06.2020. URL: <https://m.huanqiu.com/article/3yZ4NrXeHXO>; Российские и китайские боевые машины десанта соревнуются в гонке. Боевая нация скоро «взлетит» // Информационный ресурс Хуантсюан. 2018. URL: <https://m.huanqiu.com/gallery/9CaKrnQhLCb> (дата обращения: 30.04.2024).
- (19) Английские СМИ: Ларри! Посмотрите, что делает кот боевой нации // Социальная сеть «Вичат». 03.05.2017. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/2khDdimYx3evq4DrtedG_g (дата обращения: 30.04.2024).
- (20) После вылета двух вертолетов Ми-8 из Кремля российское общественное мнение взорвалось... // Информационный ресурс Хуантсюан. 23.11.2023. URL: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnKf978> (дата обращения: 30.04.2024).
- (21) Обычный день боевого народа: на улицах России внезапно появляются бронированные такси. 30.12.2014. URL: <https://auto.huanqiu.com/article/9CaKrnJGjFL> (дата обращения: 30.04.2024).
- (22) Личный опыт боевой гонки: поездка китайских туристов на танке в России // Информационный ресурс Хуантсюан. 20.05.2016. URL: <https://v.huanqiu.com/article/9CaKrnJAna> (дата обращения: 30.04.2024).
- (23) Обычный день боевого народа: россиянин сделал селфи с гранатой, в результате... // Социальная сеть «Вичат». 30.11.2017. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/UUf5vdGgIfxzz5ezs-Ec7w> (дата обращения: 30.04.2024).

- (24) Национальная особенность боевой нации: Россия проводит соревнования силачей по перетаскиванию танков // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 26.07.2019. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnKINcZ> (дата обращения: 30.04.2024).
- (25) «Оборудование» игроков КС боевой нации выглядит точь-в-точь как у регулярной армии // Информационное агентство Синьхуа. 20.10.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/mil/2015-10/20/c_128336413_14.htm (дата обращения: 30.04.2024).
- (26) Каково учиться за границей в России? // Образовательный ресурс Синьлан. 10.01.2019. URL: <http://edu.sina.com.cn/a/2019-01-10/doc-ihqhqcis4776450.shtml> (дата обращения: 30.04.2024).
- (27) Игра боевой нации! В России проводят соревнования по пощечинам среди мужчин // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 21.03.2019. URL: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnKjcsK> (дата обращения: 30.04.2024).
- (28) Автомобильные шины летят на большой скорости, боевая нация снова ловит их голыми руками! // Социальная сеть Вичат. 28.06.2020. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/1JxlzyKUFQ2AoRMJsbdn-Q> (дата обращения: 30.04.2024).
- (29) У боевого народа много случаев с трагических исходом во время селфи. Российская полиция выпустила рекомендации по безопасности во время селфи // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 08.07.2015. URL: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnJN8Is> (дата обращения: 30.04.2024).
- (30) Потрясающий медведь! Боевая нация устроила свадьбу, и на этот раз она была возмутительной // Социальная сеть Вичат. 01.11.2016. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/vgPRBp6uSW4zBf7AxD6_UA (дата обращения: 30.04.2024); Повседневная жизнь боевой нации: Русская семья держит в качестве домашнего любимца медведя весом 140 килограмм // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 30.05.2016. URL: <https://world.huanqiu.com/gallery/9CaKrnQhtt5> (дата обращения: 30.04.2024).
- (31) Боевая нация проводит эксперименты: пропускает электричество высокого напряжения через землю для ловли дождевых червей // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 05.03.2016. URL: <https://v.huanqiu.com/article/9CaKrnJUjTJ> (дата обращения: 30.04.2024).
- (32) Россияне не согласны с обозначением себя как «боевого народа», но оно пользуется популярностью // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 28.10.2015. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJQXM8> (дата обращения: 30.04.2024).
- (33) Три «легенды» о России: Россия – боевая нация? // Информационное агентство Синьхуа. 10.0.2016. URL: http://www.xinhuanet.com/mil/2016-05/10/c_128973381_6.htm (дата обращения: 30.04.2024).
- (34) Посмотрите, как боевая нация провожает зиму и встречает весну // Информационное агентство Синьхуа. 14.03.2016. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2016-03/14/c_128797671.htm (дата обращения: 30.04.2024).
- (35) Лепка снеговика – обязательное занятие для россиян // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 18.02.2022. URL: <https://3w.huanqiu.com/a/de583b/46rbVKX8B0f>; Познавательное: вот как воюющие народы лепят снеговиков... // Социальная сеть Вичат. 06.01.2015. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/UOWcFoLzGP7jky94ptPQdw> (дата обращения: 30.04.2024).
- (36) Оказывается, боевой народ России – вдумчивый и душевный // Информационное агентство Синьхуа. 24.06.2018. URL: http://xn--www-oed.xinhuanet.com/world/2018-06/24/c_129899446.htm (дата обращения: 30.04.2024).
- (37) Представители боевой нации исполнили оду «К радости» Бетховена на пистолетах // Социальная сеть Вичат. 25.09.2016]. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJXKyA> (дата обращения: 30.04.2024).
- (38) Боевая нация рисовала пушкой танка Т-72 // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 24.06.2018. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJYjlm> (дата обращения: 30.04.2024).
- (39) «Романтика боевого народа»! Балет на танках на церемонии открытия «Военных международных игр-2021» // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 24.08.2024. URL: <https://world.huanqiu.com/article/44UGleB8RNs> (дата обращения: 30.04.2024).
- (40) Духи боевой нации. Россия выпустила духи «пять поколений машинного масла» со вкусом стекла и металла // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 15.11.2021. URL: <https://m.huanqiu.com/article/45b4exdax2G?w=213> (дата обращения: 30.04.2024).
- (41) Как выразить ей любовь 8 марта? Боевые нации выражают любовь на танках // Информационный ресурс Хуаньтсьюан. 08.03.2018. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnK6SYo> (дата обращения: 30.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Жэнь Жэнь. «Боевая нация» – национальный образ России в Китае // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 127–132. [Ren Ran. (2023) "Fighting nation" – national image of Russia in China. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No.7: 127–132. (In Russ.)]
- Липпманн У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. [Lippmann W. (2004) *Public opinion*. Moscow: Foundation Institute "Public opinion" (In Russ.)]
- Allport G.W., Postman L.L. (1947) *The Psychology of Rumor*. New York: Henry Holt.
- Almond G.A., Verba S. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press.
- Aristotle (2013) *Politics*. Chicago: Chicago University Press.
- Bellerand M., Leerssen J. (2013) *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: A Critical Survey*. Amsterdam: Rodopi.
- Boulding K.E. (1959) National Images and International Systems. *The Journal of Conflict Resolution*. Vol. 3. No. 2: 120–131.
- Dyserinck H. (1966) Zum Problem der «images» und «mirages» und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft. *Arcadia*. No.1: 107–120.
- Guyard M-F. (1951) *La Littérature Comparée*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Inkeles A. (1997) *National Character: A Psycho-Social Perspective*. London: Routledge.
- Jervis R. (1970) *The Logic of Images in International Relations*. New York: Columbia University Press.
- Jervis R. (1976) *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Leersen J. (2016) *Imagology: On using ethnicity to make sense of the world*. *Revue d'études ibériques et ibéro-américaines*. No.10: 13–31.
- O'Hara R. (1961) *Media for the Millions: The Process of Mass Communication*. New York: Random House.

Статья поступила: 13.05.24. Финальная версия: 04.08.24. Принята к публикации: 07.08.24.

DEVELOPING STEREOTYPE "THE FIGHTING PEOPLE" OF RUSSIANS (DISCOURSE AND CONTENT-ANALYSIS OF CHINA MEDIA AND ON-LINE "WEIBO" NETWORKS)

XUE RANRAN*, LUKIN A.V.* **, BOCHAROVA A.P.***

* Zhejiang University, China; ** MGIMO University, Russia; *** HSE University, Russia

Ranran XUE – PhD, Zhejiang University, Hangzhou, China (ranyu06@163.com); Alexander LUKIN – Dr. Sci. (Hist.), Director of the Center of China, East Asia and Shanghai Cooperation Organization, MGIMO University, Visiting Professor, School of Public Affairs, Zhejiang University (a.lukin@inno.mgimo.ru); Alexandra BOCHAROVA – Research Fellow, HSE University (apbocharova@hse.ru). Both – Moscow, Russia.

Acknowledgements: In A. Lukin's and A.Bocharova's parts the study was supported by MGIMO University, project no. 2025-04-03.

Abstract. The theory of stereotypes, particularly national or ethnic stereotypes, has garnered significant attention from sociologists, political scientists, and scholars of international relations due to its theoretical significance and political implications. Stemming from Walter Lippmann's notion of stereotypes as simplified mental pictures reflecting reality, this paper delves into the formation and evolution of stereotypes, particularly focusing on the Chinese perception of Russians as a "Fighting People" Examining the emergence of the term "Fighting People" in Chinese discourse, the paper traces its origin from online fandom of a Japanese anime series to its widespread adoption in official and unofficial Chinese media. Utilizing discourse, content, and sentiment analysis of online platforms such as Weibo, the study explores the propagation of this stereotype and its cultural connotations.

Keywords: theory of stereotypes, public opinion, "fighting people", Chinese media, online platforms.

Received: 13.05.24. Final version: 04.08.24. Accepted: 07.08.24.

© 2024 г.

Е.С. БАЛАБАНОВА, К.И. ДАНИЛОВА

«ВРАЖДЕБНОЕ» ПОВЕДЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ПРИЧИНЫ И СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна – доктор социологических наук, профессор департамента социологии (balabanova@hse.ru); ДАНИЛОВА Ксения Игоревна – магистр социологии (xenia.danmsc@yandex.ru). Обе – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена «враждебного» поведения руководителя по отношению к подчиненному. Эмпирической базой исследования стали результаты полуструктурированных глубинных интервью и стандартизированного опроса сотрудников организаций. Выявлено, что с различными проявлениями подобного поведения на нынешней или предыдущих работах сталкивалась половина опрошенных. В основе такого поведения лежит дисбаланс властных отношений на рабочем месте, социально-экономическая зависимость подчиненного от руководителя. Результаты факторного анализа выявили четыре стратегии поведения сотрудников, столкнувшихся с проявлениями данного феномена – «пренебрежение», «выход», «баланс власти» и «лояльность». Наиболее эффективной для снижения проявлений враждебности, по мнению респондентов, оказалась стратегия «баланса власти», включающая повышение индивидуальной ценности работника и создание коалиций.

Ключевые слова: социология управления • властные отношения в организации • теория социального обмена • драматургический подход И. Гофмана • «враждебное» поведение руководителя • социально-экономическая зависимость • модель EVLN • стратегии поведения сотрудников

DOI: 10.31857/S0132162524090105

Взаимодействие руководителей и подчиненных – одна из важнейших тем социологии управления. В последние 20 лет наблюдается рост числа исследований, посвященных видам деструктивного поведения руководителей. Наиболее часто в этом контексте используется понятие «враждебного», или абьюзивного руководства (*abusive supervision*) – регулярных вербальных и невербальных проявлений враждебности по отношению к сотруднику, исключающих физический контакт [Терпер, 2000; 2017]. Как показывают результаты исследований, «враждебное» поведение руководителя (ВПР) способствует высокому уровню стресса и выгорания у подчиненных, снижает их трудовую мотивацию, инициативность, приверженность организации (обзор см. [Балабанова и др., 2018]).

О распространенности и остроте проблемы в России свидетельствуют результаты массовых опросов. По данным *SuperJob*, доля россиян, сталкивающихся с психологическим насилием со стороны своих руководителей, выросла с 31% в 2019 г. до 40% в 2023 г.¹

¹ Россияне стали чаще жаловаться на абьюз на работе. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114010/rossiyane-stali-chasche-zhalovatsya-na-abyuz-na-rabote/> (дата обращения: 15.04.2023).

Эта практика свойственна не только бизнес-организациям, но и таким сферам занятости, как высшее образование [Лобова, 2019]. Растет популярность термина «абыюз». Если до 2017 г. он практически не встречался в поисковых запросах русскоязычных интернет-ресурсов, то к февралю 2021 г. количество таких запросов достигло максимально возможного значения в 100 пунктов². Настоящее исследование посвящено социологическому анализу феномена ВПР через призму надындивидуальных правил взаимодействий, предписанных социальных ролей и неравного доступа к ресурсам в организациях.

ВПР как результат властных отношений и «выученная» социальная роль руководителя. Ряд исследований анализировал ВПР через призму теории социального обмена [Homans, 1958; Emerson, 1962], объясняющей возникновение власти между обладателями неравных ресурсов. Выявлено, что наиболее сильным предиктором ВПР в российских организациях является состояние экономической зависимости подчиненного от руководителя [Балабанова и др., 2018]. Экономическая зависимость лидирует и в списке причин, почему подчиненные не разрывают отношения с руководителем-абыюзером. Так, по результатам опроса сервиса *Работа.ру* в 2023 г., половина россиян была готова работать с плохими руководителями при условии высокой заработной платы³.

С несколько иного ракурса на изучаемый феномен позволяет взглянуть «драматургический подход» [Гофман, 2000], который, насколько нам известно, пока не применялся в анализе данной проблемы. В рамках этого подхода управленческий абыюз можно трактовать как исполнение руководителем своей роли, формирование определенного образа, манипулирование впечатлением перед «аудиторией» – подчиненными. Понимание того, какое поведение нужно транслировать в организации, исходит от действий других акторов, которые исполняют схожие социальные роли. Особое значение в этом процессе имеют поведенческие модели наиболее влиятельных акторов. Исследования выявляют «каскадный эффект» ВПР в организациях: руководители склонны подражать поведению своих начальников, причем одни и те же люди могут проявлять или не проявлять ВПР в зависимости от организационного контекста [Terper et al., 2017]. Это подчеркивает ведущую роль сложившихся в организации норм поведения, а не личностных характеристик руководителей, как можно интуитивно предположить.

В отличие от сознательно исполняемой театральной роли, определяемое социальной ролью поведение не всегда является свободным личным выбором, иногда эта роль не осознается, а индивид верит в образ реальности, который он формирует у «аудитории». И если «сторонний наблюдатель» может оценить истинные намерения актора, то индивид, на которого направлено действие, не всегда способен это сделать. Сотрудники являются для руководителя-абыюзера «аудиторией», перед которой формируется образ властного начальника, делающего все возможное для достижения высоких результатов. ВПР является средством манипулирования, формируя образ нерадивых, некомпетентных сотрудников, которые должны испытывать перед руководителем чувство вины и благодарности. Особенно «впечатлительной» аудиторией при этом оказывается молодежь. Получая ранний трудовой опыт в абыюзивных отношениях, молодые сотрудники принимают ВПР как норму («Все начальники делают это»), что повышает вероятность трансляции подобного поведения, формирует соответствующие ожидания от социальной роли руководителя в дальнейшей карьере.

Исполнение роли «строгого, но справедливого» начальника требует постоянного подкрепления со стороны аудитории. Это могут быть символы уважения, признание вины, молчаливое согласие либо активная поддержка действий руководителя, который таким образом получает «моральную лицензию» на подобное поведение [Liang et al., 2022].

² Google trends. Динамика популярности поискового запроса «абыюз». URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2013-10-29%202023-10-29&geo=RU&q=%D0%B0%D0%B1%D1%8C%D1%8E%D0%B7&hl=ru> (дата обращения: 10.10.2023).

³ 9 из 10 россиян готовы сменить работу из-за руководителя. URL: <https://press.rabota.ru/9-iz-10-rossiyan-gotovy-smenit-rabotu-iz-za-rukovoditelya/> (дата обращения: 03.03.2023).

Поддержка исходит и со стороны «невидимой аудитории» – вышестоящего руководства абьюзеров. «В авторитарных организациях, где команда начальников поддерживает спектакль своей постоянной правоты и выступления единым фронтом, часто действует строгое правило, когда ни один начальник не должен показывать враждебности или неуважения к любому другому начальствующему лицу в присутствии кого-либо из команды подчиненных» [Гофман, 2000: 125]. Таким образом, ВПР становится одним из рутинных, опривыченных действий, которое принимается в организации как норма и способствует закреплению этой практики.

Концепция Гофмана позволяет также раскрыть причины деструктивного влияния ВПР на взаимодействия внутри рабочих групп. Как показали исследования, начальники, транслирующие «враждебное» поведение, руководствуются не целями организации, а своими собственными [Starratt, Grandy, 2010] – стремлением к власти, защитой идентичности, извлечением выгод из своего положения. Подразделение, возглавляемое таким руководителем, не может быть «командой» – сплоченным коллективом людей с высокой лояльностью к организации и доверительными отношениями. Оно работает не на общую цель во благо организации, а (иногда неосознанно) поддерживает «спектакль» начальника-абьюзера, утверждающего свое превосходство и поддерживающего депривацию подчиненных от важных ресурсов.

Пути выхода из абьюзивных отношений на работе: поведенческие реакции на ВПР. Большинство проведенных исследований фокусируется на проявлениях и причинах ВПР; рассмотрение его последствий в основном сводится к негативным эмоциональным реакциям и установкам сотрудников (обзор см. [Terper et al., 2017]). Настоящее исследование обращается к относительно малоизученному вопросу поведенческих реакций подчиненных на ВПР. Мы опираемся на общую схему, описывающую возможные реакции работников на негативные процессы в организации – *EVLN (Exit-Voice-Loyalty-Neglect – «выход – голос – лояльность – пренебрежение»)* [Хиршман, 2009; Farrell, 1983]. Стратегия «выхода» означает разрыв отношений с работодателем. Известно, что ВПР подталкивает сотрудников к уходу из организации [Terper et al., 2017]. По результатам опроса сервиса *Работа.ру*, почти половина россиян меняли место работы из-за плохих отношений с руководителями⁴. В рамках стратегии «пренебрежения» сотрудники проявляют различные виды контрпродуктивного для организации поведения: снижение качества работы, нарушение трудовой дисциплины, саботаж. Стратегия «лояльности» наиболее близка к описанному выше пассивному принятию, подкреплению ВПР со стороны «аудитории» руководителя-абьюзера. В рамках стратегии «голоса» сотрудник пытается дать «обратную связь», изменить ситуацию в свою пользу путем привлечения внимания к проблеме. В терминологии Гофмана, в этом случае сотрудник превращается из «аудитории» в «актера».

Остается открытым вопрос эффективности указанных стратегий, в частности стратегии «голоса» – единственной, направленной на изменение поведения руководителя. Интересно, что, вопреки рекомендациям «консультантов по отношениям» о необходимости обсуждать проблему с субъектом психологического насилия, выражение несогласия с действиями руководителя, прямые обращения подчиненных о недопустимости абьюза усугубляют проблему [Chen et al., 2021]. Неэффективность «обсуждений» можно объяснить тем, что причины ВПР, как указано выше, не сводятся к личностным особенностям руководителя. Основа ВПР – специфические отношения власти, устоявшиеся правила взаимодействий в организации, зависимость подчиненного от руководителя. Поэтому можно предположить, что трансформировать эти отношения можно только путем устранения дисбаланса власти.

Ответ на этот вопрос попытались дать исследователи, предложившие несколько стратегий, способных сломать «спираль абьюза»: «коалиция», «повышение ценности»,

⁴ 9 из 10 россиян готовы сменить работу из-за руководителя. URL: <https://press.rabota.ru/9-iz-10-rossiyan-gotovy-smenit-rabotu-iz-za-rukovoditelya/> (дата обращения: 03.03.2023).

«поиск других» и «занятие другим» [Wee et al., 2017]. Наиболее эффективны, по их мнению, первые две, позволяющие снизить зависимость подчиненного от руководителя и тем самым восстановить баланс власти. В рамках стратегии «коалиция» сотрудник становится неформальным лидером среди других подчиненных, имея возможность влиять на их мнения и поведение, тем самым повышая свой авторитет и в глазах руководителя. Фактически это разновидность стратегии «голоса», но не прямого, а опосредованного воздействия на руководителя. Стратегия «повышения ценности» (*value enhancement*) сосредоточивает усилия подчиненного на своей индивидуальной производительности. Его цель – стать «незаменимым» для руководителя путем лучшего исполнения рабочих задач и выхода за пределы непосредственных обязанностей, т.е. надролевого поведения. Не оспаривая легитимность ВГП, сотрудник минимизирует его проявления в отношении себя, стремится войти в «ближний круг» (ингруппу) руководителя.

Менее эффективны (см.: [Wee et al., 2017]) стратегии «поиска других» и «занятия другим» – своеобразной «внутренней эмиграции», избегательного поведения. Не покидая организацию, сотрудник стремится минимизировать контакты с начальником-абыюзером, переключаясь на выполнение задач и взаимодействие с руководителями других подразделений. Такие стратегии могут работать, например, в организациях с «матричной» структурой, где возможна занятость проектного типа и множественная подчиненность. Однако они вряд ли реализуемы в жестко иерархичных организациях с линейно-функциональной структурой.

Итак, по результатам анализа литературы был сформулирован основной исследовательский вопрос: какие поведенческие стратегии используют сотрудники российских организаций, столкнувшиеся с «враждебным» поведением своих руководителей, и как они оценивают эффективность этих стратегий?

Эмпирическая часть исследования состояла из трех этапов сбора данных. На первом этапе были проведены глубинные интервью с сотрудниками, которые сталкивались с ВГП в прошлом или на нынешней работе. Вторым этапом был стандартизованный опрос, проведенный весной 2023 г. ($N = 349$): средний возраст респондентов – 33 года, 60% работали в компаниях частной формы собственности, 40% – в государственных и муниципальных организациях. На третьем этапе были проведены *post hoc* глубинные интервью с респондентами – участниками стандартизованного опроса, отметившими наличие проявлений ВГП на нынешней или прежних местах работы и пожелавшими оставить свои контактные данные для участия в интервью. Суммарно в рамках первого и третьего этапа было собрано 15 интервью с сотрудниками, сталкивавшимися с ВГП на прошлой или нынешней работе. Из этого числа семь информантов были работниками частных организаций, шесть – государственных, два – некоммерческих.

В рамках опроса использовалось 20 индикаторов ВГП (см.: [Terper, 2000; Балабанова и др., 2018]. Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале, насколько часто они сталкивались с подобными действиями непосредственного руководителя на своей нынешней работе и на предыдущих местах работы. Наиболее частые проявления ВГП представлены в табл. 1.

При том, что каждый отдельный из 20 индикаторов ВГП набирал от 3 до 15% положительных ответов, доля респондентов, отметивших хотя бы одно проявление ВГП на нынешней работе, составила 33%. С учетом предыдущих мест работы, с ВГП сталкивались в совокупности 49% респондентов, даже с учетом смещения выборки в сторону респондентов молодого возраста. Таким образом, во-первых, изучаемый феномен гораздо более распространен, чем принято считать, во-вторых, ВГП – динамичное явление, которое сложно зафиксировать «в моменте». Сотрудники либо покидают организации, где сталкиваются с проявлениями абыюза, либо предпринимают те или иные действия для изменения поведения руководителя.

Частота упоминаний (наличие хотя бы одного вида ВГП на нынешней работе) и общий индекс ВГП (сумма положительных ответов по 20 индикаторам) оказались значимо

Таблица 1

**Наиболее часто упоминаемые проявления
«враждебного» поведения руководителей (% по столбцу)**

Действия руководителя	Предыдущие места работы	Нынешняя работа
Несправедливо распределял(а) рабочие задания, рабочую нагрузку, нарушая ваши интересы	46	14
Несправедливо распределял(а) материальное вознаграждение, нарушая ваши интересы	42	12
Грубо вел(а) себя по отношению к вам, «срывался(ась)» на вас, вымещал(а) свой гнев	40	7
Игнорировал(а) ваши заслуги, достижения, результаты работы	39	11
Устраивал(а) «публичные порки», критиковал(а) вас в присутствии других сотрудников	35	9
Обвинял(а) вас в некомпетентности, неспособности / нежелании хорошо работать	34	7
Препятствовал(а) вашему карьерному росту, профессиональному развитию в данной организации	25	7

выше в государственных / муниципальных организациях, чем в частных; наиболее высоки они в сферах государственного и муниципального управления и образования. Мы можем связать этот факт с сильной вертикальной структурой управления, которая действительно чаще приводит к ВПР, чем «плоские» организационные структуры [Mawritz et al., 2012]. В «иерархических» организациях сильнее проявляется «каскадный эффект» воспроизводства моделей поведения вышестоящих руководителей, а также сильнее выражены ритуалы демонстрации статуса и власти.

Респондентам, имевшим опыт ВПР, был задан вопрос о причинах подобного поведения руководителей. Атрибуция ВПР оказалась чаще всего связана с демонстрацией власти (52%); недостатком у руководителя коммуникативных умений (45%); особенностями характера руководителя (39%). О том, что ВПР – это, прежде всего, отражение дисбаланса власти в организации и злоупотребление властными преимуществами, свидетельствуют и данные интервью. Такое поведение возможно только в условиях поддержки со стороны «молчаливой аудитории» – вышестоящего руководства. *«Я понимаю, что им, начальникам, страшно. Они от бессилия орут. В Министерстве (...) замминистра всю жизнь в системе, не орать не может, все привыкли, глазом не ведут. Она покричит, через 10 минут придет и добрым нормальным голосом разговаривает»* (жен., 48, руководитель департамента областной администрации).

Наши результаты подтверждают выводы предыдущих исследований [Балабанова и др., 2018], о том, что ВПР – это результат экономической зависимости подчиненных от руководителя⁵. Общий индекс ВПР показал значимую положительную корреляцию с переменной «ваша заработная плата зависит от ваших личных отношений с руководством» (коэффициент Пирсона 0,3) и отрицательные корреляции – с переменными «от качества вашей работы» (–0,2), «от ваших формальных квалификационных показателей» (–0,2), «от конечных результатов вашей работы, достижения конкретных показателей» (–0,2) (все корреляции значимы на уровне 0,01). Таким образом, подтверждается

⁵ В рамках данного исследования мы не рассматриваем неэкономические виды зависимости, например, аддикцию от человека, более актуальную при анализе насилия в семейных, интимных и дружеских отношениях, или зависимость в парасоциальных отношениях (от политических и религиозных лидеров или от «инфлюэнсеров» в соцсетях).

разрушительный эффект «избыточной» власти руководителей нижнего уровня. Питательной средой ВПР оказывается недостаток универсальных, прозрачных, меритократических критериев вознаграждения, связанных с эффективностью работы. *«Программы только через него, компьютеры рабочие только через него, и то не всем. Рабочее место тоже через него. Какие-то деньги на рекламу программы – попробуй добиться, какие-то премии – тоже через него, и только если он скажет, что надо выписать эту премию. Все было в его руках... Какое-то участие в коммерческих проектах тоже было через него, даже не знаю почему»* (жен., 26, руководитель группы в научной лаборатории). *«У нас была система ключевых показателей, по которой нам начислялись премиальные. (...) Но все равно иногда размер премии составлял меньше, чем мы ожидали по итогам работы (...), [потому что] подружка руководителя – главный бухгалтер»* (жен., 27, сотрудник отдела по молодежной политике в региональном центре).

Последняя цитата иллюстрирует связь ВПР с «кланово-аскриптивным» типом организаций [Эфендиев, Балабанова, 2012] и наличием «фаворитизма» в организации [Балабанова, Портнягина, 2023]. Индекс ВПР показал положительную корреляцию с переменной *«среди подчиненных вашего руководителя есть сотрудники, которых он/она выделяет, более тесно с ними общается»* (коэффициент Пирсона 0,2, значим на уровне 0,01). Логично, что самая высокая доля подвергающихся ВПР – работники, отметившие наличие фаворитизма и при этом находящиеся в аут-группе руководителя (57%).

Может возникнуть вопрос, является ли ВПР «оправданным» в определенных ситуациях, например, когда подчиненный провоцирует руководителя. В исследованиях насилия такая мотивировка определяется как «обвинение жертвы» (*victim blaming*). Отдельные зарубежные авторы нашли подтверждение положительной связи ВПР и предшествовавшего ему девиантного поведения подчиненных [Lian et al., 2014]. Однако в рамках нашего опроса всего 9% респондентов считали, что «заслужили», сами спровоцировали подобное обращение (*«Я действительно допускал(а) серьезные нарушения, ошибки в работе»*).

Для выявления стратегий поведения работников в условиях абьюзивного руководства тем респондентам, которые отметили хотя бы один вид ВПР, был задан вопрос *«Как вы обычно реагировали на такое поведение своего руководителя? Если вы совершали указанные ниже действия, были ли они, на ваш взгляд, эффективными?»* Результаты факторного анализа показали, что эти стратегии частично соответствуют описанной выше схеме EVLN, но не сводятся к ней полностью, включая попытки восстановления баланса власти из модели в: [Wee et al., 2017]. В табл. 2 представлены доля предпринимаемых действий и доля действий, оказавшихся, по мнению респондентов, эффективными.

«Пренебрежение» – деструктивная для организации модель поведения работника, столкнувшегося с ВПР. Не имея возможности разорвать отношения с руководителем-абьюзером, либо изменить его поведение, сотрудники реагируют снижением собственных усилий и вовлеченности, отчужденностью от работы и организации. В результате ухудшается качество социального и человеческого капитала. Чаще различные виды «пренебрежения» как реакцию на ВПР отмечают мужчины; молодые работники; работающие в организациях, где на момент трудоустройства у них работали родственники или друзья; считающие, что их зарплата не зависит от качества их работы.

Половина респондентов оценивает подобное поведение как «эффективное» для них лично, поскольку в результате такой реципрокности восстанавливается баланс социального обмена с руководителем/организацией. Однако значимая положительная корреляция этой стратегии с уровнем стресса и выгорания (0,338, значимо на уровне 0,01), по нашему мнению, свидетельствует о том, что «пренебрежение» не позволяет решить проблему ВПР, улучшить социально-психологическое благополучие работника.

«Выход» включает в себя желание сменить работу и предпринимаемые действия по поиску нового места. Текучесть кадров – одна из проблем, с которыми сталкиваются организации, в которых доминирующей моделью руководства является «враждебное» поведение. Корреляционный анализ показал положительную связь общего индекса ВПР

Таблица 2

Реакции сотрудников на «враждебное» поведение руководителей
(среди отметивших проявления ВПР на нынешней работе, N=176)

Действия сотрудников	Стратегии поведения, объясненная дисперсия 59%				Всего, %	Были эффективны, % среди использовавших
	пренебрежение	выход	баланс власти	пассивность		
Снижали требования к трудовой дисциплине	0,837				35	48
Снижали свои рабочие усилия, работали «вполсилы»	0,827				49	47
Снижали качество своей работы	0,770				27	48
Предпринимали шаги по поиску другой работы		0,826			48	48
Задумывались о том, чтобы сменить работу		0,784			63	44
Предупреждали руководителя о намерении сменить работу		0,564			22	31
Искали возможности для перехода в другой отдел внутри организации		0,446			14	29
Обращались за поддержкой к другим руководителям, коллегам			0,675		45	54
Спорили с руководителем, пытались защитить свои интересы			0,652		60	28
Стали/пытались стать лидером команды/коллектива			0,640		32	57
Повышали свои знания и навыки			0,604		69	76
Ничего не предпринимали, старались не обращать внимания				0,839	54	34
Ничего не предпринимали, надеялись, что все разрешится само собой				0,828	49	28

с желанием покинуть организацию и с уровнем стресса и выгорания (в обоих случаях коэффициент 0,4, значимо на уровне 0,01). К уходу из организации сильнее всего подталкивают проявления ВПР, связанные с организацией работы: несправедливость, игнорирование заслуг, нарушение обещаний, препятствия профессиональному и карьерному развитию. Эта стратегия связана с атрибуцией ВПР, объясняющей поведение руководителя тем, что «так принято в организации». К стратегии «выхода» чаще прибегают те, кто считает, что их зарплата не зависит ни от качества, ни от объемов работы, ни от их квалификационных показателей, то есть работник готов покинуть организацию, когда ВПР погружено в негативный контекст, токсичную и антимеритократичную организационную культуру.

В соответствии с логикой модели EVLN, желание покинуть организацию с руководителями-абузерами наиболее свойственно высокоресурсным сотрудникам – выше оценивающим свою востребованность на рынке труда, получавшим за последние 12 месяцев предложения о трудоустройстве, а также работникам с низкой «дистанцией власти» (не готовым мириться с произволом руководителей). Чаще готовность уйти отмечают мужчины и подчиненные руководителей-мужчин; молодежь; сотрудники частных компаний. Так что абьюзивное руководство усугубляет и проблему кадрового дефицита, с которыми сегодня сталкиваются российские работодатели. «Люди уходили из-за нее. В причинах увольнения там писали все что угодно: не устраивает уровень зарплаты, время работы... Но если бы не надо было соблюдать формальности, то можно было бы писать (...) просто

слово "Надя". Это все понимали» (муж., 31, старший сотрудник в маркетинговом агентстве). «Уволилось человек 20 с ее приходом, с учетом, что всего в отделе 50 человек... нас под конец осталось три сотрудника на два отдела... Все уходили из-за руководителя» (жен., 27, сотрудник отдела по молодежной политике в региональном центре).

Примечательна малая доля респондентов, указавших на стремление перейти в другие подразделения той же организации (14%), что, скорее всего, отражает понимание: управленческий «абыюз» – проблема не отдельно взятого руководителя, но организации в целом, принятой модели вертикальных взаимодействий. Отметим, что менее половины респондентов, отметивших стратегию «выхода», оценили ее как эффективную. Возможно, отчасти это объясняется формированием выученной беспомощности, социализацией молодых сотрудников в «культуре абыюза», когда негативный опыт на одной работе формирует негативные ожидания, что с таким поведением руководителя они столкнутся и в других организациях. «Это был, наверное, главный страх... я боялась снова с этим столкнуться. Когда я ушла оттуда, то полтора-два года просидела чисто на фрилансе. Мне было комфортнее работать [в одиночку], а не думать: "А что этот руководитель будет делать, а какой он будет". И сейчас я пошла работать только потому, что нынешний руководитель – это моя хорошая знакомая» (жен., 27, сотрудник отдела по молодежной политике в региональном центре).

«Баланс власти» – активная стратегия, нацеленная на изменение ситуации путем усиления позиции работника, снижения его зависимости от руководителя-абыюзера. Она вобрала в себя стратегии «голоса» из схемы EVLN, «повышения ценности» и «коалиции» из типологии: [Wee et al., 2017].

Наиболее часто используемой и при этом набирающей самые высокие оценки эффективности (76%) оказалась стратегия «повышения ценности». Сотрудника, повышающего свои знания и навыки, руководитель воспринимает как возможность добиться своих целей, поскольку он заинтересован в его производительности. Это, в свою очередь, уменьшает частоту проявления враждебного поведения по отношению к этому сотруднику. Несколько чаще стремятся стать «ценными сотрудниками» респонденты, имеющие собственных подчиненных (82%); женщины (72%); подчиненные руководителей-женщин (74%). Также высокоэффективными, по мнению респондентов, оказались стратегии «образования коалиции» – обращение за помощью к другим, создание сплоченной команды с целью защиты интересов и стремление стать лидером такой команды. Эти стратегии чаще выбирают имеющие собственных подчиненных; работники небольших организаций; работающие в организациях, где у них есть родственники или друзья. Поскольку неформальный лидер имеет достаточно большое влияние среди работников, руководителю становится невыгодным проявлять враждебность по отношению к нему, и это действительно приводило к снижению агрессивности руководителя. «Не ходить по одному. Каждый раз, когда вызывали кого-то одного, мы приходили вдвоем или втроем, просто потому что тогда был шанс, что меньше достанется» (жен., 27, сотрудник отдела по молодежной политике в региональном центре). «Желательно собрать команду и задавить руководителя командными идеями, потому что, когда много людей говорят, это кажется более правдоподобным, чем, когда ты одна придешь со своей идеей к руководителю» (жен., 23, сотрудник научно-исследовательской лаборатории).

Более половины респондентов отмечали, что спорили с руководителем, пытались защитить свои интересы. В прямое противостояние значительно чаще склонны вступать мужчины (71%); подчиненные руководителей-мужчин (68%); работники бюджетных организаций (67%); имеющие более продолжительную рабочую неделю. Казалось бы, попытка дать отпор абызеру – естественная и «самоуважительная» реакция на проявление враждебности. Однако доля респондентов, оценивших данную меру как эффективную, самая низкая – 28%. Это согласуется с данными других исследований: прямое оспаривание действий руководителя может вести к еще большему проявлению агрессии [Chen et al., 2021]. Информанты в интервью также описывали эту стратегию как неудачную. «Накануне

произошли события, когда стажер говорит, что этот руководитель неправильно поступает, не надо так общаться. И в итоге от него [руководителя] льется негатив и ложь на сотрудника...и заканчивается все не очень хорошо» (жен., 23, сотрудник научно-исследовательской лаборатории). «Основное правило было – не спорить, потому что это вызывало продолжение этой агрессивной истории» (жен., 27, сотрудник отдела по молодежной политике в региональном центре).

«Пассивность» – реакция, когда подчиненные становятся, согласно концепции Гофмана, молчаливой и покорной аудиторией начальника-абыюзера. Чаще она наблюдается среди мужчин; работников бюджетных организаций; трудоустроенных «по блату»; работников с высокой «дистанцией власти». Такое поведение связано с атрибуцией ВПР, объясняющей поведение руководителя стремлением к лучшему результату и признанием того, что работник действительно допустил серьезные ошибки, а также особенностями характера руководителя. По нашему мнению, подобную пассивность не вполне корректно обозначать термином «лояльность» в соответствии со схемой EVLN: как свидетельствуют материалы интервью, она не означает внутреннего принятия и одобрения начальника-абыюзера. Респонденты объясняли свое поведение страхом, неуверенностью, а свою молчаливость описывали как «терпение». *«В нормальном разговоре я высказываю перпендикулярную точку зрения, отстаиваю ее, спорю. Но если начинают быковать – цепенею, просто замираю и жду... Я так и не накопила сил ей [начальнице] сказать, чтоб не орала. Эту рабскую каплю, как по Чехову, я из себя не выдавила... На совещании заткнуть начальника при всех – ему унизительно... Сажу, молчу, жду, пока прокричится, мозг включит и спросит меня, что делать. Проорется, и потом уже конструктивный диалог. Но до него надо дотерпеть и быть потом на него способной»* (жен., 48, руководитель департамента областной администрации).

Обратим внимание на самые низкие оценки эффективности данной стратегии из всех четырех («под лежащий камень вода не течет»): она не позволяет ни повлиять на поведение руководителя, ни снизить уровень собственного стресса.

Заключение. Для анализа проявлений и причин ВПР был использован «драматургический подход» И. Гофмана и сделан акцент на поведенческих реакциях подчиненных на ВПР. Важно, что обращается особое внимание на оценку эффективности этих реакций в плане преодоления управленческого абыюза. Уточнена и расширена модель EVLN как общая рамка для анализа поведенческих реакций работников на негативные события и процессы в организации.

Результаты подтверждают факт, что в основе ВПР лежит дисбаланс властных отношений на рабочем месте в пользу руководителя. Властные преимущества – важное условие осуществления управленческих функций, однако «избыточная» власть становится питательной средой для злоупотреблений. Кроме того, уровень власти руководителя над подчиненным не является раз и навсегда определенным [Sturm, Antonakis, 2015; Wee et al., 2017], он может меняться с течением времени и под влиянием различных факторов, в том числе в результате действий самих подчиненных. Соответственно, наиболее эффективными стратегиями, позволяющими сломать «спираль абыюза», являются активные действия, нацеленные на восстановление баланса власти, снижение зависимости подчиненного от руководителя. Стратегии «повышения ценности» и «образования коалиции» позволяют взглянуть на подчиненных не как на пассивных объектов управления и жертв «абыюза», но как на активных агентов, осуществляющих «восходящее воздействие» (*the upward impact*) в управленческой вертикали, способных изменить негативное поведение руководителя. Эти стратегии чаще используют высокоресурсные работники, имеющие собственных подчиненных, востребованные за пределами своей организации. Механизм достижения баланса власти заключается в том, что руководитель осознает «инструментальную ценность» подчиненных для достижения собственных целей, получения ресурсов, то есть вместо отношений односторонней зависимости формируется взаимная

зависимость. Последняя усиливает «переговорные позиции» работника и снижает мотивацию руководителя демонстрировать абьюзивные виды поведения.

Рассмотренные действия позволяют снизить проявления ВГР «точно», ситуационно, на уровне межличностных отношений в диаде «руководитель – подчиненный». Решение проблемы абьюзивного руководства на уровне организации в целом предполагает глубокие изменения в системе управления человеческими ресурсами, в организации управленческих процессов, создающих сбалансированные властные отношения – высокую взаимную зависимость руководителей и подчиненных, общность их целей, гармонизацию интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Балабанова Е.С., Боровик М.Э., Деминская В.Э. «Враждебное» поведение руководителя: проявления, предпосылки и последствия // Российский журнал менеджмента. 2018. Т. 16. № 3. С. 309–336. [Balabanova E.S., Borovik M.E., Deminskaya V.E. (2018) Abusive Supervision: Manifestations, Antecedents, and Consequences. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal]. Vol. 16. No. 3: 309–336. (In Russ.)]
- Балабанова Е.С., Портнягина А.А. Феномен фаворитизма в российских организациях: предпосылки формирования и результаты // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 16–27. [Balabanova E.S., Portnyagina A.A. (2023) Favoritism in Russian organizations: antecedents and consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 2: 16–27. (In Russ.)]
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. [Goffman E. (2000) *The presentation of self in everyday life*. Transl. from Eng. and introd. art. by A.D. Kovalev. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo Pole. (In Russ.)]
- Лобова С.В. Прекаризация занятости научно-педагогических работников вузов: содержание и последствия // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2019. № 6. С. 243–259. [Lobova S.V. (2019) Precarious Work of Scientific and Pedagogical Workers: Contents and Consequences. *Jekonomicheskoe razvitie regiona: upravlenie, innovacii, podgotovka kadrov* [Economic Development of the Region: Management, Innovations, personnel Training]. No. 6: 243–259. (In Russ.)]
- Хиршман А.О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Ф-д «Либеральная миссия», 2009. [Hirschman A.O. (2009) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Transl. from Eng. by B. Pinsker. Moscow: F-d "Liberalnaya Missiya". (In Russ.)]
- Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С. Социальная организация российского бизнеса: теоретико-методологические подходы и их реализация в эмпирическом исследовании // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 58–69. [Efendiev A.G., Balabanova E.S. (2012) Social organization of Russian business: Theoretical and methodological approaches and their realization in the empirical study. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 5: 58–68. (In Russ.)]
- Chen C., Qin X. et al. (2021) Entering an upward spiral: Investigating how and when supervisors' talking about abuse leads to subsequent abusive supervision. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 42. No. 3: 407–428.
- Emerson R.M. (1962) Power-dependence relations. *American Sociological Review*. Vol. 27. No. 1: 31–41.
- Farrell D. (1983) Exit, voice, loyalty, and neglect as responses to job dissatisfaction: A multidimensional scaling study. *Academy of Management Journal*. Vol. 26. No. 4: 596–607.
- Homans G.C. (1958) Social behavior as exchange. *American Journal of Sociology*. Vol. 63. No. 6: 597–606.
- Lian H., Ferris D.L. et al. (2014) Blame it on the supervisor or the subordinate? Reciprocal relations between abusive supervision and organizational deviance. *Journal of applied psychology*. Vol. 99. No. 4: 651–664.
- Liang L., Coulombe C. et al. (2022) License to retaliate: Good deeds as a moral license for misdeeds in reaction to abusive supervision. *Human Performance*. Vol. 35. No. 2: 94–112.
- Mawritz M.B., Mayer D.M. et al. (2012) A trickle-down model of abusive supervision. *Personnel psychology*. Vol. 65. No. 2: 325–357.
- Starratt A., Grandy G. (2010) Young workers' experiences of abusive leadership. *Leadership & Organization Development Journal*. Vol. 31. No. 2: 136–158.
- Sturm R., Antonakis J. (2015) Interpersonal power: A review, critique, and research agenda. *Journal of Management*. Vol. 41. No. 1: 136–163.

- Tepper B.J. (2000) Consequences of abusive supervision. *Academy of Management Journal*. Vol. 43. No. 2: 178–190.
- Tepper B.J., Simon L., Park H.M. (2017) Abusive supervision. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. Vol. 4: 123–152.
- Wee E.X., Liao H. et al. (2017) Moving from abuse to reconciliation: A power-dependence perspective on when and how a follower can break the spiral of abuse. *Academy of Management Journal*. Vol. 60. No. 6: 2352–2380.

Статья поступила: 14.02.24. Финальная версия: 16.08.24. Принята к публикации: 27.08.24.

ABUSIVE SUPERVISION AS A SOCIAL PHENOMENON: CAUSES AND COPING STRATEGIES

BALABANOVA E.S.*, DANILOVA K.I.*

*HSE University, Russia

Evgeniya S. BALABANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (balabanova@hse.ru); Ksenia I. DANILOVA, Mast. (Sociol.) (xenia.danmsc@yandex.ru). Both – HSE University, Moscow, Russia.

Abstract. The paper analyzes the phenomenon of abusive supervision (AS) in Russian organizations. The study is based on semi-structured in-depth interviews and a standardized survey of employees. The analysis demonstrates that half of the respondents had encountered various manifestations of AS at their current or previous jobs. The imbalance of power relations at workplace, employee's socio-economic dependence on a supervisor are the core conditions of AS. Factor analysis results reveal 4 behavioral strategies of employees faced with AS – “neglect”, “exit”, “balance of power” and “loyalty”. A most effective strategy to reduce the manifestations of AS, according to respondents, was the “balance of power” strategy involving employees' individual value enhancement and coalition formation.

Keywords: sociology of management, power in organization, social exchange theory, Goffman's dramaturgical approach, abusive supervision, socio-economic dependency, EVLN framework, employee behavioral strategies.

Received: 14.02.24. Vinal version: 16.08.24. Accepted: 27.08.24.

© 2024 г.

М.К. ГОРШКОВ, Р.Э. БАРАШ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН (история России XX века сквозь призму семейных историй)

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, доктор философских наук, директор Института (m_gorshkov@isras.ru); БАРАШ Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник (raisabarash@gmail.com). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. На основании дискурс-анализа СМИ и данных репрезентативных социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2020-х гг. автор изучает, как под влиянием дискурсивной политизации национального прошлого противоречиво развивается историческая память современного российского общества. Большинство (3/4) россиян активно интересуются отечественной историей, интерес с ней существенно коррелируется со знанием семейной истории, которую, впрочем, 4/5 россиян знают не дальше чем на два-три поколения. В исторической памяти россиян ключевое место занимает Великая Отечественная война. В то же время не менее половины россиян даже не знают, на какой стороне были их предки во время революций 1917 г. и Гражданской войны. В современном политическом контексте, когда трактовки истории становятся средствами геополитической конкуренции, подавляющее большинство россиян (почти 9/10) поддерживают необходимость активной защиты принятой в обществе интерпретации истории России, понимая под «исторической правдой» единообразную интерпретацию исторических событий. При этом россияне скорее выражают солидарность с жесткой позицией руководства страны и оборонительным внешнеполитическим дискурсом, чем демонстрируют реальную включенность в историческую тематику, собственный интерес к ней: в частности, лишь менее трети считают, что обычные граждане должны участвовать в защите «исторической правды».

Ключевые слова: история • историческая память • коллективная идентичность • войны памяти

DOI: 10.31857/S0132162524090119

Исторические образы лежат в основании национальной идентичности, консолидируют социум, придавая смысл, цель и значимость коллективному и персональному настоящему [Лоуэнталь, 2004: 115]. Прошлое отражается и в представлениях граждан о будущем страны, выступая фактором принятия политических решений, определяя перспективы страны.

Политический презентизм, когда сюжеты национальной истории становятся частью политической идеологии [Журилла, 2021: 109], оказывается приметой современного политического языка по всему миру. Память о переломных событиях истории, о выдающихся личностях (как героях, так и антигероях) играет «главную роль в конструировании коллективной идентичности» [Репина, 2021: 36]. Помимо событийной кристаллизации национальной истории с помощью национального календаря и пантеона национальных героев

[Нора, 1999: 17] политика памяти влияет и на актуальные установки граждан. Политическая повестка интерпретируется ее участниками через понятные гражданам символы и смыслы, формируя эмоциональное отношение к происходящему, но всегда оказываясь в той или иной степени идеологически ангажированной [Edelman, 1977: 33].

Из политической повестки прошлое неустранимо, оно присутствует в нем и скрыто, в символах государственного суверенитета, и явно, в политической риторике. Исторические нарративы резонируют с общественным мнением [Becker, 2018: 1], а апелляция к общественному консенсусу в отношении «исторических уроков» превращает «аргумент истории» в средство легитимации политических решений. Исторические аргументы многократно использовались в последние десятилетия для обоснования ирредентистских и сепаратистских притязаний, политических решений. Например, в 1999 г. министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер обосновывал необходимость участия вооруженных сил Германии в Косовском конфликте обязанностью Германии «предотвратить новый Освенцим и новый геноцид» [Becker, 2018: 12].

Российское политическое руководство в 2010–2020-х гг. тоже часто напоминало о необходимости выучить «уроки истории» и ориентироваться на «интересы, которые диктуются... историческим опытом»¹. Это отражается в массовых представлениях россиян о прошлом страны, когда национальная история оказывается фактором осмысления современной общественно-политической ситуации.

Цель статьи – выявление характеристик укоренившихся в массовом сознании россиян образов недавнего национального прошлого как базовых оснований коллективной идентичности, а также изменения отношения к ним под влиянием участвовавшего обращения к историческим сюжетам политических лидеров. Для этого на основании данных репрезентативных социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2020-х гг. и в контексте постоянного обращения к историческим сюжетам политического руководства страны будут изучены характеристики интереса россиян к прошлому страны, рассмотрены актуальные представления граждан об исторической правде, способах и субъектах ее защиты.

Российская политика памяти. В российской политической жизни история «работает» и как ресурс социальной консолидации, и как аргумент непрерывности истории страны. Уже в 2010-х гг. ссылки на историю России использовались как довод для внешнеполитических решений в отношении «исконно русских земель»². Исторический дискурс стал частью языка российской политики [Курилла, 2021]. Власть однозначно обозначила свою патерналистскую позицию [Кхараева, 2016] в отношении национального прошлого, отнеся законом против реабилитации нацизма³ историю Великой Отечественной войны к сфере национальной безопасности.

Оборонительно-мобилизационная трактовка российским руководством национального прошлого пришла в 2010-е гг. на смену активному сотрудничеству государства с гражданским обществом в мемориальных инициативах 1990-х гг. Тогда они были направлены на сохранение памяти, наоборот, о «неоднозначных» периодах российской истории и исторических персонажах (в частности, о жертвах политических репрессий, «белых» участниках Гражданской войны). Так, в 1996 г. День Октябрьской социалистической революции 7 ноября был переименован в День согласия и примирения, что стало предтечей полной отмены празднования 7 ноября, «замененного» установленным в 2005 г. Днем народного единства 4 ноября.

К середине 2010 г. мемориальные инициативы в России приобрели масштабный характер, особенно в Москве, где только за 2017 г. установили около 50 памятников⁴. Инициатором неко-

¹ Открытый урок «Помнить – значит знать» // Kremlin.ru. 2020. 1 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63983> (дата обращения: 28.06.2024).

² Обращение Президента Российской Федерации // Kremlin.ru. 2014. 18 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 28.06.2024).

³ Федеральный закон № 128-ФЗ от 5 мая 2014 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁴ Больше, чем памятник // Новая Газета. 2018. 29 января. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/01/29/75306-bolshe-chem-pamyatnik> (дата обращения: 28.06.2024).

торых из них стало Российское военно-историческое общество (РВИО), созданное для сотрудничества власти с гражданами в целях «пропаганды и распространения военно-исторических знаний», «популяризации исторического и культурного военно-исторического наследия России». Многие мемориальные объекты РВИО прямо символизировали непрерывность отечественной истории: например, часть фигур открытого в 2021 г. мемориального комплекса, посвященного Александру Невскому и его дружинникам, имела внешность псковских десантников, участвовавших в боевых действиях в Чечне. Другие мемориальные объекты напоминали, каким сложным было складывание российской государственности. Так, по инициативе РВИО в центре Москвы открыта «Аллея правителей России» различных эпох (более 40 бюстов – от Рюрика до Б.Н. Ельцина), установлены монументы историческим деятелям (например, М. Скобелеву, К. Рокоссовскому, М. Калашникову) и участникам драматичных событий российской истории (Ржевский мемориал Советскому солдату, Памятник Примирия в Гражданской войне в Севастополе и др.). Разнородность удостоенных памятования фигур – где монархи и царские генералы соседствуют с большевистскими лидерами, а в официальном политическом дискурсе память о революции 1917 г. как «попытке народа построить справедливое общество»⁵ сохраняется вместе с памятью о тех, кто противостоял новой власти, – лишь подчеркивает единство российской истории.

Президент РФ В.В. Путин неоднократно в последние годы говорил о важности каждого руководителя страны, среди которых были «порой противоречивые исторические личности», однако «все они... сделали Россию великой мировой державой, определили ее судьбу»⁶. Целостная российская история объединила, по его мнению, не только «созидавшего основы сильного, единого, централизованного государства» «собирателя и защитника русских земель» князя Владимира⁷, но и М.С. Горбачева, возглавившего страну «в период сложных, драматических изменений, масштабных внешнеполитических, экономических, общественных вызовов»⁸, и даже Б.Н. Ельцина, который «никогда не боялся брать на себя ответственность – и за то, что делал сам, и за судьбы страны»⁹. Идея исторической целостности единства России, которая «помнит и любит всех преданных ей сыновей и дочерей, с какой бы стороны баррикад они когда-то ни находились»¹⁰, в заявлениях российского руководства сочеталась с напоминанием о непрерывном противостоянии страны внешней угрозе – от Средневековья, когда Киевскую Русь «терзали» печенеги и половцы¹¹, до современного противостояния «коллективному Западу»¹².

Новый подход политического руководства к истории России нашел отражение и в новейшем «Едином учебнике истории» для 11-го класса. В нем часто упоминается

⁵ К 100-летию Великой российской революции: осмысление во имя консолидации // Министерство культуры Российской Федерации. 2017. 6 октября. URL: <https://culture.gov.ru/press/news/k-100-letiyu-velikoy-rossiyskoy-revolutsii-osmyslenie-vo-imya-konsolidatsii20171006171334/> (дата обращения: 28.06.2024).

⁶ Торжественный концерт, посвященный 1160-летию зарождения российской государственности // Kremlin.ru. 2022. 21 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69397> (дата обращения: 28.06.2024).

⁷ В День народного единства в Москве открыт памятник князю Владимиру // Kremlin.ru. 2016. 4 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53211> (дата обращения: 28.06.2024).

⁸ Соборезнования в связи с кончиной Михаила Горбачева // Kremlin.ru. 2022. 31 августа. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69234> (дата обращения: 28.06.2024).

⁹ Владимир Путин возложил цветы к могиле первого Президента России Бориса Ельцина // Kremlin.ru. 2021. 1 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64958> (дата обращения: 28.06.2024).

¹⁰ Поздравление с Днем народного единства // Kremlin.ru. 2021. 4 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/67065> (дата обращения: 28.06.2024).

¹¹ Совещание с главами регионов по борьбе с распространением коронавируса в России // Kremlin.ru. 2020. 8 апреля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63176> (дата обращения: 28.06.2024).

¹² Встреча с руководством Госдумы и главами фракций // Kremlin.ru. 2022. 07 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68836> (дата обращения: 28.06.2024).

об историческом противостоянии СССР/России странам Запада и резюмируется, что современный «брошенный Западом вызов делает нашу страну крепче, а многонациональный российский народ – еще более сплоченным»¹³.

Отношение россиян к национальной и семейной истории. Характерное для политического презентизма выстраивание политической повестки через обращение к сюжетам национальной истории, апелляция к образам прошлого для объяснения общественных проблем и задач формируют «историзированный» язык повседневности. В нем исторические реминисценции и метафоры занимают место не только базовых ценностных ориентиров, но и символов современной российской государственности.

«Историзированный» язык повседневности поддерживает интерес к прошлому и опирается на него. Согласно опросу Института социологии ФНИСЦ РАН, в 2023 г. подавляющее большинство россиян (75%) интересовались отечественной историей, в том числе 26% – постоянно, 49% – время от времени. За 2020–2023 гг. доля интересующихся отечественной историей граждан выросла на 4 п.п., а тех, кто историей страны не интересуется, сократилась на 6 п.п. (с 24 до 19%). Поскольку еще 6% затруднились с ответом, то совокупную долю не интересующихся историей можно по состоянию на 2023 г. оценить максимум в 25%¹⁴. С 2020 г. интерес к отечественной истории рос среди россиян всех возрастов, но особенно – среди самых молодых и наиболее пожилых: на 7 п.п. (с 67 до 75%) среди молодежи до 30 лет, на 5 п.п. (с 76 до 81%) среди россиян старше 66 лет.

Обращенная к национальному прошлому медиаповестка поддерживает внимательное отношению не только к истории страны, но и к семейной истории, превращая ее в один из важных источников реконструкции прошлого. В 2020 г. семейная память, рассказы родных и о родных были третьим по популярности (32%) ресурсом сведений об истории России после исторического художественного (45%) и документального (40%) кино [Историческое сознание россиян..., 2022: 18].

К истории собственной семьи россияне относятся с большим интересом: в 2023 г. только 19% не знали о прошлом семьи, потому что в их семьях не принято вспоминать прошлое (11%) или затрудняясь оценить уровень своих познаний (8%). Большинство же (81%) считали, что хорошо знали фамильную историю: 60% имели представления о жизни двух поколений (своих родителей, бабушек и дедушек), еще 21% знакомы с историей не менее четырех поколений родственников. Лучше других историю своей семьи знают самые пожилые респонденты старше 60 лет (88%), хуже – молодежь до 30 лет, четверть представителей которой (27%) не знали истории своей семьи.

Интерес к истории своей страны и интерес к истории собственной семьи прямо связаны. Среди россиян, хорошо, как им кажется, знающих историю России, каждый четвертый (39%) имеет представление о жизни поколений предков старше бабушек и дедушек, среди них почти нет выходцев из семей, где не принято вспоминать прошлое (2%). А вот среди россиян, не высоко оценивающих собственные познания в российской истории, уже почти каждый пятый (19%) признавался, что в их семье не принято вспоминать прошлое.

Исследователи отмечают, что хорошее знание отечественной истории чаще свойственно людям, активнее интересующимся историей собственной семьи [Алексеев, 2008: 49–50; Юдин и др., 2017: 53]. Это подтверждают социологические данные ФНИСЦ РАН: в 2020 г. среди россиян, оценивших свои знания об истории России как хорошие (таких

¹³ См.: *Мединский В.П., Торкунов А.В. История России. 1945 год – начало XXI века. 11 класс. М.: Просвещение, 2023. С. 4.*

¹⁴ Здесь и далее для 2023 г. приводятся социологические данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (проект РНФ № 20-18-00505). Социологическое исследование проведено в апреле – мае 2023 г. по общероссийской выборке ($N = 2000$), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

было 11%), более чем каждый третий (39%) был знаком с обстоятельствами жизни более трех ближайших поколений своей семьи [Историческое сознание россиян..., 2022: 98]¹⁵.

Участие семейной памяти в создании образов прошлого – примета современной «эпохи постпамяти», когда «авторами» исторической реконструкции выступают не только очевидцы событий, но и их потомки [Ассман, 2004: 241]. Российская политика памяти поддерживает идею коллективного межпоколенного наследования прошлого, чтобы «все граждане гордились тем, что они наследники, внуки, правнуки победителей»¹⁶. Участие в постпамятной коммеморации принимают и представители гражданского общества, и государственные чиновники [Бараш, 2017]. В официальном историческом нарративе сюжеты государственной истории и семейной памяти тесно переплетаются, при этом семейная память и «официальная» история как источники понимания прошлого теряют контекст оппозиционности (когда «история убивает память, а память убивает историю» [Nora, 1984]). Поэтому такой искренний отклик у россиян вызывают государственные инициативы, направленные на поддержание семейной памяти о Великой Отечественной войне.

Отношение россиян к Великой Отечественной войне. В российском обществе память о родных, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., поистине всеобъемлюща: в 2023 г. об участии членов своей семьи в военных действиях знали 85% респондентов, еще 8% были информированы, что их родственников война не коснулась. Лишь 7% опрошенных ничего не известно о судьбах родных в военное время.

Информированность россиян об истории их семей в военное время поддерживают государственные проекты, в которых сочетаются инициативы просвещения и эмоционального вовлечения в историю жизни родных. Можно вспомнить, например, 60-летие окончания войны, когда в информационном пространстве память о Победе 1945 года начала упоминаться как ключевой элемент коллективной идентификации [Гудков, 2005]. Уже тогда многие граждане искренне участвовали в эмоциональных «проектах памяти» («Георгиевская ленточка» и «Победители»), вовлекаясь в историю семьи. К 70-й годовщине Победы важную роль в сохранении национального наследия о великой Победе стали играть виртуальные мемориальные ресурсы «Подвиг народа» и «Память народа», онлайн-платформы с миллионами цифровых документов о героях фронта, связывающих семейную и государственную историю. Каждый мог обратиться к электронным архивам, уточнить судьбу своих родных, участвовавших в боевых действиях. Участие в шестивой «Бессмертный полк» миллионов россиян для многих было способом поддержания тесной связи семейной памятью с национальной историей. По данным ФНИСЦ РАН, в 2020 г. почти каждый третий россиянин (30%) принял участие в этой акции и еще 67% знали о ней, хотя лично не участвовали [Историческое сознание россиян..., 2022: 105].

Семейные воспоминания о Великой Отечественной войне стали основанием национального исторического нарратива: история приобрела черты коллективной памяти, а память в публичном дискурсе отождествлялась с историей [Касьянов, 2019: 7]. В последние годы в дискурсе власти военная история страны стала неотделима от семейной памяти: любые мемориальные мероприятия сопровождаются апелляцией к фамильным традициям, когда «в каждой нашей семье чествуют участников Великой Отечественной войны, вспоминают своих родных, своих героев, возлагают цветы к воинским мемориалам»¹⁷.

¹⁵ Здесь и далее для 2020 г. приводятся данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», проведенного ФНИСЦ РАН в сентябре 2020 г. по репрезентативной общероссийской выборке ($N = 2000$ в 22 субъектах РФ). Сбор первичной информации осуществлялся методом персональных очных интервью с соблюдением санитарно-эпидемиологических требований.

¹⁶ Открытие всероссийской акции «Вахта памяти – 2019» // Kremlin.ru. 2019. 4 апреля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60222> (дата обращения: 28.06.2024).

¹⁷ Парад Победы на Красной площади // Kremlin.ru. 2023. 9 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71104> (дата обращения: 28.06.2024).

Таблица

**Интерес к отечественной истории среди россиян с различной информированностью
о семейном прошлом, %**

Варианты ответов	Да, такие родственники были	Нет, таких родствен- ников не было	Не знают ничего об участии родственников в этом событии
<i>Предки во время революции и Гражданской войны выступали на стороне «красных»</i>			
Респонденты, которые интересуются историей России постоянно	40	25	21
Респонденты, которые интересуются историей России время от времени	48	49	51
Не интересуются отечественной историей	8	23	21
Затруднились с ответом	4	4	7
<i>Предки во время революции и Гражданской войны выступали на стороне «белых» или других противников большевиков</i>			
Респонденты, которые интересуются историей России постоянно	47	28	22
Респонденты, которые интересуются историей России время от времени	34	50	51
Не интересуются отечественной историей	16	19	20
Затруднились с ответом	3	3	7
<i>Предки пострадали от сталинских репрессий</i>			
Респонденты, которые интересуются историей России постоянно	32	28	20
Респонденты, которые интересуются историей России время от времени	51	50	49
Не интересуются отечественной историей	14	19	21
Затруднились с ответом	4	4	10
<i>Предки воевали на фронтах Великой Отечественной войны</i>			
Респонденты, которые интересуются историей России постоянно	27	21	14
Респонденты, которые интересуются историей России время от времени	51	47	40
Не интересуются отечественной историей	17	27	29
Затруднились с ответом	5	4	17

В отличие от обширной семейной памяти о военном времени многие россияне гораздо хуже осведомлены об обстоятельствах жизни своих предков в другие исторические периоды: «рожденные в года глухие» не оставили потомкам воспоминаний. В 2023 г. не менее чем половина опрошенных россиян (50–55%) даже не знали, какую из противоборствовавших сторон в период революций 1917 года и Гражданской войны поддержали их предки. Туманной является и семейная память россиян о 1930-х гг.: в 2023 г. большинство опрошенных (45%) говорили, что сталинские репрессии обошли стороной их семьи, но около трети (35%) ничего не знали о судьбах родных, а о том, что семья пострадала от репрессий, точно знали 20%.

Среди респондентов, лучше осведомленных об участии своих родных (предков) в значимых событиях национального прошлого, интерес к истории России заметно выше. Подавляющее большинство информированных выходцев из семей потомков активных участников революции и Гражданской войны в той или иной степени интересуются

историей России: это справедливо для потомков как сторонников большевиков (88%), так и их противников (81%), и лишь 8% и 16% из них соответственно равнодушны к ней. В то же время среди тех, кому ничего не известно о судьбе родственников в революционный период, не интересуется отечественной историей уже каждый пятый (20–21%). Аналогичная закономерность есть и по критерию наличия/отсутствия знаний о сталинских репрессиях. Респонденты, которые знают, что их родные воевали в Великую Отечественную, тоже чаще тех, кому ничего не известно об участии родственников в военных действиях, интересуются отечественной историей (78 против 54%) (табл.).

Приведенные корреляции подтверждают общую тесную связь исторической компетентности и погруженности респондентов в историю собственной семьи: чем отдаленнее горизонт осведомленности о судьбе родных, тем интенсивнее погруженность в национальную историю. Возможно, впрочем, что, наоборот, общая историческая компетентность является причиной, а внимание к фамильному прошлому – следствием. В любом случае, лишь немногие современники имеют актуальные постпамятные представления о национальной истории на основании семейного прошлого, исключение – семейная память о Великой Отечественной.

Дискурсы противостояния в «войне памяти». Победа в Великой Отечественной войне (70%) и послевоенное восстановление страны (56%) находятся в авангарде тех событий российской истории, которыми гордятся россияне. А вот событиями времени потепления отношений с Западом – гласностью и перестройкой периода М.С. Горбачева (3%), переходом к рыночной экономике при Б.Е. Ельцине (4%), ликвидацией «железного занавеса» (7%) – гордятся единицы. Это связано, видимо, с тем, что еще в 2010-х гг. перспектива евроинтеграции России стала ощущаться как нереалистичная, так что утвердилась идея, что Россия не является в полной мере европейской страной: и в 2011 г. (64%), и в 2023 г. (66%) так считали большинство россиян.

Скепсису россиян в отношении прозападного вектора развития страны способствовала и нарастающая напряженность в трактовке советского прошлого. Это связано с плюрализацией в конце XX в. европейской исторической памяти [Летняков, 2023], с включением в исторические дискуссии ранее «молчавших» групп и недосказанных сюжетов. В ряде восточноевропейских государств утвердилась модель памяти, сфокусированной на сопротивлении экзистенциальной угрозе [Миллер, 2016: 117], в том числе угрозе геополитической. Это нашло свое воплощение и в политических заявлениях – например, в подписанной европейскими политиками Пражской декларации 2008 г., призывавшей к общеевропейскому осуждению преступлений коммунизма, в декларации Европарламента 2008 г., устанавливающей день памяти жертв сталинизма и нацизма, а также в антикоммунистической музейной коммеморации (музеях оккупации в Риге и Таллине, доме террора в Будапеште). Отсюда – утверждение в некоторых постсоветских республиках этнонационального и даже постколониального дискурса, где Россия играет роль конституирующего «Другого» [Касьянов, 2019: 59]. Так, в 2006 г. Верховная Рада Украины признала Голодомор 1930-х гг. актом геноцида украинского народа, а в Грузии в 2010 г. был установлен День советской оккупации и советский период истории стал интерпретироваться как насильственный. Дискурс экзистенциального исторического противостояния в контексте дефицита крупных политических идеологов стал предпосылкой активного использования многими центрально- и восточноевропейскими политиками риторики противостояния времен «холодной войны» (прежде всего, утверждений о схожести для их стран последствий нацистского и коммунистического режимов [Racinkas, 2008: 13]).

Однако в представлениях россиян негативная трактовка советского прошлого дезавуировала не только участие России в антигитлеровской коалиции, но и базовые основания коллективной идентичности, ключевым среди которых является память о Победе [Малинова, 2011: 114]. Поэтому принятие Европейским парламентом в 2019 г. резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», осуждавшей Пакт Молотова – Риббентропа и германо-советский договор о дружбе 1939 г., символизировало

институционализацию конфликта исторических нарративов Западной Европы и России [Историческая память..., 2020]. Этот европейский тренд резко противоречил непримиримой позиции российского руководства на противостояние пересмотру советской истории. В 2023 г. в обновленной Концепции внешней политики РФ появился пункт, что национальными интересами страны во внешнеполитической сфере является в том числе и содействие сохранению за рубежом исторической правды и памяти о роли России в мировой истории¹⁸. А предложение противодействовать фальсификации истории геноцида советского народа¹⁹ символизировало готовность и российской стороны к эскалации конфликта трактовки прошлого.

Резонансность и провокационность темы национального прошлого связана с его консолидирующей ролью «исторического ядра»²⁰, так что манипуляции с коммеморацией выглядят попыткой делегитимировать государство [Ефременко, 2022], опровергнув базовый «миф его основания» [Mälksoo, 2015] посредством апелляции к фактам «неудобного прошлого» или к опыту предков [Малинова, 2014: 225]. Людьми, чья национальная традиция «пересматривается», а разделяемые поколениями оценки прошлого оспариваются, порою даже предаются откровенной диффамации, такие инициативы воспринимаются не просто как компрометирующие достижения прошлых поколений, но и как угрожающие семейной памяти.

Участие семейной памяти в картине национального прошлого делает россиян чувствительными к трактовкам истории. В 2020 г. среди опрошенных о том, «Как следует реагировать России на ложную интерпретацию некоторых исторических событий в ряде западных странах?», самая большая группа (37%) полагала необходимым «жестко противодействовать попыткам интерпретировать историю». Еще 34% выбирали популяризацию нашего понимания истории в фильмах, литературных произведениях и СМИ. Только 8% полагали возможным выйти из исторических конфликтов с оппонентами через сближение позиций в ходе научных дискуссий, столько же (8%) считали, что споры о прошлом не нужны, поскольку у каждой страны может быть своя версия истории. Лишь 4% полагали, что россияне должны «согласиться со справедливыми обвинениями в адрес нашей страны и попытаться самим переосмыслить» историю своей страны.

Представления россиян о защитниках истории. Чувствительность россиян к историческим сюжетам понятна, ведь образы прошлого играют в системы культурных ценностей россиян ключевую роль [Латов, 2018]. Поэтому концептуальный пересмотр национальной истории касается не только сюжетов прошлого, но всего комплекса современных общественных установок [Прошлое для настоящего, 2020: 5]. Особенно остро это переживается сегодня, когда историческая память объявлена компонентом традиционных ценностей, так что задачи противодействия попыткам фальсификации истории отнесены к государственным²¹. Помимо запретительных мер противодействия фальсификации истории, предполагающих административную (ст. 20.3 КоАП) и уголовную ответственность (354.1 УК РФ), утверждению трактовки национального прошлого служит разработка единой линейки школьных учебников («единого учебника истории»), где прошлое страны предстает частью семейного прошлого каждого гражданина [Ачкасов, 2018: 23].

Переплетение образов национальной и семейной истории, особенно в сюжетах о Великой Отечественной войне, ставшей «мифом происхождения» постсоветской России [Копосов, 2011: 163], помещает задачу защиты исторической памяти в поле ответственности

¹⁸ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Kremlin.ru. 2023. 31 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 28.06.2024).

¹⁹ «Войны памяти» вокруг истории геноцида советского народа // Российское агентство правовой и судебной информации. 2022. 11 февраля. URL: <https://rapsinews.ru/publications/20220211/307720376.html> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁰ Шенк Ф.Б. Концепция “Lieux de Memoire” // Свободный университет, Берлин. URL: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-11.htm> (дата обращения: 28.06.2024).

²¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 N809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

каждого гражданина. Представители российского руководства неоднократно подчеркивали, что «священный долг [каждого гражданина] – хранить историческую правду о подвиге поколения Победителей»²². В 2020-х гг. в заявлениях первых лиц страны зазвучала идея активной защиты прошлого: поскольку «дело чести государства, общества и, конечно же, историков – защищать и нашу подлинную историю, и наших героев»²³, то защита идентичности, народа и истории приравнивается к защите Родины²⁴.

Изменился и контекст заявлений политического руководства страны о Великой Отечественной войне. В рамках мероприятий в честь 55-й годовщины Победы В.В. Путин говорил об унаследованной от фронтовиков привычке побеждать как предпосылке «выстроить сильную, процветающую страну», высоко поднять российское знамя демократии и свободы²⁵. Два десятилетия спустя, в канун 75-летия Победы, президент говорил уже о необходимости защищать память о войне, «честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой»²⁶. В 2020-х гг. частью долга памяти о войне объявлялось расследование преступлений нацистского геноцида в годы Великой Отечественной войны, установление виновных в них²⁷ и окончательное искоренение нацизма²⁸.

Обращение к известной в каждой российской семье максиме о недопустимости роста популярности идей нацизма мобилизовало российское общество вокруг национальной памяти. Отсюда – готовность многих россиян противостоять попыткам пересмотра истории, отстаивать историческую правду, особенно когда речь идет о Великой Отечественной войне. Историческую правду россияне чаще понимают при этом как сформулированную, прежде всего, в национальных учебниках истории единообразную интерпретацию исторических событий. В частности, в 2020 г. самым частым (48%) было мнение, что «необходимо единообразное понимание и оценки основных исторических событий», в то время как противоположное мнение «оценки некоторых исторических событий и политических деятелей могут меняться со временем» высказали только 39% [Историческое сознание россиян..., 2022: 75].

В 2023 г. более половины респондентов (57%) были уверены, что от трактовки исторических событий зависит будущее страны, поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение. Правда, противоположное мнение, что нельзя слишком много внимания уделять прошлому, высказали тоже многие – 43%. С возрастом значимость незыблемой версии прошлого возрастает: 71% респондентов старше 66 лет были уверены в необходимости ее сохранения. Более значимым фактором «чувствительности» к трактовкам прошлого является заинтересованность россиян в отечественной истории: среди интересующихся отечественной историей доля тех, кто считает необходимой «борьбу за прошлое», была вдвое выше доли тех, кто считает, что история – удел профессионалов (64 против 36%). Идеи «борьбы за прошлое» несколько чаще находят поддержку среди консервативно настроенных россиян, которые полагают, что главное – это уважение к сложившимся традициям,

²² Жителям Великого Новгорода и Новгородской области // Kremlin.ru. 2024. 20 января. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/73285> (дата обращения: 28.06.2024).

²³ Встреча с историками и представителями традиционных религий России // Kremlin.ru. 2022. 4 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69781> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁴ Пленарное заседание Восточного экономического форума // Kremlin.ru. 2022. 7 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69299> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁵ Выступление на параде, посвященном 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Kremlin.ru. 2000. 9 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/21421> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁶ 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Kremlin.ru. 2020. 19 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁷ Открытие мемориала мирным жителям СССР – жертвам нацистского геноцида в годы Великой Отечественной войны // Kremlin.ru. 2024. 27 января. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73334> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁸ Жителям Великого Новгорода и Новгородской области // Kremlin.ru. 2024. 20 января. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/73285> (дата обращения: 28.06.2024).

а не инициатива и предприимчивость (63%), что Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать (62%), и что людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества (62%). Но почти так же часто идее необходимости «борьбы за прошлое» симпатизируют целеустремленные россияне, не готовые мириться с существующей ситуацией, полагающие, что каждый человек – сам кузнец своего счастья (61%), а свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл (60%).

Другое дело, что, поддерживая идею защиты «исторической правды», россияне скорее солидаризируются с риторикой властей, но сами не готовы доказывать достоверность тех или иных интерпретаций фактов прошлого. Так, в 2022 г. менее трети (29%) считали, что защищать историческую правду должны обычные граждане. Большинство же (67%) возлагали ответственность за защиту прошлого на руководство страны и профессиональных ученых – представителей национальных сообществ историков (49%) и известных экспертов-обществоведов (38%). Иным участникам публичной политики – СМИ (31%), гражданским активистам (21%), региональным и судебным властям (20 и 19%), национальным и международным правозащитным организациям (19 и 14%), интернет-сообществам «защитников» истории (16%) и т.д. – россияне отводят роль участников «исторических поединков» еще реже²⁹.

Выводы. Присутствие образов прошлого в современной политической повестке превращает национальную историю в фактор социальной консолидации, помещая исторический нарратив в основание «историзированного» языка повседневности и системы оценки настоящего. Медийная повестка, ориентированная на национальную историю, способствует внимательному отношению к семейному прошлому, особенно под влиянием идеи наследования истории, тиражируемой политикой памяти. Участие семейной памяти в формировании образа национального прошлого делает россиян чувствительными к интерпретациям истории, особенно памяти о Великой Отечественной войне, так что «прозападные» попытки изменить трактовку событий национальной истории переживаются остро критически. Это поддерживает готовность защищать «историческую правду» в той интерпретации, в которой она представлена в современных национальных учебниках истории.

Идея «всемирной» защиты исторической правды, несмотря на кажущуюся геополитическую обусловленность, является приметой времени презентизма, когда монополию профессиональных историков на интерпретацию прошлого сменила практика трактовки истории всеми неравнодушными к ней [Ачкасов, 2013: 109]. Однако, как видно из социологических данных, россияне не разделяют идеи всеобщей борьбы за историю. «Стражами прошлого» они чаще всего видят не себя, а носителей реальной власти – политической и интеллектуальной. Зато поддержать защиту исторической памяти готовы многие граждане, расценивающие попытки преуменьшать значимость событий российской истории (включая советский и даже имперский периоды) не только оскорблением национальной памяти, но и унижением семейных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. «Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие)» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 49–50.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: ЯСК, 2004.
- Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4(20). С. 106–123.
- Ачкасов В.А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 19–26.

²⁹ Для 2022 г. приводятся социологические данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», проведенного ФНИСЦ РАН в марте 2022 г. по репрезентативной общероссийской выборке (N = 2000 человек в 22 субъектах РФ).

- Бараш Р.Э. О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 4. С. 124–151.
- Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Под ред. М.Е. Габовича. М.: НЛО, 2005. С. 83–103.
- Ефременко Д.В. Память как *casus belli* // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 6. С. 119–141.
- Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи // *Russia in Global Affairs*. 2020. Т. 18. No. 1. С. 59–80.
- Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2022.
- Касянов Г.В. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: НЛО, 2019.
- Колосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛО, 2011.
- Курилл И.И. «История как язык политики» // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 104–126.
- Латов Ю.В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И. Брежнева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 116–133.
- Летняков Д.Э. Историческая память российского общества: к построению агонистической модели // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 1. С. 109–129.
- Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Русский Остров, 2004.
- Малинова О.Ю. Официальная риторика и конструирование национального прошлого: анализ тематического репертуара памятных речей президентов РФ (2000–2013 гг.) // Власть и элиты / Под ред. А.В. Дуки. Т. 1. СПб.: Интер социс, 2014. С. 224–246.
- Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // *Pro et Contra*. 2011. № 3–4(52). С. 106–122.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1(80). С. 111–121.
- Нора П., Озуф М. и др. Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020.
- Репина Л.П. Символы прошлого и «встреча культур» в парадигме истории памяти // Антропология и этнология: современный взгляд: сб. ст. // Под ред. А.В. Головнева, Э.-Б.М. Гучиновой. М.: Полит. энциклопедия, 2021. С. 361–373.
- Юдин Г.Б., Хлевнюк Д.О. и др. Какое прошлое нужно будущему России? Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества. М.: КГИ, 2017.
- Becker M. "History as Argument" as the Poor Relative in Modern Historical-Political Research: State of the Art and a Proposal for a New Approach // *History and Politics (Copernicus Graduate School Studies (CGS Studies))* / Ed. by K. Kcka, R. Schattkowsky. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018.
- Edelman M. *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail*. L.: Academic Press, 1977.
- Khapaeva D. «Triumphant Memory of the Perpetrators: Putin's Politics of Re-Stalinization» // *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. Vol. 49. No. 1. P. 61–73.
- Mälksoo M. "Memory Must Be Defended": Beyond the Politics of Mnemonical Security // *Security Dialogue*. 2015. Vol. 46. No. 3. P. 221–237.
- Nora P. *Entre Mémoire et Histoire. La problématique des lieux* // *Les lieux de mémoire*. Т. 1. P., 1984. P. XV–XLII.
- Racinkas R. *Historical Justice for Europe: Why, When And How?* // *Crimes Committed by Totalitarian Regimes*. Ed. by P. Jambrek. Ljubljana: Slovenian Presidency of the Council of the European Union, 2008. P. 13–19.

Статья поступила: 24.04.24. Финальная версия: 28.08.24. Принята к публикации: 04.09.24.

HISTORICAL MEMORIES OF RUSSIANS TODAY

(history of the XX century Russia in the optics of families' stories)

GORSHKOV M.K.*, BARASH R.E.*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Mikhail K. GORSHKOV, Academician of RAS, Dr. Sci. (Philos.), Director of Institute (m_gorshkov@isras.ru);
 Raisa E. BARASH, Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher (raisabarash@gmail.com). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The research was supported by the RSF, project No. 20-18-00505 (supervisor – M.K. Gorshkov, Academician of RAS).

Abstract. Referring to the data of long-term sociological research by the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, the author studies how the historical memory in contemporary Russian society is forming under the influence of the discursive politicization of the national past. The purpose of the article is to study either the images of the recent national past that are rooted in the mass consciousness of Russians being the basis of collective identity, or the changes in attitudes towards the past under the influence of the state rhetoric "historization". The realization of the scientific purpose involves to solve some research tasks: to study the dynamics of respondents' interest in the state's past when political leaders used to apply to historical memory, to analyze what people in Russia think about historical truth, about the ways and the actors of its protection. Under the contemporary political context, when the past and history become tools of political competition, many persons in Russia, for whom the Soviet heritage is the foundation of national identity and family memory, support the idea of the need to protect the socially accepted interpretation of Russian history. In 2020'th the majority of the respondents (37%) claimed the need to react harshly to the distorted interpretation of some events in Russian history when they answered the question "How should Russia react to the false interpretation of certain historical events in some Western countries?". The historical truth is considered by the Russia's citizens as a universal interpretation of historical events, so the majority (48%) claims it is necessary to protect historical memory by the preservation of those interpretations of the historical events, that are admitted by the society. Supporting the idea that historical truth should be protected, Russian citizens rather support harsh political statements and defensive foreign policy discourse than demonstrate real involvement into historical context, their own daily interest in protecting accepted interpretations of the past and personal concern about their correctness. In 2022 less than a third of the respondents (29%) considered the ordinary citizens should protect the historical truth, while the majority claimed the state's leadership (67%), professional historians (49%) and social scientists (38%) should defend national historical memory.

Keywords: history, memory, historical memory, identity, revision of history, memory wars.

REFERENCES

- Achkasov V.A. (2013) «The politics of Memory» as a tool for building post-socialist nations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 16. No. 4(20): 106–123. (In Russ.)
- Achkasov V.A. (2018) National identity as a historical narrative. *Managerial consulting* [Upravlencheskoe konsultirovanie]. No 10: 19–26. (In Russ.)
- Alekseev A. (2008) Family and Historical Memory: Points of Intersection and Gaps (Hypothesis on the Influence of Family Memory on the World's Perception). *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. No. 5: 49–50. (In Russ.)
- Assmann J. (2004) *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Moscow: YaSK. (In Russ.)
- Barash R.E. (2017) Some of the Reasons for "Soviet" Nostalgia and Features of the Historical Memory of Russians about the Soviet Period. *Sotsiologicheskaja nauka i sotsialnaja praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 5. No. 4: 124–151. (In Russ.)
- Becker M. (2018) "History as Argument" as the Poor Relative in Modern Historical-Political Research: State of the Art and a Proposal for a New Approach. In: *History and Politics (Copernicus Graduate School Studies (CGS Studies))*. Ed. by K. Kcka, R. Schattkowsky. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Edelman M. (1977) *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail*. London: Academic Press.

- Efremenko D.V. (2022) Memory as a *casus belli*. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in global politics]. Vol. 20. No. 6. P. 119–141. (In Russ.)
- Gudkov L. (2005) "Memory" of the war and the mass identity of Russians. In: *Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe*. Ed. by M.E. Gabovich. Moscow: NLO: 83–103. (In Russ.)
- Hirsch M. (2021) *The Post-Memory Generation: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New Publishing House.
- Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)*. (2022) Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Historical memory is another space where political problems are solved. (2020) *Russia in Global Affairs*. Vol. 18. No. 1: 59–80. (In Russ.)
- Kasyanov G.V. (2019) *Ukraine and its neighbors: the historical politics. 1987–2018*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Khapaeva D. «Triumphant Memory of the Perpetrators: Putin's Politics of Re-Stalinization». *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. Vol. 49. No. 1: 61–73.
- Koposov N. (2011) *The strict regime memory: history and politics in Russia*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Kurilla I. (2021) History as a Language of Politics. *Novoe proshloe* [The New Past]. No. 1: 104–126. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2018) Paradoxes of modern Russians' perception of Russia during the times of L.I. Brezhnev, B.N. Yeltsin and V.V. Putin. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political studies]. No. 5: 116–133. (In Russ.)
- Letnyakov D.E. (2023) Historical memory of Russian society: towards the construction of an agonistic model. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 32. No. 1: 109–129. (In Russ.)
- Lowenthal D. (2004) *The Past Is a Foreign Country*. St. Petersburg: Russkij Ostrov. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. (2011) The theme of the past in the rhetoric of Russian presidents. *Pro et Contra*. No. 3–4 (52): 106–122. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. (2014) Official rhetoric and the construction of the national past: analysis of the thematic repertoire of memorable speeches of the presidents of the Russian Federation (2000–2013). In: *Power and Elites*. Ed. by A.V. Duka. Vol. 1. St. Petersburg: Inter Socis: 224–246. (In Russ.)
- Mälksoo M. (2015) "Memory Must Be Defended": Beyond the Politics of Mnemonical Security. *Security Dialogue*. Vol. 46. No. 3: 221–237.
- Miller A.I. (2016) The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory. *Politiya* [Polity]. No. 1 (80): 111–112. (In Russ.)
- Nora P. (1984) Entre Mémoire et Histoire. La problématique des lieux. In: *Les lieux de mémoire*. T. 1. Paris: XV–XLII.
- Nora P., Ozuf M. et al. (1999) *France-memory*. St. Petersburg: SPbGU. (In Russ.)
- Past for the present: History-memory and narratives of national identity* (2020). Ed. by L.P. Repina. Moscow: Aquilon. (In Russ.)
- Racinkas R. (2008) Historical Justice for Europe: Why, When And How? In: *Crimes Committed by Totalitarian Regimes*. Ed. by P. Jambrek. Ljubljana: Slovenian Presidency of the Council of the European Union: 13–19.
- Repina L.P. (2021) Symbols of the past and the "meeting of cultures" in the paradigm of the history of memory. In: *Anthropology and ethnology: modern view: collection of articles*. Ed. by A.V. Golovnev, E.-B.M. Guchinova. Moscow: Polit. encyclopedia: 361–373. (In Russ.)
- Yudin G.B., Khlevnyuk D.O. et al. (2017) *What Kind of Past Does the Future of Russia Need? Analytical Report on Sociological Research in the Framework of the Report of the Free Historical Society*. Moscow: KGI. (In Russ.)

Received: 24.04.24. Final version: 28.08.24. Accepted: 04.09.24.

© 2024 г.

Е.А. ЧИЧИНИНА, А.А. ТВАРДОВСКАЯ, А.Н. ВЕРАКСА

АКТИВНОЕ И ПАССИВНОЕ ЭКРАННОЕ ВРЕМЯ ДЕТЕЙ 5–6 ЛЕТ

ЧИЧИНИНА Елена Алексеевна – младший научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (alchichini@gmail.com); ТВАРДОВСКАЯ Алла Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры дошкольного образования Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета; научный сотрудник, Казань, Россия (taa.80@ya.ru); ВЕРАКСА Александр Николаевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; заместитель директора лаборатории, Москва, Россия (veraksa@yandex.ru). Оба – лаборатория психологии детства и цифровой социализации ФНЦ ПМИ.

Аннотация. В статье представлены результаты анкетирования матерей 663 детей 5–6 лет. Показано, что у детей время просмотра видеоконтента почти в два раза больше времени интерактивного использования цифровых устройств для игр, общения и обучения. Также выявлено превышение экранного времени в выходные дни, достигающее трех часов, что на час превышает рекомендованные возрастные нормы. По половому признаку различий не зафиксировано, но обнаружена слабая обратная корреляция экранного времени с уровнем образования матери, а также то, что не более 30% детей разделяют экранное время с родителями.

Ключевые слова: дошкольники • цифровые устройства • экранное время • пассивное экранное время • активное экранное время

DOI: 10.31857/S0132162524090126

Социальная ситуация развития в дошкольном возрасте во многом определяет эмоциональное и когнитивное развитие ребенка [Шишова, 2024]. Важной составляющей социальной ситуации развития современных детей является использование цифровых устройств [Проект и др., 2024]. Дети до 5 лет в основном пользуются цифровыми устройствами под наблюдением родителей, и экранное время детей (время, проведенное перед экранами цифровых устройств, таких как компьютер, телевизор, смартфон, планшет; далее – ЭВ) преимущественно состоит из просмотра видеоконтента. С 5–6-летнего возраста ЭВ возрастает, дети начинают пользоваться цифровыми устройствами самостоятельно, а вариативность цифровой деятельности растет. В связи с этим изучение особенностей ЭВ детей 5–6 лет становится более значимым.

При изучении ЭВ часто рассматривают лишь его продолжительность, однако она не дает представления о том, чем дети занимаются при помощи цифровых устройств. Для того чтобы понимать содержание ЭВ детей, целесообразно рассматривать отдельно

пассивное ЭВ (время просмотра видеоконтента) и активное ЭВ (время интерактивного использования цифровых устройств – например, для видеоигр, общения, образования). Активное ЭВ может способствовать развитию детей, в то время как пассивное ЭВ таким потенциалом практически не обладает и может наносить ущерб развитию [Курганский и др., 2023]. Например, многопользовательские игры со сложными правилами или качественные образовательные приложения выгодно отличаются по своему воздействию на ребенка по сравнению с просмотром видеоконтента [Шакирова, Кузьмин, 2023; Belolutskaia et al., 2023]. Продолжительность и пассивного, и активного ЭВ дошкольников может быть связана со многими факторами: ЭВ родителей, социально-экономическим статусом семьи, полом ребенка, днем недели и др. [Xie et al., 2020; Nikolaeva et al., 2023].

Также важно рассматривать участие членов семьи в ЭВ ребенка [Руднова и др., 2023]. Совместная деятельность со взрослым благоприятна для развития ребенка, в том числе совместная деятельность при помощи цифровых устройств [Veraksa, Veraksa, 2023; Руднова и др., 2024], в то время как самостоятельное использование цифровых устройств ребенком отличается по развивающему потенциалу в худшую сторону [Dore, Zimmermann, 2020]. В периоды совместного ЭВ со взрослым ребенок может задавать вопросы, договариваться о правилах общей активности, учиться новым навыкам. Также совместное ЭВ ребенка и взрослого может способствовать выбору подходящего контента и контролю за продолжительностью.

Цель данного исследования – изучение особенностей ЭВ детей 5–6 лет: продолжительности пассивного и активного ЭВ, ЭВ в будние и выходные дни, половых различий в ЭВ, участия членов семьи в ЭВ ребенка, а также установление связи ЭВ с уровнем дохода семьи и образования матери.

Эмпирическая база исследования. Для сбора данных об ЭВ детей 5–6 лет было проведено онлайн-анкетирование матерей детей, посещающих муниципальные детские сады. Анкетирование проводилось весной 2023 г. Родителям в мессенджерах отправлялась ссылка на анкеты в родительских чатах детского сада. Перед началом исследования респонденты давали информированное согласие на участие. Заполнение анкеты занимало около 10 мин. В исследовании использовались только полностью заполненные анкеты. Анкета была разработана на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова в 2019 г.

Опыт проведения анкетирования можно считать позитивным, так как многие матери согласились принять участие в исследовании. Важным ограничением является то, что представления родителей об ЭВ детей могут быть неточными.

Выборку исследования составили 663 ребенка 5–6 лет ($M = 70,4$ мес., $SD = 4,5$ мес.) из Казани ($N = 105$, из них 50,5% девочки) и Москвы ($N = 558$, из них 49,6% девочки). Выборка не является статистически репрезентативной для генеральной совокупности дошкольников России, так как дети опрошенных родителей проживают в крупных городах, большинство из семей со средним уровнем дохода (в Казани – 87,6%, в Москве – 78,3%) и выше среднего (в Казани – 10,5%, в Москве – 19,3%), а их матери имеют высокий уровень образования (в Казани – 76,2% с высшим, 2,9% – кандидаты или доктора наук, в Москве – 83,5 и 5,8% соответственно; в Казани – 21% со средним профессиональным, в Москве – 8,2%). Однако характер выборки позволяет получить данные, необходимые для описания тенденций в ЭВ детей 5–6 лет, проживающих в крупных городах.

Результаты. На основе ответов матерей на вопросы анкеты об ЭВ в обычный и выходной дни было посчитано пассивное и активное недельное ЭВ в минутах. При помощи критерия Шапиро – Уилка показано, что значения переменных, описывающих ЭВ детей, не распределены нормально, поэтому были использованы статистические методы, не чувствительные к отклонениям от нормальности.

Для установления различий в ЭВ между мальчиками и девочками, проживающими в Казани и Москве, был сделан двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Не обнаружен эффект воздействия на пассивное ЭВ ни города проживания ($F(1, 657) = [0,006]$; $p = 0,94$), ни взаимодействия факторов города и пола ($F(1, 657) = [1,229]$; $p = 0,27$),

Рис. 1. ЭВ детей 5–6 лет, в зависимости от города проживания, года и дня недели (мин. в день).

Рис. 2. ЭВ детей 5–6 лет, в зависимости от пола и города проживания (мин. в неделю).

ни пола ($F(1, 657) = [0,137]$; $p = 0,71$). Также для активного ЭВ: нет эффекта ни города проживания ($F(1, 644) = [0,002]$; $p = 0,97$), ни взаимодействия факторов города и пола ($F(1, 644) = [0,059]$; $p = 0,81$), ни пола ($F(1, 644) = [2,614]$; $p = 0,11$). То есть нет различий между мальчиками и девочками по ЭВ (рис. 1). В ряде исследований приводятся данные о том, что у мальчиков дошкольного возраста ЭВ больше, чем у девочек [Xie et al., 2020]. Однако есть исследования [Tun et al., 2021], в которых, как и в данном исследовании, половые различия в ЭВ дошкольников не обнаружены. Также показано, что нет различий в ЭВ между Казанью и Москвой, поэтому далее дети из обоих городов рассматриваются как общая выборка.

При помощи критерия Фридмана для связанных выборок показано, что пассивное ЭВ было примерно в два раза больше активного ($M = 610$ мин. в неделю, $SD = 387$, $M = 297$ мин. в неделю, $SD = 373$ соответственно; $\chi^2(1) = 304$, $p < 0,01$) (см. рис. 2). Этот результат согласуется с результатами других исследований [Gath et al., 2023]. Преобладание пассивного ЭВ у дошкольников, видимо, связано с тем, что это наиболее простой и доступный вид ЭВ. Навыком просмотра видеоконтента дошкольник легко может овладеть без помощи взрослых, в отличие от, например, установки и использования различных образовательных или творческих приложений. Однако в случае пассивного ЭВ труднее, чем в случае активного, соблюсти условия, которые делают ЭВ благоприятным

Таблица

Сравнение ЭВ в будние и выходные дни

	День недели	М, мин. в день	SD, мин. в день	Критерий Фридмана	
				χ^2	p
Пассивное ЭВ	Будний	71	52	464	<0,01
	Выходной	129	79		
Активное ЭВ	Будний	25	38	273	<0,01
	Выходной	50	62		

для развития ребенка: ЭВ в пределах дневных норм, соответствие контента возрастным ограничениям, общение с людьми в процессе ЭВ [McNeill et al., 2021].

При помощи критерия Фридмана для связанных выборок показано, что ЭВ в выходные дни было почти в 2 раза больше, чем в будние (табл.). В других исследованиях получены аналогичные результаты [Gath et al., 2023]. Это можно объяснить тем, что в выходные дни у детей больше свободного от детского сада и дополнительных занятий времени. Согласно рекомендациям ВОЗ, ЭВ детей 5–6 лет не должно превышать двух часов в день, при этом указывается, что чем меньше ЭВ, тем лучше для развития дошкольников [World Health Organization, 2019]. ЭВ в выходные дни косвенно отражает, как родители проводят время вместе с детьми. Превышение норм по ЭВ в выходные дни может свидетельствовать о том, что в эти дни родители уделяют недостаточно внимания двигательной активности дошкольников, детского-родительскому общению и игре [Gath et al., 2023]. ЭВ детей дошкольного возраста коррелирует с ЭВ их родителей [Radesky et al., 2015], то есть можно предположить, что в выходные сами родители проводят значительную часть дня перед экраном.

При помощи коэффициента корреляции Пирсона обнаружена слабая отрицательная корреляция уровня дохода семьи с пассивным ЭВ ($r = -0,113$; $p = 0,01$), а также слабая отрицательная корреляция уровня образования матери с пассивным ЭВ ($r = -0,137$; $p < 0,01$) и активным ЭВ ($r = -0,136$; $p < 0,01$). Связь ЭВ с уровнем дохода семьи и образования матери показана также в других исследованиях [Xie et al., 2020]. В данном исследовании более выражена связь с образованием матери. Она может быть объяснена тем, что родители с более высоким уровнем образования чаще склонны считать эмоциональную близость с детьми ценной [Бухаленкова и др., 2021], а значит, более мотивированы уделять внимание общению с детьми, что уменьшает ЭВ детей. Также более образованные родители чаще склонны контролировать и ограничивать ЭВ детей, и сами меньше используют цифровые устройства при детях, тем самым подавая им пример [Määttä et al., 2017].

Пассивное ЭВ 25% детей проводят одни, 45% – с братьями и сестрами и 30% – с родителями; активное ЭВ соответственно: 37, 43 и 30%. То есть более 70% детей 5–6 лет проводят ЭВ без родителей, хотя дети в этом возрасте еще не в состоянии самостоятельно организовать для себя оптимальное ЭВ. Совместное ЭВ с братьями и сестрами оказалось наиболее популярно. Хотя оно часто не подразумевает общения, но является более благоприятным для развития дошкольника, так как детям так или иначе нужно выстраивать договоренности и задействовать саморегуляцию [Bukhalenkova et al., 2023]. Однако возможностей приобщения к культуре через общение в данном случае меньше, чем при совместном ЭВ с родителем.

Не было различий между мальчиками и девочками по тому, с кем дети проводили пассивное ЭВ ($\chi^2(2, 571) = 0,263$; $p = 0,88$), но были для активного ЭВ ($\chi^2(2, 435) = 6,88$; $p = 0,03$). Так, активное ЭВ проводили с родителями 26% мальчиков и 15% девочек; с братьями и сестрами – 39 и 46% соответственно; одни – 35 и 39%. То есть родители разделяли активное ЭВ с мальчиками чаще, чем с девочками, что может быть связано с тем, что с мальчиками дошкольного возраста родители играют чаще, в том числе в видеоигры [Собкин, Скобельщина, 2011].

* * *

В результате проведенного исследования показано, что в 2023 г. в выходные дни экранное время детей 5–6 лет составило около 3 часов, а в будние – 1,5 часа. Длительность пассивного ЭВ была почти в два раза больше длительности активного ЭВ. Не более чем у 30% детей родители участвовали в ЭВ, что говорит о недостаточной включенности родителей в ЭВ детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бухаленкова Д.А., Веракса А.Н. и др. Роль уровня образования российских родителей в формировании интуитивных теорий воспитания детей // Образование и саморазвитие. 2021. № 16(1). С. 82–92.
- Курганский А.М., Гурьянова М.П., Храмцов П.И. Медицинские и социально-педагогические риски использования детьми младшего школьного возраста цифровых устройств: эмпирическое исследование // Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2023. № 20(3). С. 501–525. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-3-501-525.
- Проект Ю.Л., Спасская Е.Б. и др. Оценка влияния использования мобильных устройств на образовательные результаты школьников: мета-анализ второго порядка // Российский психологический журнал. 2024. № 21(2). С. 35–59. DOI: 10.21702/rpj.2024.2.3.
- Руднова А.Н., Корниенко Д.С. и др. Родительские убеждения как фактор когнитивного и социально-эмоционального развития ребенка. Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 2024. № 47(2). С. 134–152. DOI: 10.11621/LPJ-24-18.
- Руднова Н.А., Корниенко Д.С. и др. Цифровая родительская медиация и ее связь с показателями психологического благополучия детей школьного возраста // Наука телевидения. 2023. № 19(1). С. 175–198. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198.
- Собкин В.С., Скобельцина К.Н. Игровые предпочтения современных дошкольников (по материалам опроса родителей) // Психологическая наука и образование. 2011. № 16(2). С. 56–67.
- Шакирова Е.В., Кузьмин С.В. Понимание воспитателями значения электронных средств обучения в образовательной деятельности дошкольников: угроза общению или возможность для развития? // Современное дошкольное образование. 2023. № 2(116). С. 44–53. DOI: 10.24412/2782-4519-2023-2116-44-53.
- Шишова Е.О. Влияние профессионального мастерства и личностных особенностей педагога на психическое развитие ребенка в разных типах образовательной среды // Национальный психологический журнал. 2024. № 19(1). С. 197–207. DOI: 10.11621/npj.2024.0114.
- Belolutskaia A., Vachkova S., Patarakin E. The Connection of the Digital Learning Component with the Development of Preschool and School-age Children: A Review of Research and International Educational Practices // Education and Self Development. 2023. No. 18(2). P. 37–55. DOI: 10.26907/esd.18.2.04.
- Bukhalenkova D.A., Chichinina E.A., Almazova O.V. How Does Joint Media Engagement Affect the Development of Executive Functions in 5- to 7-years-old Children? // Psychology in Russia: State of the Art. 2023. No. 16(4). P. 109–127. DOI: 10.11621/pir.2023.0407.
- Dore R.A., Zimmermann L. Coviewing, scaffolding, and children's media comprehension // The International Encyclopedia of Media Psychology. 2020. No. 9. P. 139–145. DOI: 10.1002/9781119011071.iemp0233.
- Gath M., McNeill B., Gillon G. Preschoolers' screen time and reduced opportunities for quality interaction: Associations with language development and parent-child closeness // Current Research in Behavioral Sciences. 2023. No. 5. P. 100140. DOI: 10.1016/j.crbeha.2023.100140.
- Guidelines on physical activity, sedentary behaviour and sleep for children under 5 years of age. World Health Organization, 2019. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/311664> (дата обращения: 18.04.2024).
- McNeill J., Howard S.J. et al. Cross-Sectional Associations of Application Use and Media Program Viewing with Cognitive and Psychosocial Development in Preschoolers // International journal of environmental research and public health. 2021. No. 18(4). P. 1608. DOI: 10.3390/ijerph18041608.
- Nikolaeva E.I., Kalabina I.A. et al. Ground Rules for Preschooler Exposure to the Digital Environment: A Review of Studies // Psychology in Russia: State of the Art. 2023. No. 16(4). P. 37–54. DOI: 10.11621/pir.2023.0403.
- Radesky J., Miller A.L. et al. Maternal mobile device use during a structured parent-child interaction task // Acad Pediatr. 2015. No. 15(2). P. 238–244. DOI: 10.1016/j.acap.2014.10.001.

- Tun J.E., Arshat Z., Ismailet N. Sex Differences in Screen Time and Playfulness among Chinese Preschool Children // *Turkish Journal of Computer and Mathematics Education (TURCOMAT)*. 2021. No. 12(10). P. 4293–4297.
- Veraksa A.N., Veraksa N.E. The Interconnection of Metacognition and Executive Functions in Childhood: A Cultural-Historical Perspective // *New Ideas in Child and Educational Psychology*. 2023. No. 3(3–4). P. 43–65. DOI: 10.11621/nicep.2023.0503.
- Xie G., Deng Q. et al. Digital screen time and its effect on preschoolers' behavior in China: results from a cross-sectional study // *Ital J Pediatr*. 2020. No. 46(1). P. 9. DOI: 10.1186/s13052-020-0776-x.

Статья поступила: 07.05.24. Финальная версия: 22.08.24. Принята к публикации: 06.09.24.

ACTIVE AND PASSIVE SCREEN TIME FOR CHILDREN AGED 5–6

CHICHININA E.A.*, TVARDOVSKAYA A.A.****, VERAкса A.N.****

*Lomonosov MSU, Russia; **Kazan Federal University, Russia; ***FSC PMR, Russia

Elena A. CHICHININA, Junior Researcher, Psychology of Education and Pedagogy Department, Faculty of Psychology, Lomonosov MSU, Moscow, Russia (alchichini@gmail.com); Alla A. TVARDOVSKAYA, Cand. Sci. (Psy), Assoc. Prof. of the Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University; Researcher, Kazan, Russia (taa.80@ya.ru); Aleksander N. VERAкса, Dr. Sci. (Psy.), Prof., Head of Department, Psychology of Education and Pedagogy Department, Faculty of Psychology, Lomonosov MSU; Deputy Director, Moscow, Russia (veraksa@yandex.ru). Both – Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization of FSC PMR.

Abstract. The social situation of development largely determines the cognitive and emotional development of a child. The use of digital devices is an important part of the social situation in development of modern preschool children. By the age of 5–6, children start using digital devices independently and in various modes highlighting importance of understanding their usage patterns. A questionnaire was administered to mothers of 663 5–6-year-old children to investigate this topic. It is shown that passive screen time (time spent watching video content) is almost twice as long as active screen (time spent interactively using digital devices, for example, for videogames, communication, learning, creating). It is also shown that screen time on weekends is twice as much as on weekdays. Weekend screen time reaches three hours exceeds age norms by one hour, indicating insufficient engagement in physical activities, non-digital games, and interpersonal communication. There was no difference in screen time between boys and girls. Screen time is shown to be inversely correlated with maternal education level. It is found that less than 30% of children engage in screen time with their parents.

Keywords: preschool children, digital devices, screen time, passive screen time, active screen time.

REFERENCES

- Belolutskaya A., Vachkova S., Patarakin E. (2023) The Connection of the Digital Learning Component with the Development of Preschool and School-age Children: A Review of Research and International Educational Practices. *Education and Self Development*. No. 18(2): 37–55. DOI: 10.26907/esd.18.2.04.
- Bukhalenkova D.A., Chichinina E.A., Almazova O.V. (2023) How Does Joint Media Engagement Affect the Development of Executive Functions in 5- to-7 years-old Children? *Psychology in Russia: State of the Art*. 16(4): 109–127. DOI: 10.11621/pir.2023.0407.
- Bukhalenkova D.A., Veraksa A.N., Gavrilova M.N., Kartushina N.A. (2021) The role of Russian parents' education in developing intuitive theories of parenting. *Obrazovanie i samorazvitie* [Education and Self Development]. No. 16(1): 82–92. (In Russ.)
- Dore R.A., Zimmermann L. (2020) Coviewing, scaffolding, and children's media comprehension. *The International Encyclopedia of Media Psychology*. No. 9: 139–145. DOI: 10.1002/9781119011071.iemp0233.
- Gath M., McNeill B., Gillon G. (2023) Preschoolers' screen time and reduced opportunities for quality interaction: Associations with language development and parent-child closeness. *Current Research in Behavioral Sciences*. No.5: 100140. DOI: 10.1016/j.crbeha.2023.100140.
- Guidelines on physical activity, sedentary behaviour and sleep for children under 5 years of age.* (2019) World Health Organization URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/311664> (accessed 05.05.2024).
- Kurgansky A.M., Guryanova M.P., Khramtsov P.I. (2023) Medical and Socio-Pedagogical Risks of Primary School Children Using Digital Devices: An Empirical Study. *Vestnik RUDN. Ser. Psikhologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]. Vol. 20(3): 501–525. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-3-501-525. (In Russ.)

- McNeill J., Howard S.J. et al. (2021) Cross-Sectional Associations of Application Use and Media Program Viewing with Cognitive and Psychosocial Development in Preschoolers. *International journal of environmental research and public health*. No. 18(4): 1608. DOI: 10.3390/ijerph18041608.
- Nikolaeva E.I., Kalabina I.A. et al. (2023) Ground Rules for Preschooler Exposure to the Digital Environment: A Review of Studies. *Psychology in Russia: State of the Art*. No. 16(4): 37–54. DOI: 10.11621/pir.2023.0403.
- Proekt Yu.L., Spasskaya E.B. et al. (2024) Assessing the impact of using mobile devices on school students' educational outcomes: A second-order meta-analysis. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal]. No. 21(2): 35–59. DOI: 10.21702/rpj.2024.2.3. (In Russ.)
- Radesky J., Miller A.L. et al. (2015) Maternal mobile device use during a structured parent-child interaction task. *Acad Pediatr*. 15(2): 238–244. DOI: 10.1016/j.acap.2014.10.001.
- Rudnova N.A., Kornienko D.S. et al. (2023) Parental Digital Mediation and Its Association with the Psychological Well-Being in School-Age Children. *Nauka televidenya* [The Art and Science of Television]. No. 19(1): 175–198. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198. (In Russ.)
- Rudnova N.A., Kornienko D.S. et al. (2024) Parental Beliefs as a Factor in the Cognitive and Socio-Emotional Development of the Child. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 14. Psikhologiya* [Lomonosov Psychology Journal]. No. 47(2): 134–152. DOI: 10.11621/LPJ-24-18. (In Russ.)
- Shakirova E.V., Kuzmin S.V. (2023) Understanding by educators the importance of electronic learning tools in the educational activities of preschoolers: a threat to communication or an opportunity for development? *Sovremennoe doskol'noe obrazovanie* [Preschool Education Today]. No. 2(16): 44–53. DOI: 10.24412/2782-4519-2023-2116-44-53. (In Russ.)
- Shishova E.O. (2024) Influence of professional skill and personal characteristics of a teacher on the mental development of a child in different types of educational environment. *Nacional'nyj psikhologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 19(1): 197–207. DOI: 10.11621/npj.2024.0114. (In Russ.)
- Sobkin V.S., Skobel'tsina K.N. (2011) Game preferences of modern preschoolers (based on a survey of parents). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. No. 16(2): 56–67. (In Russ.)
- Tun J.E., Arshat Z., Ismaile N. (2021) Sex Differences in Screen Time and Playfulness among Chinese Preschool Children. *Turkish Journal of Computer and Mathematics Education (TURCOMAT)*. No. 12(10): 4293–4297.
- Veraksa A.N., Veraksa N.E. (2023) The Interconnection of Metacognition and Executive Functions in Childhood: A Cultural-Historical Perspective. *New Ideas in Child and Educational Psychology*. No. 3(3–4): 43–65. DOI: 10.11621/nicep.2023.0503.
- Xie G., Deng Q. et al. (2020) Digital screen time and its effect on preschoolers' behavior in China: results from a cross-sectional study. *Ital J Pediatr*. No. 46(1): 9. DOI: 10.1186/s13052-020-0776-x.

Received: 07.05.24. Final version: 22.08.24. Accepted: 06.09.24.

Ю.И. ЖЕГУСОВ, Т.Х. МАКСИМОВ

ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ ВЛИЯНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ КЛИМАТА НА УСЛОВИЯ ЖИЗНИ В ХОЛОДНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

ЖЕГУСОВ Юрий Иннокентьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник (sociolog_ykt@mail.ru); МАКСИМОВ Трофим Христофорович – доктор биологических наук, главный научный сотрудник (tctmax@mail.ru). Оба – Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН, Якутск, Россия.

Аннотация. Особенности восприятия жителями Республики Саха (Якутия) изменений в местном климате и природной среде анализируются на основе результатов социологического исследования, проведенного в августе – октябре 2023 г. Жители республики замечают такие существенные изменения в климате, как смещение наступления сезонов времен года, изменения в температуре воздуха, уровне осадков, ветренности. Население обеспокоено частотой интенсивности природных явлений, вызванных климатическими изменениями. Местные жители также замечают появление не типичных для региона видов птиц, насекомых, растений, животных и рыб. Преобладают негативные оценки влияния изменений в климате на традиционное сельское хозяйство в Якутии.

Ключевые слова: изменение климата • население Республики Саха (Якутия) • восприятие изменений климата • оценка климатических условий жизни

DOI: 10.31857/S0132162524090139

Климатические условия и состояние природной среды оказывают непосредственное влияние на качество жизни человека. Изменения климата и, как следствие, окружающей среды способны породить социальные и экономические проблемы. К примеру, таяние вечной мерзлоты приводит к разрушению зданий, дорог и объектов критической инфраструктуры, что обуславливает возрастание затрат на их содержание и ремонт [Streletskiy et al., 2019; Hjort et al., 2022]. Резкие перепады температур, волны жары и холода ухудшают здоровье и повышают смертность населения [Шапошников, Ревич, 2023]. Потепление климата и погодные аномалии влияют на условия ведения сельского хозяйства, традиционные виды хозяйствования [Жожилов и др., 2023]. Климатические изменения провоцируют разрушительные наводнения и лесные пожары, приводящие к значительным материальным потерям [Боякова и др., 2023]. Социологическое изучение влияния изменения климата на условия жизни населения приобретает все большую актуальность. Оно необходимо для определения степени социальной осведомленности и чувствительности в отношении происходящих изменений в природе, для выявления тематики социальных проблем, ассоциированных с климатом, что может помочь разработать и реализовать эффективные меры адаптации к изменениям климата.

Для оценки особенностей восприятия и отношения жителей Якутии к изменениям климата авторами использованы результаты социологического исследования, проведенного Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН в августе – октябре 2023 г.¹

Исследование проведено в рамках госзадания Минобрнауки России по проекту FWRS-2021-0024 (рук. Т.Х. Максимов).

¹ Выборка квотная, квотирование производилось по полу, возрасту и типу поселения (город, село), N = 1157. Объем генеральной совокупности 997 565 чел. Методом сбора данных был

Восприятие изменений климата. Исследование показало высокий уровень осведомленности и знаний об изменениях в климате. 93,9% опрошенных якутян согласны с утверждением, что «сейчас происходят изменения в климате»; не согласны 2,7% респондентов и 3,4% затруднились с ответом. Оценивают свои знания об изменениях климата как «знаю хорошо и много» 31,3% опрошенных, «знаю посредственно» – 47,2%, «знаю мало, недостаточно» – 19,7% и «совсем не знаю об этом» – 1,8%.

Респонденты отмечают изменение продолжительности зимы. Более половины считают, что зима начинается позже (табл. 1). Действительно, в Якутии наступление морозов (от -30 до -40°C и ниже) за последние десятилетия сместилось с начала ноября к середине либо концу декабря. Метеорологические данные показывают устойчивые тренды к повышению среднемесячных температур в зимние месяцы (рис. 1). О сроках окончания зимы у респондентов нет четкого мнения, как и о начале наступления лета. Тем не менее более половины респондентов полагают, что лето стало более продолжительным. Выявлены различия в восприятии изменений продолжительности зимы и лета у респондентов молодого и старшего возраста. Респонденты старших возрастных групп чаще отмечают сдвиги в начале и окончании погодных сезонов по сравнению с респондентами среднего и молодого возраста (табл. 1).

Население региона отмечает изменение погодных явлений, особенно в летний и зимний периоды. В аналогичном исследовании² 2016 г. жители региона были склонны чаще говорить о потеплении зимы и похолодании лета [Анисимов и др., 2017: 570]. В 2023 г. мнения почти диаметрально изменились. Число респондентов, считающих, что зимы стали теплыми, сократилось с 70,0 до 43,9% и доля тех, кто отмечает понижение зимних температур, увеличилась с 16,3 до 44,8% (табл. 2).

Произошли изменения в восприятии объема зимних и летних осадков. Если в 2016 г. было распространено мнение о том, что зимы становятся малоснежными, то в 2023 г.

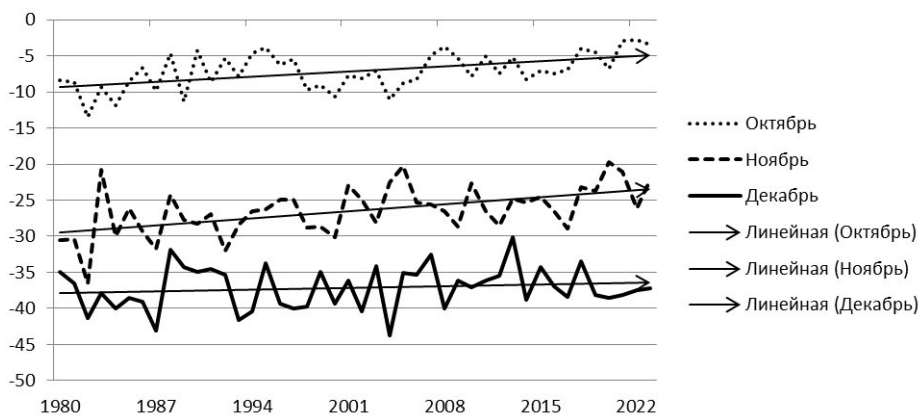

Рис. 1. Среднемесячная температура воздуха в г. Якутск в октябре, ноябре и декабре с 1980 по 2023 г.

Источник: Справочно-информационный портал «Погода и климат». URL: <http://www.pogodaiklimat.ru/history/24959.htm> (дата обращения: 10.08.2024).

анонимный сетевой опрос, с использованием онлайн-инструмента Google Forms. Данные опроса были перенесены и обработаны в IBM SPSS26. Искажения социально-демографических квот скорректированы при помощи программного синтаксиса IBM SPSS26.

² Социологический опрос проводился сотрудниками Государственного гидрологического института (Санкт-Петербург) Было опрошено 400 респондентов в Республике Саха (Якутия) по квотной репрезентативной выборке.

Таблица 1

Восприятие изменений продолжительности зимнего и летнего периодов, % по строке

Возраст	Зима						Лето					
	начинается			заканчивается			начинается			заканчивается		
	«-»	«0»	«+»	«-»	«0»	«+»	«-»	«0»	«+»	«-»	«0»	«+»
18–29	23,2	18,8	58,0	22,3	33,0	44,6	34,8	33,0	32,1	44,1	24,3	31,5
30–39	21,2	26,0	52,9	32,7	24,0	43,3	33,7	18,3	48,1	40,4	19,2	40,4
40–49	17,2	23,6	59,1	33,5	26,1	40,4	35,1	22,3	42,6	37,9	19,2	42,9
50–59	12,4	12,7	74,9	44,6	21,8	33,6	39,7	22,6	37,7	25,0	13,7	61,3
60+	11,6	13,9	74,5	44,2	24,0	31,8	40,4	19,6	40,0	20,0	14,5	65,4
Всего	14,9	17,1	68,0	38,8	24,9	36,3	37,9	22,3	39,8	28,8	16,8	54,4

Примечание. Меткой «-» обозначены ответы «раньше»; «0» – «не меняется»; «+» «позже»

Таблица 2

Оценка изменений погодных явлений, в %

Сезон	Характеристика	Оценка изменений*					
		«-»		«0»		«+»	
		2016	2023	2016	2023	2016	2023
Зима	Температура воздуха	16,3	44,8	11,3	11,4	70,0	43,9
	Осадки, толщина снега	43,3	20,2	36,2	21,2	18,3	58,6
	Ветер зимой	17,5	8,5	37,7	28,8	41,5	62,7
	Перепады температур	12,5	9,0	23,7	24,2	60,5	66,8
Лето	Температура воздуха	47,8	28,6	24,0	10,8	26,7	60,6
	Осадки, дождь	24,9	43,0	33,8	15,9	38,9	40,6
	Ветер летом	9,2	12,9	52,2	23,8	36,6	63,4
	Перепады температур	10,5	11,0	39,5	17,5	48,4	72,0

Примечание. Меткой «-» здесь и в табл. 3 обозначены ответы «понижается», «уменьшаются», «сокращаются»; «0» – не меняются; «+» «повышается», «увеличиваются», «усиливаются».

на 40,3% выросла доля тех, кто считает, что «снегопада становится больше, растет толщина снега». Оценка изменений летних осадков в 2023 г. стала более противоречивой: практически одинаковая доля респондентов отмечает как увеличение, так и сокращение дождей. В исследовании 2016 г. респонденты склонялись к мнению, что осадки летом либо увеличились, либо не изменились. Более однородны оценки изменения силы ветра – значительно выросло число респондентов, считающих, что ветер усиливается и зимой, и летом; как более частое явление отмечаются перепады температур.

Климатические изменения вызывают или усиливают особые природные явления. Резкое потепление зимой провоцирует распространение болезнетворных бактерий и вирусов, а быстрое похолодание, следующее за потеплением погоды, приводит к образованию ледяной корки на дорогах, что также является причиной ДТП и травм от падений (табл. 3). Более трети опрошенных замечают сокращение ледового периода для рек Якутии, что означает снижение пропускной способности дорог-зимников, проложенных на реках. В регионе с неразвитой дорожной инфраструктурой позднее открытие и раннее закрытие автодорог-зимников ведет к повышению цен на транспортные перевозки и товары.

Таблица 3

Оценка природных явлений, связанных с климатическими изменениями, в %

Характеристика	Оценка изменений		
	«-»	«0»	«+»
<i>Зимний период</i>			
Заболееваемость ОРВИ, гриппом	3,3	23,1	73,5
Гололед на дорогах	2,4	23,5	74,1
Полярная ночь в Арктике	34,8	47,7	17,5
Ледовый период на реках	40,9	42,6	16,4
<i>Летний период</i>			
Природные пожары	4,5	9,3	86,2
Оттаивание многолетней мерзлоты	7,7	11,6	80,7
Разрушение дорог	10,7	13,4	75,9
Количество насекомых, комаров	18,6	24,2	57,2

Самыми значимыми природными явлениями, связанными с изменениями климата в летнее время, стали взаимосвязанные между собой природные пожары, оттаивание вечной мерзлоты и разрушение дорог. Природные пожары уничтожают лес, защищающий мерзлоту от оттаивания. Деградация мерзлоты деформирует ландшафт, разрушает инфраструктуру, в том числе и дороги. Это вызывает беспокойство у жителей региона.

Более половины респондентов отмечают увеличение количества насекомых и комаров. Увеличение количества кровососущих насекомых существенно ухудшает условия труда и отдыха жителей Якутии, наносит урон традиционному сельскому хозяйству. Обилие насекомых приводит к снижению надоев коров, гибели домашних оленей.

Восприятие изменений в животном и растительном мире. Одним из признаков изменений климата является появление не типичных для Якутии представителей флоры и фауны. Респонденты чаще всего замечают появление новых видов птиц и насекомых; они являются первыми предвестниками изменения природной среды под влиянием глобального потепления из-за способности быстрого перемещения. По сравнению с этими представителями фауны гораздо реже упоминаются появление новых видов растений, животных и рыб (рис. 2).

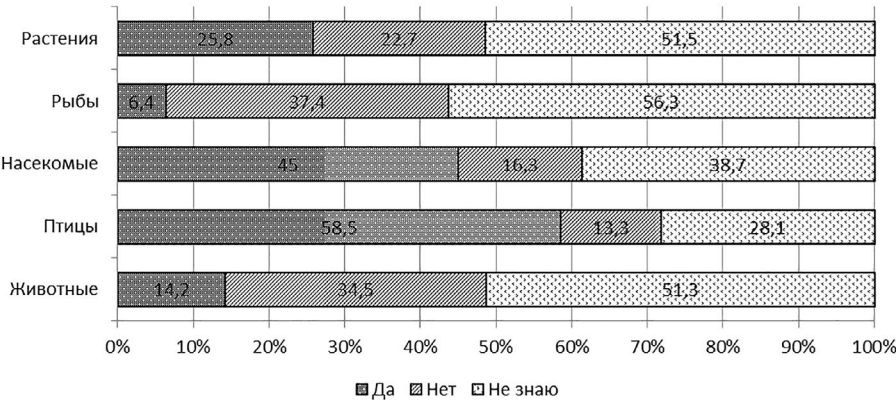

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Появились ли у вас новые, не типичные для вашего региона (района) виды животных, птиц, насекомых, рыб и растений?», % ответивших

Жители отмечают изменения в поведении местных представителей животного мира. К примеру, рост количества хищников и расширение ареала их обитания приводит к участию в контактах с человеком и нападениям на домашних животных. Растет число случаев, когда дикие животные – лоси, косули, зайцы – заходят на территорию населенных пунктов, спасаясь от хищников. Наблюдается тенденция появления таежных птиц в селах и городах, которые прежде обитали далеко от жилищ человека. Часто упоминается появление гадюк, прежде обитавших только в южной части Якутии. Пересаженные в декоративных целях во дворах новые растения из южных регионов успешно адаптируются и начинают распространяться естественным путем, например, боярышник, рябина, бузина.

Появление новых для Якутии представителей флоры и фауны воспринимается местными жителями в основном негативно. Появление сибирского шелкопряда привело к гибели больших участков леса, где в результате оттаивания мерзлоты произошло обводнение и заболачивание местности. Расширение ареала обитания клеща угрожает здоровью населения [Владимиров и др., 2022]. Так, с 2007 по 2023 г.³ количество зарегистрированных укусов клещами в Якутии выросло в 20 раз (с 28 до 564 случаев). Появление новых насекомых-вредителей негативно влияет на урожаи огородов в подсобных хозяйствах.

Респонденты считают, что для региона новые виды птиц также являются источником проблем. Стаи скворцов быстро уничтожают урожаи ягодных культур (боярышник, красная и черная смородина и др.) в дачных и подсобных хозяйствах. Владельцы огородов отмечают появление новых видов трудно выводимых растений-сорняков и насекомых-вредителей. Зафиксированы случаи гибели крупного рогатого скота от ядовитых растений, которые стали расти на местах выпаса.

Оценка влияния изменений климата на традиционное сельское хозяйство. Изменение климата в последнее время стало оказывать значительное влияние на традиционное сельское хозяйство Якутии. Большинство жителей региона не согласны с мнением, что потепление климата должно улучшить условия для ведения сельского хозяйства в холодных регионах. Относительно всех перечисленных видов традиционного хозяйствования доля негативных оценок влияния изменения климата в разы превышает положительные оценки (рис. 3). Участвовавшие погодные аномалии: последствия таяния мерзлоты, пожары, постепенное изменение

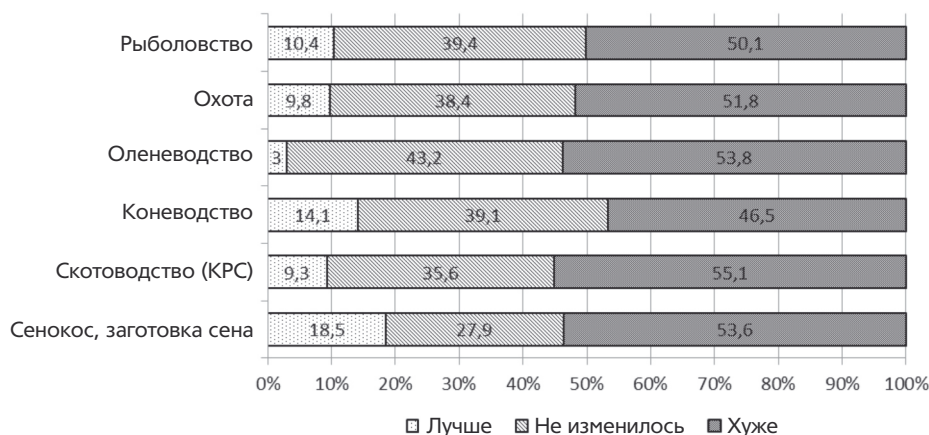

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как изменились климатические условия в местах вашего проживания для занятия традиционным сельским хозяйством?», % ответивших

³ Осень – время вакцинации против клещевого энцефалита / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Саха (Якутия). URL: https://14.rospotrebnadzor.ru/content/1237/165097/?sphrase_id=144438 (дата обращения: 10.08.2024).

природной среды влияют на традиционное сельское хозяйство. Многие жители Якутии отмечают, что народные приметы прогноза погоды не работают. Если раньше по этим приметам могли планировать и регулировать сельскохозяйственные работы, сейчас это становится невозможным. Как отмечали во время интервью старожилы, в былые времена существовал определенный порядок погодных явлений, например, был более предсказуемым ритм чередования дождей и солнечных дней, по которым выстраивался порядок сенокосных работ. Оленеводы арктических районов по определенным признакам предсказывали начало пурги, которая длилась, как правило, три дня и всегда приносила после себя потепление. Respondенты отмечают, что теперь пурга может длиться до 10 дней при сорокоградусных морозах.

На климатические условия для занятий охотой и рыбалкой влияют изменения водного режима рек и озер, изменение сроков нереста и сезонной миграции рыб, изменение ареалов и путей миграции промысловых животных и птиц. В летнее время аномалии мешают проведению сенокосных работ, увеличение количества кровососущих насекомых ухудшают здоровье крупного рогатого скота, лошадей и оленей. Затянувшаяся осень и поздние дожди с заморозками приводят к образованию ледяной корки, препятствующей добыванию якутской лошадей корма из-под снега в зимнее время. Смещение сезонов мешает оленеводам перекусывать на сезонные пастбища.

Заключение. Население Республики Саха (Якутия) становится более восприимчивым к климатическим изменениям; наиболее отчетливо ощущаются сдвиги в наступлении климатических сезонов, уровне и колебаниях температуры воздуха, осадках и ветренности. Беспокойство вызывают природные пожары, таяние вечной мерзлоты, разрушение дорог, рост количества комаров в летнее время и увеличение заболеваемости ОРВИ и гриппом, гололеда на дорогах зимой. Жители Якутии отмечают появление новых для региона представителей флоры и фауны, которые также начинают влиять на местную природу и условия жизни. В общественном мнении якутян преобладают негативные оценки влияния изменений в климате на традиционное сельское хозяйство в Якутии, участвовавших погодных аномалий, природных пожаров и деградации весной мерзлоты, отмечаются нарушения предсказуемости порядка сезонных метеорологических явлений.

Данное исследование опирается только на субъективное мнение жителей Якутии о происходящих изменениях в климате, что может в некоторых случаях не совпадать с инструментальными климатологическими измерениями. Очевидно, что климатическая память и органы чувств человека не могут быть абсолютно точными, как приборы, фиксирующие метеорологические явления. Из этого следует, что исследования воздействия климатических изменений на социум должны быть междисциплинарными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов О.А., Жильцова Е.Л., Жегусов Ю.И. Общественное восприятие изменения климата в холодных регионах России: пример Якутии // Лёд и Снег. 2017. Т. 57. № 4. С. 565–574. DOI: 10.15356/2076-6734-2017-4-565-574.
- Боякова С.И., Филиппова В.В., Винокурова Л.И. Арктические улусы Якутии в условиях природных чрезвычайных ситуаций: социальные вызовы и опыт противостояния // Вопросы безопасности. 2023. № 1. С. 19–31. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.1.39648.
- Владимиров Л.Н., Мачахтыров Г.Н. и др. Анализ и прогнозирование влияния изменений климата на традиционную отрасль Арктического севера // Ветеринария и кормление. 2022. № 3. С. 16–21.
- Жожилов А.В., Алексеева Е.К. и др. Влияние изменения климата на традиционные виды природопользования коренных жителей Республики Саха (Якутия) // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12(138). URL: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.188> (дата обращения: 10.08.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.188.
- Шапошников Д.А., Ревич Б.А. Оценка зависимости избыточной смертности населения в городах Арктического макрорегиона от температурных волн // Экология человека. 2023. Т. 30. № 4. С. 287–300. DOI: 10.17816/humeco111013.

- Hjort J., Streletskiy D. et al. Impacts of permafrost degradation on infrastructure // *Nature Reviews Earth & Environment*. 2022. Vol. 3. № 1. P. 24–38. DOI: 10.1038/s43017-021-00247-8/.
- Streletskiy D., Suter L. et al. Assessment of climate change impacts on buildings, structures and infrastructure in the Russian regions on permafrost // *Environ. Res. Lett.* 2019. 14. 025003. DOI: 10.1088/1748-9326/aaf5e6.

Статья поступила: 24.06.24. Финальная версия: 11.08.24. Принята к публикации: 20.08.24.

PUBLIC PERCEPTION OF CLIMATE CHANGE IMPACT ON LIVING CONDITIONS IN A COLD REGION (THE CASE of the Republic of Sakha (Yakutia))

ZHEGUSOV Yu.I.*, MAXIMOV T.Kh.*

*Institute for Biological Problems of Cryolithozone of SB RAS, Russia

Yuriy I. ZHEGUSOV, *Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher* (sociolog_ykt@mail.ru); Trofim Kh. MAXIMOV, *Dr. Sci. (Biol.), Chief Researcher* (tcmax@mail.ru). Both – *Institute for Biological Problems of Cryolithozone of SB RAS Yakutsk, Russia.*

Acknowledgements. The study was funded by the Ministry of Education and Science of Russia under the project FWRS-2021-0024; EGISU state registration number: AAAA-121012190034-2 (supervisor T.Kh. Maximov).

Abstract. Based on the materials of a sociological study conducted in August-October 2023, the characteristics of the perception by residents of the Republic of Sakha (Yakutia) of changes in the local climate and natural environment are analyzed. Residents of the republic notice significant changes in the climate, such as shifts in the onset of seasons, changes in air temperature, precipitation levels, and windiness. The population is concerned about the increasing frequency and intensity of natural phenomena caused by climate change: wildfires, thawing permafrost, destruction of roads, increasing number of mosquitoes in summer and an increasing incidence of acute respiratory viral infections and influenza, ice on roads in winter. Local residents also notice appearance of new species of birds, insects, plants, animals and fish not typical for the region. Negative assessments of the impact of climate change on traditional agriculture in Yakutia predominate.

Keywords: climate change, population of the Republic of Sakha (Yakutia), perception of climate change, assessment of climatic living conditions.

REFERENCES

- Anisimov O.A., Ziltcova Ye.L., Zhegusov Yu.I. (2017) Public perception of climate change in the cold regions of Russia: an example of Yakutia. *Led i sneg* [Ice and Snow]. Vol. 57. No. 4: 565–574. DOI: 10.15356/2076-6734-2017-4-565-574. (In Russ.)
- Boyakova S.I., Filippova V.V., Vinokurova L.I. (2023) Arctic uluses of Yakutia in natural emergency situations: social challenges and experience of confrontation. *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues]. No. 1: 19–31. DOI: 10.25136/2409–7543.2023.1.39648. (In Russ.)
- Hjort J., Streletskiy D. et al. (2022) Impacts of permafrost degradation on infrastructure. *Nature Reviews Earth & Environment*. Vol. 3. No. 1: 24–38. DOI 10.1038/s43017-021-00247-8.
- Shaposhnikov D.A., Revich B.A. (2023) Assessment of the dependence of excess mortality of the population in the cities of the Arctic macroregion on temperature waves. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. Vol. 30. No. 4. 287–300. DOI: 10.17816/humeco111013. (In Russ.)
- Streletskiy D., Suter L. et al. (2019) Assessment of climate change impacts on buildings, structures and infrastructure in the Russian regions on permafrost. *Environ. Res. Lett.* 14 025003. DOI: 10.1088/1748–9326/aaf5e6.
- Vladimirov L.N., Machaktyrov G.N. et al. (2022) Analysis and forecasting of the impact of climate change on the traditional breeding of reindeer in the Arctic North. *Veterinaria i kormlenie* [Veterinary and Feeding]. No. 3:16–21. (In Russ.)
- Zhozhikov A.V., Alekseeva E.K. et al. (2023) The impact of climate change on traditional types of environmental management of indigenous residents of the Republic of Sakha (Yakutia). *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International scientific research journal]. No. 12 (138). URL: <https://research-journal.org/archive/12–138–2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.188> (accessed 10.08.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.188. (In Russ.)

Received: 24.06.24. Final version: 11.08.24. Accepted: 20.08.24.

© 2024 г.

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО СОЦИОЛОГИИ, УСПЕШНО ЗАЩИЩЕННЫЕ В 2023 г.

В 2023 г. прошли процедуры защит 12 докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 5.4.1 – две, 5.4.2 – одна, 5.4.4 – три, 5.4.5 – одна, 5.4.6 – одна, 5.4.7 – три, 5.9.9 – одна. Защиты докторских диссертаций проходили в десяти диссертационных советах. В том числе в трех московских – пять защит и трех Санкт-Петербургских – три защиты. В МГИМО, НИУ ВШЭ и СПбГУ состоялось по две защиты, в УрФУ, ННГУ, Тихоокеанском ГУ, Военном университете, БелГУ и РПГУ им. А.И. Герцена по одной. География защит показала, что в столицах было защищено восемь докторских диссертаций, в Поволжье, на Урале и Дальнем Востоке по одной, в Сибири защит не было. Семь диссертаций защищены в той же организации, в которой были подготовлены. Впервые число диссертаций защищенных в советах, имеющих право самостоятельного присуждения ученых степеней (восемь), превысило количество защищенных диссертаций в советах ВАК (четыре). Количество защит в анализируемом году (12) стало наибольшим (наряду с 2019 г.) за последние шесть лет. Успешные защиты докторских диссертаций впервые за 14 лет (с 2008 г.) прошли в НИУ ВШЭ. Еще одной особенностью этого периода стала защита докторской диссертации по специальности 5.9.9 – медиакommunikации и журналистика, в совете, имеющем право присуждать ученую степень доктора социологических наук.

Средний возраст соискателей докторской степени составил в 2023 г. 46,5 года (медианный возраст 45 лет), самому молодому доктору наук исполнилось 34 года, самому старшему – 65, при этом половина диссертантов оказалась в возрастном диапазоне от 40 до 50 лет.

По показателю периода между защитами кандидатской и докторской диссертаций можно отметить, что наибольшим стал разрыв в 29 лет, наименьшим – 7 лет, средний период составил без малого 18 лет.

Семеро авторов диссертаций имели ученую степень кандидата социологических наук, по одному философских, исторических и экономических, еще двое соискателей имели филологический и физико-математический бэкграунд.

Обращаясь к тематике докторских диссертаций, успешно защищенных в 2023 г., прежде всего стоит отметить редкое обращение соискателей к темам по специальности «теория, методология и история социологии». Речь идет об исследовании трудового поведения наемных работников и историко-социологическом исследовании генезиса западной танатосоциологии.

Наиболее популярной в этом году стала проблематика образования, которая послужила почвой для подготовки трех диссертаций. В двух из них она представлена в ракурсе социологии управления и в одной – социологии культуры.

Цифровизация, в отличие от почти полного игнорирования в прошлые годы, стала основанием для двух работ – в одной она играет роль среды регулирования общественных процессов, а во второй цифровые трудовые платформы выступают предметом исследования.

Нельзя не отметить, что впервые после восстановления российской юрисдикции Крыма появилось докторское исследование, посвященное интеграции новых регионов в российское общество.

Актуальными и оригинальными представляются обращения соискателей к (а) проблеме социологии семьи в аспекте изучения социальной общности родителей, (б) опыту социологической рефлексии внешнеполитического дискурса КНР в XXI в., (в) интеграции маргинализированных сообществ в постсоветский город.

Кроме того, отметим, что результаты одной защиты не были утверждены ВАК.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.4.1 – ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ЛЕВЧЕНКО Илья Евгеньевич «Генезис западноевропейской танатосоциологии: историко-социологическое исследование». Работа выполнена и защищена УрФУ.

ТЕМНИЦКИЙ Александр Лазаревич «Социокультурный подход к исследованию трудового поведения наемных работников в Российской Федерации». Работа выполнена защищена в МГИМО.

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.4.2 – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ШЕВЧУК Андрей Вячеславович «Роль цифровых трудовых платформ в трансформации занятости: экономико-социологический анализ». Работа выполнена и защищена в НИУ ВШЭ.

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.4.4 –

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ.

ТИМОШКИН Дмитрий Олегович «Механизмы интеграции маргинализированных сообществ в постсоветский город». Работа выполнена в Иркутском ГУ, защищена в «Тихоокеанский ГУ».

ШАБРОВА Нина Васильевна «Социальная общность родителей как субъект гражданского общества». Работа выполнена в УрФУ, защищена в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

ЯРМАК Ольга Валерьевна «Интеграция новых регионов в российское общество: социологический анализ пересборки социальных пространств (на примере Республики Крым и города Севастополь)». Работа выполнена в Севастопольском ГУ, защищена в СПбГУ.

IV. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.4.5 – ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ПОМОЗОВА Наталья Борисовна «Внешнеполитический дискурс КНР в XXI в.: опыт социологической рефлексии». Работа выполнена и защищена в МГИМО.

V. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.4.6 – СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

КОЗЛОВА Мария Андреевна «Моральное регулирование этнокультурного разнообразия в российском образовании». Работа выполнена и защищена в НИУ ВШЭ.

VI. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.4.7 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ПЕРЕДНЯ Дмитрий Григорьевич «Управленческая культура органов внутренних дел Российской Федерации: концепция, состояние, факторы развития». Работа выполнена и защищена в «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны РФ.

СЕРКИНА Яна Игоревна «Институциональное регулирование рискогенеза в процессе цифровизации и дигитализации образовательного пространства провинциальных вузов». Работа выполнена и защищена в БелГУ.

ЭБЗЕЕВА Юлия Николаевна «Международный рейтинг современного университета как механизм управления развитием образовательной системы». Работа выполнена в РУДН, защищена в РГПУ им. А.И. Герцена.

VII. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.9.9 – МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

ВАРТАНОВ Сергей Александрович «Медиакоммуникационная индустрия как социально-экономическая система: механизмы функционирования, методы анализа и моделирования». Работа выполнена в МГУ имени М.В. Ломоносова, защищена в СПбГУ.

Подготовил В.В. ЗЫРЯНОВ

ЗЫРЯНОВ Владимир Викторович – кандидат экономических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (vzyryanov@gmail.com).

DOCTORAL DISSERTATIONS IN SOCIOLOGY SUCCESSFULLY DEFENDED IN 2023

DOI: 10.31857/50132162524090141

Vladimir V. ZYRYANOV, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov MSU, Moscow, Russia (vzyryanov@gmail.com).

ПОЗДРАВЛЯЕМ ОЛЬГУ ВЛАДИМИРОВНУ АКСЕНОВУ!

15 сентября отмечает юбилей специалист в области социокультурного развития российских регионов и их локальной специфики, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН, член экспертного совета ВАК, член Ученого и диссертационного советов ФНИСЦ РАН Ольга Владимировна Аксенова.

Ольга Владимировна родилась в Москве и с самого раннего детства отличалась любознательностью и стремлением понять как устроен мир вокруг. И наиболее интересным инструментом изучения оказалась социологическая наука. Однако приход к социологии был извилист.

После окончания экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1982), работала в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА, ныне РТУ МИРЭА) (1982–1986), затем в Московском лесотехническом институте (1986–1992), в Институте проблем занятости РАН (1992–1993). Также долгое время ведет преподавательскую деятельность в НИУ «Высшая школа экономики» (2002–2008) и Государственном академическом университете гуманитарных наук (с 2009 и по н.в.).

С 1993 г. работает в Институте социологии РАН. В этот период область ее научных интересов была сосредоточена на социологическом осмыслении экологических проблем, экологических и гражданских движений и активизма как в России, так и за рубежом. Следствием этих изысканий, помимо ряда публикаций, стала кандидатская диссертация «Экологическая модернизация в условиях стабильного Запада и трансформирующейся России» (2002).

Долгое время Ольга Владимировна работала совместно с И.А. Халий, тогда ими были сформулированы базовые принципы изучения локальной социокультурной специфики. Исследования проводились в самых разных местах нашей страны, включая отдаленные уголки. Их итоги были обобщены в коллективных монографиях «Власть и общество в регионах России: практики взаимодействия» и «Актуализированные ценности современного российского общества» (2015), значительная часть которых была подготовлена О.В. Аксеновой.

С 2010-х гг. Ольга Владимировна начала уделять внимание и исследованиям, посвященным агентам и акторам социальных и политических процессов, управления и профессиональной деятельности. Опираясь на богатый эмпирический материал, О.В. Аксенова сформулировала теоретический концепт двойственности социального действия, сущность которого раскрыта в монографии «Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации» (2016) и докторской диссертации «Роль профессионала-актора в российской системе управления» (2017).

Более четверти века О.В. Аксенова проводит комплексные исследования социокультурного развития российских регионов и локальных сообществ и является крупнейшим специалистом по российской регионалистике. Является автором значительного числа научных публикаций, руководителем проектов и грантов. Ее научные работы отличает сочетание фундаментальной теоретической базы с глубокой укорененностью в эмпирике.

В подготовленной под ее руководством коллективной монографии «Социокультурные основания советского модерна» (2022) было представлено переосмысление современных позиций советского общества как цивилизационного феномена, определены его ценностный стержень и роль институциональных агентов и единичных акторов в его становлении и развитии.

С 2020 г. является заместителем главного редактора научного журнала «Вестник Института социологии». В этой работе она проявляет высокий профессионализм, твердую приверженность принципам научной беспристрастности и методологической строгости. Во многом благодаря ее усилиям журнал сохранил и упрочил свою репутацию как авторитетного издания. Эти качества, а также обширные знания и эрудиция востребованы и в других научных изданиях, где Ольга Владимировна часто выступает в качестве эксперта.

Своими знаниями и богатейшим опытом Ольга Владимировна не скупясь делится не только со студентами и аспирантами, но и молодыми коллегами, что было отмечено Министерством науки и высшего образования РФ нагрудным знаком «Почетный наставник» (2023).

Искренне поздравляем Ольгу Владимировну с юбилеем и желаем ей долгих лет жизни, крепкого здоровья, неиссякаемого научного любопытства и интересных поисков!

Друзья, коллеги и ученики

К ЮБИЛЕЮ ЗИНАИДЫ ТИХОНОВНЫ ГОЛЕНКОВОЙ!

В сентябре отмечает свой юбилей советский и российский социолог, ведущий специалист в области исследования социальной структуры общества, истории российской социологии и социологии стран Восточной Европы, член Академии безопасности и правопорядка, международной академии «Платон» (Греция) и Сербской академии образования, Почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, доктор философских наук, профессор Зинаида Тихоновна Голенкова.

З.Т. Голенкова – видный ученый и организатор отечественной науки, по праву занимает в социологии почетное место. Зинаида Тихоновна – автор и редактор известных работ по проблемам социальной стратификации, педагог и руководитель большого научного коллектива, отдающий массу сил работе в различных научных и квалификационных советах.

Начиналось все в одной из деревень Брянской области, где маленькая Зина делала первые шаги. Потом была война, оккупация, тяжелая послевоенная юность. После окончания семилетней школы Зинаида поступила в педагогическое училище в г. Стародуб Брянской области. Потом была работа в маленьком дагестанском селе учителем начальных классов и огромное желание учиться дальше. Поэтому, прочитав статью о философском факультете Московского университета в газете «Правда», она решила поступать туда. В 1965 г., успешно окончив философский факультет МГУ, была направлена на работу в Институт философии АН СССР в сектор новых форм труда и быта. Вся ее дальнейшая деятельность связана с социологией, которая в то время только возрождалась.

Свою научную деятельность в Институте социологии ФНИСЦ РАН Зинаида Тихоновна начала со дня его основания. Тогда он назывался Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Здесь же защитила кандидатскую (1974), затем докторскую диссертацию (1980), получила звание профессора (1987), с 1992 по 2015 г. работала в должности заместителя директора по науке.

На протяжении 20 лет профессор Голенкова вела преподавательскую работу в МГУ имени М.В. Ломоносова (в т.ч. на социологическом факультете), где ею разработан курс по истории социологии Восточно-Европейских стран, также преподавала в РУДН, ГАУГН и Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете.

Профессор Голенкова в течение 15 лет (1974–1989) была ученым секретарем советской части проблемной комиссии по социологии ученых восточноевропейских стран, ответственным редактором Международного информационного бюллетеня Комиссии, в 1990 г. избиралась вице-президентом Советской социологической ассоциации, активно участвовала в подготовке всемирных социологических конгрессов, много лет являлась членом экспертного совета ВАК.

Зинаида Тихоновна проводит многолетние исследования по социальной дифференциации российского общества. Возглавляемые ею научные исследовательские проекты выявили принципы формирования гражданского общества, партнерских отношений между социальными слоями общества. З.Т. Голенковой была предпринята попытка анализа социальной структуры российского общества и сделан вывод, что ее трансформация осуществляется в направлении классово-стратификационной модели, которая детерминирована в первую очередь социальной поляризацией по имущественному признаку. В последнее время под руководством Зинаиды Тихоновны проводятся исследования новых слоев общества, таких как менеджеры, прекарии, самозанятые, реализуются проекты с участием

органов государственного управления и региональные исследования. Широта ее научного кругозора поражает и вдохновляет сотрудников и учеников к познанию нового.

Зинаида Тихоновна автор более 300 научных работ. Ее лекции и доклады всегда вызывают большой интерес широкого круга научных работников. Все, кто с ней работает, испытывают большое удовольствие от общения, благодаря замечательным человеческим качествам и умению четко организовать общую работу. Под ее чутким руководством было подготовлено более 40 кандидатов и около 20 докторов наук.

Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, ей присвоено звание заслуженного деятеля науки РФ, также неоднократно вручались Почетные грамоты РАН за вклад в развитие социологической науки. В 2010 г. она удостоилась Серебряной медали им. Питирима Сорокина, а в 2014 г. медали Монгольской академии наук «Хубилай хан».

Широкая известность Зинаиды Тихоновны в нашей стране и за рубежом является результатом ее научного таланта и щедрости мысли. Все сотрудники Института социологии ФНИСЦ РАН, восхищаются ее добротой и отзывчивостью, трудно переоценить вклад Зинаиды Тихоновны в формирование научного коллектива Института.

Коллеги и ученики сердечно поздравляют нашу дорогую Зинаиду Тихоновну с юбилеем и желают крепкого здоровья, душевного тепла и новых творческих успехов!

Ю.В. ГОЛИУСОВА,
к. социол. н.

АЛЕКСАНДРУ ЮЛЬЕВИЧУ ЧЕПУРЕНКО – 70 лет!

25 августа 2024 г. отметил свой юбилей доктор экономических наук, профессор Александр Юльевич Чепуренко. В настоящее время он является заслуженным профессором и научным руководителем департамента социологии НИУ ВШЭ, главным научным сотрудником Института социологии ФНИСЦ РАН.

Александр Юльевич относится к тем социологам, которые пришли в социологическую науку из экономической. Коренной москвич, окончил в 1977 г. экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и успел в советское время защитить как кандидатскую (1982), так и докторскую (1990) диссертации по экономике. Современные марксисты хорошо помнят его монографию об «идейной борьбе» вокруг «Капитала» К. Маркса (1988), отразившую антидогматический подход к марксизму. Она недавно вышла вторым дополненным изданием («Непонятый Маркс», 2022), что говорит об актуальности написанного треть века назад Александром Юльевичем,

который тогда работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Основной научной специализацией А.Ю. Чепуренко с начала 1990-х гг. стало изучение проблем «второго рождения» и очень непростого развития российского предпринимательства (прежде всего, малого и среднего). Высокий интерес к «правилам игры» в хозяйственной жизни привел к переходу А.Ю. Чепуренко от институциональной экономики к экономической социологии: «изучение того, как происходит формирование институтов и хозяйственных практик в России, – по словам самого Александра Юльевича, – отдалило меня от сугубо экономического дискурса и приблизило к социологическому». Его книга «Социология предпринимательства» (2007) стала первым в России учебником по этому научному направлению. Кроме социологии предпринимательства он занимался и другими социально-экономическими сюжетами, например, трансформацией российского высшего образования во взаимодействии с рынком труда, социологией среднего класса и др.

Последние 20 лет профессиональная деятельность А.Ю. Чепуренко связана в первую очередь с Высшей школой экономики (НИУ ВШЭ). Там в полной мере проявились его таланты организатора науки – в частности, на посту декана факультета социологии.

А.Ю. Чепуренко сохраняет высокую научную продуктивность – количество научных работ в настоящее время приближается к 190. О научном авторитете Александра Юльевича свидетельствуют многочисленные награды от НИУ ВШЭ, участие в редакционном совете журнала «Мир России», редколлегии «Мониторинг общественного мнения». В 2012 г. А.Ю. Чепуренко был удостоен звания «Почетный работник науки и техники Российской Федерации» за вклад в подготовку специалистов, успехи в научно-педагогической и научно-исследовательской работе.

Коллеги высоко ценят Александра Юльевича не только за научную креативность в изучении современного российского общества, но также за образное мышление и искомый юмор, который он нередко проявляет в стихотворной форме.

Коллеги-социологи желают юбиляру плодотворной научной работы, долгих лет жизни и крепкого здоровья!

Размышления над новой книгой

© 2024 г.

А.Л. ТЕМНИЦКИЙ

КАК НАУЧИТЬ СТУДЕНТА-СОЦИОЛОГА КВАЛИФИЦИРОВАННОМУ АНАЛИЗУ ДАННЫХ В ПРОГРАММЕ SPSS?

ТЕМНИЦКИЙ Александр Лазаревич – доктор социологических наук, доцент МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (taleksandr@list.ru).

Аннотация. Статья представляет авторские размышления о процессе обучения студентов-социологов анализу данных в программе SPSS на основе обращения к учебному пособию Н.С. Ворониной, вышедшему в свет в 2024 г. В статье дается краткий обзор имеющейся отечественной учебной литературы по анализу данных в SPSS, делается вывод об актуальности жанра учебных пособий, подготовленных новым поколением исследователей и преподавателей. Рецензируемое учебное пособие отличает понимание специфики студентов-социологов как учащихся с сохранившимися до сих пор признаками отчуждения от математически насыщенной информации, но осознанием важности приобретения аналитических компетенций для профессиональной деятельности. Снятие этого противоречия видится автором в вынесении на первый план методологии исследования, а на второй – собственно методов анализа. В учебном пособии представлены все необходимые методы обработки и анализа данных для формирования базовых навыков социолога-аналитика. Вместе с тем автор не учитывает, что самым распространенным у социологов является метод таблиц сопряженности, и его краткое изложение в учебном пособии может оцениваться как недостаточное.

Ключевые слова: методы анализа данных • программа SPSS • студенты-социологи • социологические данные • учебная литература

DOI: 10.31857/S0132162524090152

В настоящее время курсы по анализу данных в программе SPSS занимают достойное место в учебных планах бакалавриата по подготовке социологов, являются обязательными для всех категорий учащихся. Например, отводимое на них время может занимать от 92 часов аудиторных занятий в региональных вузах [Воронин, 2022: 165] до 120 часов только по первой части курса в НИУ ВШЭ. Актуальность преподавания данной дисциплины обусловлена востребованностью аналитических компетенций выпускников социологических факультетов, отделений и кафедр на рынке труда. Опыт анализа больших объемов информации входит в число приоритетных компетенций по мнению работодателей [Набиулина и др., 2016: 83]. Согласно исследованию НИУ ВШЭ, почти треть опрошенных выпускников-социологов идет работать исследователями и аналитиками в различные

маркетинговые и социологические компании¹, сами студенты-социологи уже с первых курсов обучения в качестве будущей профессиональной деятельности отдают предпочтение прикладным социологическим исследованиям, нежели фундаментальной науке и преподаванию социологии [Бурова, 2023: 66].

Институализация курса способствует росту активности преподавателей и исследователей в подготовке учебников и учебных пособий, предназначенных для студентов, получающих социологическое образование. В настоящее время существует много учебников, пособий, справочной литературы, посвященных обработке и анализу данных социологических исследований, не считая лавины информации по этим вопросам, размещенной в сети Интернет. На сайте Российской государственной библиотеки (<http://www.rsl.ru/>) можно ознакомиться почти с 100 изданиями, позволяющими овладеть навыками анализа данных при помощи программы IBM SPSS Statistics.

Нас в данном случае интересует учебная литература по анализу данных в SPSS, адресованная непосредственно студентам-социологам. Следует признать, что несмотря на то, что курсам по анализу данных предшествуют ознакомление студентов с теорией вероятности и математической статистикой, уровень их математической подготовки оставляет желать лучшего. Замеченный еще 20 лет назад феномен «отторжения» математики многими студентами-социологами [Толстова, 2002] остается в силе и усугубляется укрепляющимся вследствие цифровизации жизни синдромом кнопочного мышления, стремлением следовать предписанными программами алгоритмам, не задумываясь о смысле и содержании составляющих их отдельных процедур. Как показывает опыт, студентов отпугивает информация, перенасыщенная формулами и математической терминологией, и в большей мере привлекает та, которая связана с решением социологических задач, обращенных к актуальной для молодежи повседневности, которую все больше образуют коммуникации в Интернете.

Обзор отечественной учебной литературы по анализу данных в SPSS. В этой связи является актуальным жанр учебного материала: изложен ли он в форме учебника, учебного пособия или практикума. Из числа девяти найденных отечественных учебников по обработке и анализу социологических данных с использованием программы SPSS только два имеют статус учебника. Учебник А. Кравченко [2020] можно отнести к фундаментальным. Автор следует принципу: от теоретического знания, теоретических моделей исследования, проблем измерения, социальной статистики к инструментальным методам и процедурам анализа. Собственно методы анализа занимают 1/10 часть книги, направлены, скорее, на ознакомление, чем овладение ими. Напротив, учебник Г. Воронина [2022] максимально направлен на освоение программы IBM SPSS Statistics и овладение алгоритмом анализа социологической, психологической, экономической, политической информации, хорошо иллюстрирован, но мало связан с вопросами методологии социологических исследований. Представляется, что для студентов, начинающих свой путь в социологии, важнее не изучить все имеющиеся возможности в программе SPSS, а научиться квалифицированно использовать те или иные из них для ответа на поставленные исследовательские вопросы и решения отдельных социологических задач. В большей мере такой задаче соответствуют учебные пособия, которые могут либо дополнять базовые учебники, либо иметь специализированную направленность, но главное – дают возможность более легкого, самостоятельного изучения учебного материала. Этим принципам соответствуют старейшие из отечественных учебных пособий по анализу социологических данных. В учебном пособии Пациорковских [Пациорковский, Пациорковская, 2005] последовательно проводится принцип: «делай вместе с нами – делай как мы». Авторы дают читателю множество дружеских советов и напоминаний (то, что сегодня молодежь называет лайфхаками), помещают их в рамочки, на примерах обращения

¹ Будущая профессия – Образовательная программа «Социология»: сайт НИУ «ВШЭ» – URL: <https://www.hse.ru/ba/soc/career> (дата обращения: 17.07.2024).

к авторским исследованиям раскрывают возможности применения отдельных методов. Пособие А. Крыштановского [2006], которое и сегодня рассматривается как одно из базовых при построении курса по анализу данных в НИУ ВШЭ, содержит весь необходимый набор методов анализа, используемых социологами на практике. В современных учебных пособиях по анализу социологических данных, по сути, адаптируется материал базовых учебников, пройденных авторами курсов, к студентам гуманитарных направлений, чья профессиональная сфера деятельности в будущем может быть связана с социологическими исследованиями [Фарахутдинов, Бушуев, 2011]. Авторы изначально сводят свои задачи к предоставлению помощи по формированию базовых навыков работы с пакетом прикладных программ SPSS студентам социологического профиля, большую часть текста составляет закрепление навыков по получению одномерных частотных распределений и таблиц сопряженности [Леонов, 2016, Красниковский, 2021]. Предполагается, что отсутствие признаков эмпатии к читателю, излишняя технологичность в изложении материала, а также фактор поколенческого разрыва между учителем и учениками, недоучет гендерного аспекта (абсолютное большинство обучающихся социологии являются представителями женского пола) могут существенно снизить мотивацию студентов к прохождению этого одного из наиболее трудоемких курсов в учебной программе.

В этой связи становятся актуальными те учебные пособия, которые подготовлены исследователями и преподавателями, которые еще недавно сами были студентами, системно в рамках учебных планов обучались анализу социологических данных, а сейчас готовы поделиться полученным опытом и знаниями с новым поколением входящих в социологию. К таким учебным пособиям можно отнести коллективный труд молодых преподавателей из Ивановского государственного университета [Панкратова и др., 2018]. Уже во введении подчеркивается, что анализ собранной информации – самый увлекательный и творческий этап социологического исследования, требующий от исследователя незаурядного воображения, интуиции, профессионального и жизненного опыта, и вместе с тем наиболее сложный из всех. Авторы изначально задаются вопросом: как сделать пособие предельно понятным и простым и последовательно добиваются этого. Свое повествование они ведут, используя местоимение «мы».

Близким по духу и принципам изложения к указанному выше пособию является вышедшее в этом году учебное пособие Н. Ворониной, которое обозначено как практикум [Воронина, 2024].

Особенности учебного пособия Н. Ворониной. По объему (12 глав, 330 стр.), содержанию (представлены не только все необходимые методы обработки и анализа данных для формирования базовых навыков социолога-аналитика, но и те, которые не увидишь в большинстве указанных выше учебных пособий: метод деревьев решений «CHAID», дискриминантный анализ), указаниям на примеры научных работ, в том числе девять авторских, в которых можно посмотреть описание и оформление используемых методов, данный труд, скорее можно назвать добротным учебным пособием, чем практикумом. Практические задания занимают в нем незначительное место, и, как правило, связаны с решением отдельных задач (2–3) на базе данных Европейского социального исследования (ESS). Тогда как практикумы обычно состоят из набора практических задач, упражнений и другого необходимого материала для закрепления теоретических знаний и практических навыков. Примером практикума может быть [Анализ..., 2003].

Сохранение у современных студентов страха перед математикой и как следствие этого стремление позиционировать себя «убежденными качественниками» уже с самого начала учитывается автором в целевом представлении пособия: «мы написали практическое руководство так, чтобы человек, даже без специальной математической подготовки, понял, что анализ данных можно освоить и успешно применять в исследовательской практике (с. 7). Следует признать, что поставленная цель последовательно реализуется посредством соблюдения в каждой главе трех ведущих принципов, образующих

соответствующие разделы: 1) для чего нужен этот метод, 2) как его применять (требования, ограничения и условия), 3) как выполнить анализ в SPSS.

Однако возвышающимся над всеми указанными принципами видится то, что можно было бы назвать главным методологическим положением (хотя автор это специально не оговаривает): «анализ данных – это лишь инструмент для решения исследовательских задач» (с. 29), а не способ освоить все имеющиеся возможности в программе SPSS. Именно поэтому органически важной для подготовки социолога-аналитика является связь с теорией и методологией социологического исследования, которой посвящена глава 1. Ее пафос можно сформулировать следующим образом: «постановка исследовательских вопросов, формулировка проблемы, а не подбор методов анализа с учетом используемых шкал измерения задают направленность для проведения анализа». В главе можно увидеть много полезных советов для написания студенческой научной работы: как использовать схему «фишбоун» для формулировки научной проблемы (с. 20), как искать и структурировать в табличном виде найденную литературу (с. 26), как при обращении к вторичному анализу данных соотносить теоретические основания исследования с эмпирическими аналогами в базе данных (с. 35).

За всем этим видится текстоориентированный подход: формировать у студентов компетенции для написания аналитических текстов в жанре научной статьи, а не только навык квалифицированного аналитика-ремесленника.

Работу отличает высокий уровень эмпатии автора к обучающимся анализу. Это не только использование местоимения «мы», но и постоянное перемещение при повествовании на сторону пользователя: использование выражения «если Вы забыли, то ...». «Если Вы забыли, что означает категориальная переменная, обратитесь к рисунку 63». «Если Вы забыли, что такое зависимые / независимые выборки, обратитесь к главе 5». В изложении используется 232 рисунка, при этом автор не опускает ни один нюанс, который может затруднить понимание процедуры анализа.

Структура пособия. В определении порядка изложения методов анализа всегда возникает вопрос: с чего начать? Если миновать вводную главу (в данном случае глава 2), которая, как правило, во всех учебных пособиях посвящена знакомству с программой SPSS, ее устройством и порядком ввода данных по различным типам вопросов, то изложение методов анализа обычно начинается с получения одномерных частотных распределений. Без одномерного частотного анализа не обходится ни одно количественное исследование, любой анализ начинается с него. Да, он может выполнять функцию общих представлений об изучаемых социальных группах [Крыштановский, 2006: 13] или предварительного анализа данных [Воронин, 2022: 35], но может иметь и самостоятельное значение, использоваться, как показано ниже, в качестве самостоятельного при подготовке аналитических статей. В любом случае, раскрытие возможностей программы для получения ответов на любые вопросы анкеты (при использовании в обучении имеющихся массивов данных для вторичного анализа), как показывает опыт, в наибольшей степени располагает студентов к начальному погружению в анализ данных. Именно на базе выполненного одномерного анализа дается обоснование в необходимости преобразований данных, снижении размерности значений переменных, доводя до студентов простое и принципиальное правило: «любую шкалу, которая у нас есть, мы можем превратить в набор дихотомических переменных при помощи процедуры перекодировки» (с. 49). В учебном пособии Н. Ворониной «Преобразование данных и отбор по условиям» (глава 3) предлагает одномерный анализ (глава 4). Такому порядку изложения можно тоже дать свое логическое обоснование. Мы начинаем с того, что является наиболее часто встречаемой и необходимой процедурой в обработке данных перед непосредственным анализом. Перекодировка значений переменных особенно при использовании метода таблиц сопряженности является самой распространенной процедурой из всех видов преобразований. Поэтому можно согласиться с предложенным порядком изложения за исключением помещаемой на первое место в главе процедуры взвешивания как далеко не самой

необходимой, применяемой в особых случаях, в определенных видах исследования, как в данном случае – международного социологического исследования (ESS). Весьма ценным в главе 3 является приводимая процедура по созданию простейших социологических индексов и проверке их надежности (с. 90–97).

После ознакомления студентов с возможностями одномерного анализа было бы логичным перейти к двумерному, а затем трехмерному анализу. Однако автор придерживается другого порядка. Завершение одномерного анализа проверкой данных на нормальное распределение приводит к раскрытию параметрических методов анализа данных с использованием всех используемых в программе SPSS методов сравнения (глава 5).

Требование нормальности распределения, необходимое для использования параметрических методов сравнения, является весьма проблемным с учетом данных социологических исследований, абсолютное большинство которых ему не соответствует, тем более, если использовать такие строгие критерии проверки на нормальность, как тест Колмогорова – Смирнова. Автор это понимает и признает, отмечая уже в главе 8 по регрессионному анализу, что «данное требование часто игнорируется исследователями, потому что в предметном поле социолога таких данных не так уж и много» (с. 204).

Чем меньше предпосылок к использованию параметрических методов сравнения, тем больше оснований для применения непараметрических, многие из которых являются аналогами первых. Этим методам, которые остаются одними из малораспространенных в социологической практике, посвящена глава 6. Весьма важными для понимания содержания и особенностей в использовании параметрических и непараметрических методов являются приводимые автором общие схемы анализа сравнения средних для параметрических (с. 129) и непараметрических данных (с. 169). Однако следует учитывать, что использование непараметрических методов сравнения имеет ограниченное применение потому, что статистика рангов даже при выявлении статистически значимых различий не позволяет ответить на вопрос, чем именно отличаются сравниваемые группы? Для этого надо учитывать расстановку цифровых кодов на позициях шкал. Отсюда часто возникает необходимость (соблазн) перепроверки данных методов через таблицы сопряженности. Именно поэтому в практических заданиях автор ограничивается задачами выявить статистическую значимость различий между сравниваемыми группами (с. 170), но не может поставить задачу, чем именно они отличаются друг от друга в отличие от заданий по параметрическим методам (с. 146).

Метод таблиц сопряженности, самый распространенный у социологов, можно обнаружить в главе 7 (двумерный анализ данных). В этой же главе помещается и корреляционный анализ. Последний крайне редко используется на уровне связи двух переменных (парные корреляции); как правило, их несколько, и на наш взгляд, заслуживает отдельной главы. Центральным пунктом при использовании таблиц сопряженности является механизм проверки статистической гипотезы об отсутствии связи Хи-квадрат Пирсона, которому в главе уделяется достаточное внимание. Однако его рассмотрением, по сути, и заканчивается изложение метода таблиц сопряженности. Коэффициентам, нормирующим значение Хи-квадрат, как симметричным, так и ассиметричным, почти не уделяется внимания. К сожалению, не используется метод построения трехмерных таблиц сопряженности, который уже на этом этапе анализа позволяет выявить устойчивость обнаруженных связей. Чрезмерным ограничением является утверждение, что условием применения Хи-квадрат является использование случайных выборок (с. 172). На практике он обоснованно намного чаще применяется при использовании неслучайных выборок (квотных и целевых).

Глава 8, посвященная регрессионному анализу, самая большая по объему (67 стр.) и содержащая изложение особенностей применения семи видов регрессии, может быть названа украшением данного учебного пособия. По ней же приводятся три примера использования этого метода в авторских публикациях.

В переходе к многомерным методам анализа (к которым, помимо регрессионного, относятся факторный, кластерный, дискриминантный, дерево решений, см. главы 9–12)

усиливается опасность следования студентов «логике кнопочного моделирования, когда синтаксис преобладает над семантикой, а наглядность процесса заменяется установкой на получение нового знания простым (и доступным в современных реалиях) «нажатием» на кнопки компьютера» [Татарова, 2023: 99]. Иначе говоря, если по базовым для формирования аналитических навыков у студентов методам анализа (кросстабуляционного, корреляционного и дисперсионного) можно при необходимости все производимые программой вычисления перепроверить вручную, наглядно показать, как они получились таковыми, то в многомерных методах аналитик отдается на откуп машине.

Как можно уберечь обучающихся от бездумного использования многомерных методов анализа? Что для этого делает автор? Признаки осторожного отношения к методам регрессионного анализа обнаруживаются в перечислении одиннадцати ограничений в его применении (с. 204–207). Здесь автор заходит так далеко, что ставит под сомнение определяющую для социологов привлекательность его использования – выявлять вес и роль отдельных или группы предикторов (в чистом виде) как причину в отношении дисперсии по зависимой переменной. Возможно, это связано с тем, что в число ограничений не было включено еще одно (первичное). Предварительная модель регрессионного анализа строится на том основании, что в качестве предикторов отбираются переменные, которые могут объективно оказывать влияние на зависимую, но обратного влияния (даже гипотетически) испытывать не могут. Также помогает «держать руку на пульсе» использование фиктивных переменных, создаваемых самим аналитиком. Этот метод хорошо описан в работе (с. 226–232). Полезным подспорьем для использования разных методов регрессионного анализа является сводная таблица условий его применения (с. 263).

Предполагается, что одним из способов предостережения от легкого, «кнопочного» использования многомерных методов анализа как решающих, продвинутых, игнорирующих базовые методы, может стать изначальное указание на их разведочную или контрольную, но не основную роль в социологических исследованиях. В учебном пособии есть указания на то, что многомерные методы анализа используются преимущественно как разведочные, в отношении факторного анализа (с. 271), кластерного анализа (с. 287), деревьев решений (с. 300). По дискриминантному анализу можно ограничиться тем, что он используется для выявления наиболее информативных переменных.

Вопросы для дальнейшей работы. Одним из методологических принципов учебного пособия, «красной нитью» проходящим через все изложение, является указание автора на то, что большинство методов анализа, которые рассматриваются в книге, предполагают генерализацию выводов (с. 12). Насколько преклонение перед генеральной совокупностью соответствует базовым принципам социологического исследования, первостепенную роль в котором играет поиск «универсальных связей между отдельными переменными» [Батыгин, 2008: 24]? Является ли оправданным преувеличенное внимание к формально-статистическим критериям обеспечения достоверности вывода? Может следует придерживаться позиции, что это оправдано только в тех случаях, когда «стоит задача выполнить дескриптивное исследование большой общественной значимости»? В противном случае «абсолютизация формально-статистических критериев за счет качества исходной информации и качества анализа – свидетельство профессиональной неопытности социолога» [Ядов, 2007: 105].

Следует учитывать, что в социологических данных является заметной доля вопросов с использованием номинальных шкал с множественным выбором. Например, такие вопросы составляют примерно пятую часть в анкетах мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН. Их анализ не ограничивается только представлением частотных распределений и таблиц сопряженности, как об этом написано в пособии (с. 111–118). При использовании дихотомической кодировки ответов (0,1) такие вопросы можно использовать для выявления внутрискрупулярной корреляции переменных, иерархического кластерного анализа, факторного анализа.

Таблица 1

Используемые методы анализа в публикациях по экономической социологии и социологии труда в СоцИсе, 1994–2023 гг. (количество)

Методы анализа	Всего	Годы		
		1994–2003	2004–2013	2014–2023
Одномерные частотные таблицы (диаграммы) (%)	32	19	11	2
Таблицы сопряженности (%)	108	40	38	30
Таблицы сопряженности (%) + коэффициенты связи	21	4	8	9
Сравнение средних (медианных) значений, индексы	32	9	18	5
Сравнение средних с использованием статистических коэффициентов	8	1	4	3
Корреляционный анализ	5	1	1	3
Факторный анализ	3	0	2	1
Регрессионный анализ	10	1	2	7
Кластерный анализ	2	0	0	2
Число публикаций	157	56	52	49

Примечания. Отбирались публикации с признаками завершеного эмпирического исследования, использующие количественные методы. Сумма частот упоминаний методов анализа превышает число публикаций, т.к. в одной и той же статье могло использоваться несколько методов.

Ограниченное внимание, уделяемое методам таблиц сопряженности (7 стр. по сравнению с 67 стр. по регрессионному анализу), радикально расходится с их реальным использованием в публикациях и аналитических отчетах по результатам социологических исследований.

То, что метод таблиц сопряженности остается самым распространенным методом анализа в социологических исследованиях, показывает обращение к публикациям в СоцИсе, выполненным по результатам эмпирических исследований (табл. 1).

Использование таблиц сопряженности и всех остальных методов анализа соотносится как 80/20. Вторым по степени распространенности является метод одномерных частотных распределений. Только в последнее десятилетие (2014–2023) становится заметным использование регрессионного анализа.

В обучении студентов анализу данных очень важную роль играет мотивационная компонента. В определенной мере повышению мотивации способствуют проектный подход в организации учебного процесса, предполагающий авторскую (со стороны студентов) разработку и реализацию темы учебного исследования от замысла до статистического анализа собранных данных в программе SPSS, завершающегося подготовкой аналитического текста [Темницкий, 2022].

Использование в учебном процессе в качестве массива для вторичного анализа базы данных ESS теряет свою перспективу, т.к. Россия с 2022 г. вышла из международных исследований. Практика показывает, что у студентов больший интерес вызывают социологические данные, полученные от близких к ним социальных общностей молодежи. Например, процесс начального обучения анализу данных в SPSS студентов МГИМО был построен на базе двух повторных репрезентативных университетских исследований [Темницкий, 2015].

Заключение. Таким образом, анализ вышедшей в свет книги Н. Ворониной, имеющий опыт в преподавании курса по анализу данных в программе SPSS, позволяет дать предварительные ответы на поставленный в названии статьи вопрос.

Учить студента-социолога квалифицированному анализу данных в программе SPSS – значит: 1) обеспечивать связь методов анализа с методологическими положениями и принципами разработки социологического исследования; 2) руководствоваться

триединством последовательного раскрытия принципов изложения методов: для чего нужен этот метод, какие требования и ограничения следует соблюдать при его применении, как выполнить анализ в SPSS; 3) способствовать росту мотивационной вовлеченности студентов в освоение курса за счет эмпатии преподавателя к обучающимся, подбора актуальных для современного российского общества и интересных студентам массивов данных, развития индивидуальных и групповых исследовательских компетенций при разработке авторских проектов учебного исследования.

Однако в скором времени может стать вопрос будет стоять не в том, как научить студентов анализу данных, а как получить эту возможность. В свете разработки ФГОС четвертого поколения студенту предоставляется возможность выбора направления подготовки не на этапе поступления в вуз, а с третьего года обучения. В этой связи возникает вопрос: как после двух лет освоения гуманитарно-политической проблематики студенты смогут (и захотят ли) погрузиться в математические дисциплины социологического профиля? [Образцов, 2024].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анализ социологических данных с применением статистического пакета SPSS. Сборник практических заданий. Новосибирск, 2003.
- Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: РУДН, 2008.
- Бурова О.А. Профессиональные предпочтения студентов социологического направления // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы XXII (заочной) Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга. Пермь, 2023 г. Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2023. С. 60–67.
- Воронин Г.Л. Статистический анализ данных в IBM SPSS Statistics V27.0.1.0: Учебник для вузов. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022.
- Воронина Н.С. Практикум по анализу данных в социологии в программе SPSS: Учебное пособие. М.: ИД «Городец», 2024.
- Кравченко А.И. Анализ и обработка социологических данных: учебник. М.: Кнорус, 2020.
- Красниковский В.Я. Статистическая обработка данных социологического исследования средствами программы SPSS: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки (уровень бакалавриата) 39.03.01 «Социология». М.: Прометей, 2021.
- Крыштановский А.О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS: Учебное пособие для вузов. М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2006.
- Леонов А.К. (составитель) Основы применения SPSS в социологии. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2016.
- Набиуллина К.А., Солодовников В.В., Цыбикова Д.Г. Выпускники социологических факультетов на рынке труда // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 81–91.
- Образцов И.В. Социолог 4.0: вызовы и риски реформирования профессионального социологического образования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. № 1. С. 112–124.
- Панкратова Е.В., Смирнова И.Н., Мартынова Н.Н. Анализ данных в программе SPSS для начинающих социологов: Учебное пособие. М.: ЛЕНАНД, 2018.
- Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. SPSS для социологов: Учебное пособие. – М.: ИСЭПН РАН. 2005.
- Татарова Г.Г. Типологический анализ как элемент социологической методологии // Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура: [монография] / Г.Г. Татарова, Н.С. Бабиц [и др.]; отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 88–155.
- Темницкий А.Л. Учебное исследование по эмпирической социологии. Учебное пособие. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2015.
- Темницкий А.Л. Проектирование социологического исследования в сфере массовых коммуникаций: Учебное пособие. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2022.
- Толстова Ю.Н. Преподавание математики студентам-социологам: проблема и подходы к ее решению // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 111–120.
- Фарахутдинов, Ш. Ф., Бушуев А.С. Обработка и анализ данных социологических исследований в пакете SPSS17.0. Курс лекций: учебное пособие. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.
- Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. Москва: Омега-Л, 2007.

HOW TO TEACH A SOCIOLOGY STUDENT GOOD DATA ANALYSIS USING SPSS

TEMNITSKIY A.L.

MGIMO University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexander L. TEMNITSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Sociological Department, MGIMO University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (taleksandr@list.ru).

Abstract. The paper presents the author's thoughts and explores the process of teaching sociology students to analyze data using SPSS and the course book by N. Voronina, published in 2024. It also provides a brief overview of the available domestic learning materials in SPSS-based data analysis and argues that the genre of course books written by a new generation of researchers and teachers is of relevance. N. Voronina's course book shows an understanding of the specifics of sociology students, as students who still have signs of avoiding information that is heavy in formulas and mathematical terminology, together with an understanding of how important is gaining analytical skills for professional activities. The author argues that this contradiction can be removed by bringing the research methodology to the forefront, while the analysis methods themselves should come second. The author's high level of empathy towards students who study analysis and the use of 232 pictures embracing all the nuances of the applied processes can contribute to effective learning and application of the methods under consideration. The course book outlines all data processing and analysis approaches that may be required to develop the basic skills of a sociology research analyst. Deep and substantial description of regression analysis, decision tree method (CHAID), and discriminant analysis techniques are redundant in this context. Therewith, the author disregards the fact that the most common sociology research method is crosstabs, and its brief overview in the course book is insufficient.

Keywords: data analysis methods, SPSS, sociology students, sociological data, course books.

REFERENCES

- Analysis of sociological data using the SPSS statistical package* (2003) Collection of practical tasks. Novosibirsk. (In Russ.)
- Batygin G.S. (2008) *Lectures on the methodology of sociological research*. Moscow: RUDN. (In Russ.)
- Burova O.A. (2023) Professional preferences of sociology students In: *Modern society: questions of theory, methodology, methods of social research*. Materials of the XXII (correspondence) All-Russian Scientific Conference dedicated to the memory of Professor Z.I. Fainburg. Perm: Publishing house of Perm National Research Polytechnic University. (In Russ.)
- Voronin G.L. (2022) *Statistical data analysis in IBM SPSS Statistics V27.0.1.0*: Textbook for universities. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky. (In Russ.)
- Voronina N.S. (2024) *Workshop on data analysis in sociology in the SPSS program*: Textbook. Moscow: Gorodets. (In Russ.)
- Kravchenko A.I. (2020) *Analysis and processing of sociological data*: textbook. Moscow: Knorus. (In Russ.)
- Krasnikov V. Ya. (2021) *Statistical processing of sociological research data using the SPSS program: a textbook for students studying in the field of study (undergraduate level)* 39.03.01 "Sociology". Moscow: Prometheus. (In Russ.)
- Kryshtanovskiy A.O. *Analysis of sociological data using SPSS package*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Leonov A.K. (compiled) (2016) *Basics of using SPSS in sociology*. Blagoveshchensk: Amur State university. (In Russ.)
- Nabiulina K.A., Solodovnikov V.V. Tsybikova D.G. (2016) Sociology departments graduates in the labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 81–91. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2024) Sociologist 4.0: Challenges and risks for the professional sociological education. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of RUDN University. Series: Sociology]. No.1: 112–124. (In Russ.)
- Pankratova E.V., Smirnova I.N., Martynova N.N. (2018) *Data analysis in SPSS for beginning sociologists*. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Patsiorkovskiy V.V., Patsiorkovskaya V.V. (2005) *SPSS for sociologists*. Moscow: ISEP RAS. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V., eds. (2023) Typological analysis as an element of sociological methodology. In: Tatarova G.G., Kuchenkova A.V., eds. *Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure*. Moscow: FNIS RAN: 88–155. (In Russ.)

- Temnitskii A.L. (2015) *An educational study in empirical sociology*. Moscow: MGIMO-University Publishing House. (In Russ.)
- Temnitskii A.L. (2022) *Designing sociological research in the field of mass communications*. Moscow: MGIMO. (In Russ.)
- Tolstova Yu.N. (2002) Teaching mathematics to sociology students: the problem and approaches to its solution *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2:111–120. (In Russ.)
- Farakhutdinov, Sh. F., Bushuev A.S. (2011) Processing and analysis of sociological research data in SPSS 17.0. Course of lectures. Tyumen: TyumGNGU. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2007) *Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality*. 3rd ed., rev. Moscow: Omega-L. (In Russ.)

Коротко о книгах

Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация / Отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 432 с.

Вниманию читателей представлен анализ наиболее значимых тенденций социально-политического и социокультурного развития страны, которые определялись рисками как внешнего, так и внутреннего характера, растущими на фоне таких геополитических процессов, как проведение специальной военной операции и санкционная политика стран Запада. Приводятся результаты эмпирических социологических исследований, анализируются актуальные проблемы социально-экономических и социально-политических отношений, влияющих на социальную тревожность и политические настроения в российском обществе. На основе изучения структуры доминирующих политических ценностей и эволюции идеологических приоритетов российских граждан, особенностей цифровизации социальной жизни и политических отношений, специфики функционирования политической сферы выделены тенденции развития российского государства и гражданского общества с учетом сложившейся социокультурной и демографической реальности. Монография адресована исследователям, аналитикам, преподавателям, аспирантам, студентам, специализирующимся на изучении социально-политических и социокультурных процессов, политикам, организаторам и активистам избирательных кампаний, управленческому персоналу.

Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2023 / Отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 336 с.

Представленный доклад является ежегодным научно-аналитическим изданием и позволяет на региональном уровне отслеживать динамику изменений и выявлять тенденции в области демографического развития. Особое внимание в докладе уделяется реализации приоритетных направлений Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных в 2022 г. президентом РФ В.В. Путиным. В первом разделе «Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности страны» представлены аналитические материалы, связанные с особенностями регулирования брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения. Второй раздел посвящен анализу региональных особенностей демографической ситуации и включает материалы из следующих субъектов Российской Федерации: Москва, Московская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Ставропольский край, Волгоградская область, Вологодская область, Ивановская область, Калининградская область, Нижегородская область, Свердловская область, ХМАО-Югра. Доклад подготовлен научным коллективом Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Вологодского научного центра РАН, Российского университета дружбы народов, Центра семьи и демографии АН РТ, а также с участием ведущих ученых из анализируемых регионов. Адресован государственным служащим, научным сотрудникам, преподавателям университетов, аспирантам и студентам.

Коленникова О.А. Социальные проблемы рабочей силы в современной России. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 368 с.

В монографии комплексно изложены социальные проблемы рабочей силы в разрезе ее основных категорий: работники, безработные и потенциальная рабочая сила. Анализ сфокусирован на приоритетных отраслях, которые способствуют крайне актуальному повышению самодостаточности экономики, реализуют импортозамещение и инвестируют в физический и человеческий капитал. Среди них отобраны фондосоздающие производства, легкая индустрия, наука и здравоохранение. В ракурсе повышения самодостаточности экономики, которому противоречит нарастающий дефицит кадров, исследованы также вопросы подготовки кадров для индустриальных производств и обеспечения занятости социально уязвимых на рынке труда безработных и трудоспособных инвалидов. Для специалистов, занимающихся теорией и практикой проблем использования трудового потенциала, студентов, аспирантов и преподавателей социально-экономических дисциплин.

Резников М.Ю. Интеграция нейрофизиологических и социологических методов: новые перспективы нейросоциологии. М.: Фонд «Книжный союз» (РКС), 2024. 108 с.

В монографии рассмотрен вопрос о применимости методов функциональной диагностики головного мозга в нейросоциологии, а также предложен новый подход к фундаментальным основам нейросоциологических исследований. Анализ показывает, что методы функциональной диагностики отдельного головного мозга в применении к группе оказываются неэффективными из-за необходимости полной изоляции испытуемого от внешних воздействий, что снижает валидность результатов в контексте исследования социальных взаимодействий и коллективного поведения. Перспективным направлением развития нейросоциологии, которая должна стремиться к использованию методов, наиболее адекватно отражающих специфику изучаемых явлений, является интеграция нейрофизиологических и социологических подходов, что сможет дать понимание сложных взаимосвязей между мозгом и социальным поведением.

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2024 Т. 33)

- № 3.** Лисицын П.П. Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть I: разногласье; Бляхер Л.Е., Леонтьева Э.О. Существует ли социальная группа «мигранты» в Хабаровском крае? (Очерки мифологии миграции); Парфенова О.А., Петухова И.С. Противоречивая роль государства и агентность пожилых в продлении занятости старшего поколения: реконструкция экспертных представлений; Спиридонов Д.В., Полякова И.Г. Феномен отложенного материнства и вспомогательные репродуктивные технологии: социально-экономические и демографические аспекты; Белоусов А.Б. Давыдов Д.А. Городские конфликты в России: между «правом на город» и NIMBY (на примере Иркутска и Новосибирска); Макарова Г.И. Стратегии акторов городского развития и целевой образ нестоличных промышленных городов Татарстана; Лобанов М.М., Лобанова Е.З., Звезданович М. Климатический дискурс в России: от дихотомии климатического сознания к четырем формам климатической политики.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2024. Т. 25)

- № 2.** Шабанова М.А. Ненужные вещи, мусорная проблема и солидарные практики российских потребителей; Этциони А. Счастье – неправильная мера: либеральный коммуникативный ответ на популизм; Юдин И.Б. Социально-демографический портрет и ценностные установки пользователей инвестиционных приложений в России; Коротких Е.В. Образовательно-карьерные траектории «транзитных» студентов: «колледж – вуз»; Ермолин И.В. Исследования нелегального рынка биоресурсов: перспективы экономической социологии.
- № 3.** Радаев В.В. (гл. ред.) Вступительное слово. Коротаев С.А. Историческая семантика концепта «класс» в академической литературе: опыт количественного анализа; Кузина О.Е., Моисеева Д.В. Есть ли взаимосвязь между сберегательным поведением населения, доверием к финансовым институтам и установками на сбережение в современной России; Пфайффер С. Цифровой капитализм и распределительные силы; Федотов Д.Ю., Инкижинова С.А., Шкурин Д.В. Измерение коррупции в Иркутской области: социологический подход; Калинина В.О. Харизма и повседнежность в экономическом поле; Пашков С.Г. Неэкономическое устройство потребительских настроений: роль социальной укорененности в анализе изменчивости ожиданий.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2024)

- № 2.** Ильин М.В. Фундаментальный вызов. Упущены ли возможности политической науки? Харкевич М.В. Преодоление апокалипсиса в плюралистическом пространстве поэтики и политики; Лебедева М.М., Гавриленко Н.В., Захаров Д.С., Кучеров М.А. Возможности переноса теоретического опыта мировой политики на другие дисциплины; Мчедлова М.М. Религия в проектах современности: между алармизмом, политической целесобразностью и утопией; Кравченко С.А. Синергия сложности как императивный принцип организации власти в цифровую эпоху: новые вызовы человеческому капиталу; Сморгун Л.В. Обоснование политического выбора от вероятности и институтов к коммуникации; Соловьев А.И. Агенты и механизмы политического господства, или Как правит выигрышная коалиция; Ахременко А.С. Отключение интернета как теоретическая проблема политической науки, или Что мы (не) понимаем в сетевой протестной мобилизации; Кулаев М.А. Понятие трансформизма в грамшианских теориях и его применение к изучению общественных движений; Стрежнева М.В. Особенности фискальной интеграции в Европейском союзе; Клинова М.В., Никитин А.И. Политика Франции по обеспечению европейской стратегической автономии в освоении космоса; Бабиц Н.С. Эффект «фальсификации предпочтений»: взлет и падение массовой поддержки М.С. Горбачёва.
- № 3.** Сучков М.А. Иностранное вмешательство как форма межгосударственного противоборства: типы и мотивы; Севостьянов П.И., Мизин В.И. Контроль над ядерным оружием, климатические изменения и киберугрозы: три проблемы или одна? Туронк С.Г. Ойко-

фобия и кризис западной цивилизации; Капустин Б.Г. О метафоре «революции – локомотивы истории»; Мартянов В.С. Благими намерениями федерализма; Бочарова А.П., Лукин А.В., Пузанова О.В. Социальные сети как источник изучения политической культуры современного Китая; Соколыщик Л.М., Соколыщик Ю.С., Теремецкий К.С. Дискурсивные стратегии легитимации санкционной политики США в отношении России (1921–1923); Чугров С.В. Как национальная политическая культура влияет на международные отношения: случай Японии; Розов Н.С. Политическая (де)модернизация России 1990-х годов: поворотные события и модели конфликтной динамики; Снарский Я.А. Две истории защиты Шихана Куштау, этноэкологическая мобилизация и издержки неопатримониализма.

- № 4.** Авксентьев В.А., Аксумов Б.В. Официальный дискурс нацистроительства на постсоветском пространстве (на примере России, Казахстана и Белоруссии); Лошкарев И.Д., Копытцев И.С. Рынок безопасности в Африке: место России и новые возможности; Чистиков М.Н. Партийно-политическая динамика в Норвегии как фактор российско-норвежских отношений; Зубарев Н.С., Морева Ю.Е., Понарин Э.Д. Субъективное благополучие и национальная гордость россиян: анализ причинно-следственных связей; Никольская М.В., Никулин М.А., Ралафиариндаза М. Восточноафриканская интеграция и концепция кризисной устойчивости; Павлов В.В. «Конвейер идей» во внешней политике США и сопутствующая проблема доверия акторов международной системы; Арбатова Н.К. Отношения Евросоюза с США и НАТО: дилеммы евроатлантизма; Алексеев Е.С. Закат популизма? Кризис доверия и партии политической альтернативы в современной Италии; Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития; Лапкин В.В. Эволюционный аспект трансформации миропорядка; Стоянов Р.Р. Политический реализм между американским республиканизмом и немецким элитаризмом; Обичкина Е.О. «Наш ложный друг Америка» или Ностальгия по Голлизму.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2024. Т. 15)

- № 2.** Скрыдлов А.Ю. Демидовские премии Императорской Академии наук в истории российской статистики (1832–1865); Ключева В.П. «Нельзя концентрировать научную работу только в центре»: академическая наука на российском севере; Цзючжень Чжан, Фанг Ван, Феклова Т.Ю. На пути к научно-техническому планированию в Китае в 1950-х годах; Синельникова Е.Ф., Соболев В.С. Из истории научной работы в общественных высших учебных заведениях России в начале XX века; Николаенко Г.А. Научная коммуникация и контркризисные инициативы в условиях пандемии: активизм знаний; Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. Цифровое взаимодействие молодежи и власти: мотивация и барьеры; Малахов В.А., Узюмова Н.В. Российская наука на перепутье: волатильность миграционных настроений и новые модели международного сотрудничества; Селеткова Г.И., Лазукова Е.А., Рыбьякова А.В., Нассонов М.С. Практики селф-трекинга среди городской молодежи; Бороноев А.О. Знаковое исследование. К 45-летию издания книги «Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века» (под ред. чл.-корр. АН СССР Б.А. Чагина. Л.: Наука. 1978, 415 с.); Савченко И.А., Золотарев М.И., Буланова И.С. Алгоритмизированный анализ речевосприятия в дискурсивных исследованиях города; Пискунова А.Е. Вопросы пространства и времени в социальных исследованиях природных ресурсов; Ермолаева Ю.В. Социотехнические трансформации органического сельского хозяйства в России через призму концепции многоуровневой перспективы.

INTER. Интеракция. Интервью. Интерпретация

(2024 Т. 16)

- № 1.** Симонова О.А, Вайзер А.В Приглашать или не приглашать в социологию? Размышление над критическим эссе П. Бергера «(Не)приглашение в социологию»; Лопаткова А.Р. Оценивание современного искусства в процессе производства, дистрибуции и потребления; Байша Н.С. (Не)зависимость и (не)безопасность медсестринского труда в контексте пандемии: современные эмпирические подходы; Ильин В.И., Снегур М.Р. Технологии конструирования перформативной национальной идентичности (на материалах русскоязычной социальной сети); Ходоренко Д.К. Забота женщин о своем здоровье в условиях ограниченных ресурсов; Сабля А.А. Оценка экономической эффективности социальных технологий: потенциал когнитивного интервью.
- № 2.** Омельченко Е.Л. Забытое поколение Х. Ретроспективный взгляд из будущего; Нартва Н.А. Метафорические основания поколенческого воображаемого городской российской молодежи; Балацук Е.С., Кресникова Е.В. Трудовые ценности в поколенческом аспек-

те на примере младших миллениалов Санкт-Петербурга; Кузинер Е.Н. Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в сенситивных полях; Салангина О.Н. Особенности межпоколенческой семейной коммуникации миллениалов с родителями: отношение к браку; Жеско Э.М., Петрухин Л.Н. Интерсекциональный подход к изучению неравенства: групповой научно-образовательный проект.

СОЦИОЛОГИЯ. ЖУРНАЛ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

(2023)

- № 4.** Данилов А.Н. Виртуальный мир и рождение нового человека; Щербин В.К. Астросоциология или космосоциология: как будет называться наука о человеческой метавселенной? Кирвель Ч.С., Кирвель О.Ч. Империя как форма социально-политического бытия России; Титаренко Л.Г. Мировые социологические конгрессы: история и современность; Кучко Е.Е., Вишнякова М.В. Обоснованная теория как стратегия качественного исследования; Гаврилюк О.Н. Культура имеет значение: поворот к исследованию культурных факторов экономического развития в социально-гуманитарном знании; Салтанович И.П. Социальность процессов цифровой трансформации; Золотарева А.В. Методологические основы построения системы дополнительного образования детей в России; Рыбакова Е.Р., Иванов И.Ю. Образ школьного образования в советском кинематографе: социологическая перспектива; Андреев С.Е. Инновационный потенциал современного университета; Мальцева А.В., Шилкина Н.И., Похомова А.А. Социологические исследования речевой репрезентации волонтерского движения на материалах социальной сети «ВКонтакте»; Шейнов В.П. Опросник коммуникативных умений для подростков и взрослых: его надежность и валидность.

(2024)

- № 1.** Данилов А.Н. Давид Генрихович Ротман; Неоконченное интервью. Докторов Б.З.; Антонович И.И. Приоритеты геополитики в контексте кризиса однополярного мира; Злотников А.Г. Объективные и субъективные факторы демографического развития Республики Беларусь; Щербин В.К. Многообразие типов новой экономики и подходы к их изучению; Данилов А.Н. Ответ университетов на новые вызовы времени: синтез традиций и новаций; Неделевская И.Г. Концептуализация социальной субъектности молодежи в социологических исследованиях советского и постсоветского периодов; Сакович А.Ю. Социология провинции как новое исследовательское направление; Пунченко А.П., Водопьянов П.А. Формирование и развитие ноосферного вектора в образовательной парадигме XXI в. Дюбова-Жерносек Т.П. Развитие экологической культуры студентов при реализации эвристического подхода к обучению; Кирилович Н.В. Информационная культура преподавателей Белорусского государственного университета; Белов А.А., Похомова А.А., Согдаева Л.А., Филинская Л.В. Лонгитюдное исследование белорусской семьи по методологии программы: «Поколения и гендер»; Беленький А.М. Пространство литературных вкусов белорусских читателей: социологический аспект; Денискина А.И. Социальный портрет успешного белорусского работника в условиях цифровизации общества: профессиональные цифровые компетенции и персональная конкурентоспособность.
- № 2.** Данилов А.Н. Профессия, «расколдовывающая» общество: кафедре социологии БГУ 35 лет; Румянцева Т.Г. Две стратегии прочтения проекта вечного мира И. Канта: космополитизм vs этатизм; Дождикова Р.Н. Когнитивно-аксиологические идеи И. Канта и обыденное познание; Лобастов Г.В. От воспоминаний к философии: к 100-летию Э.В. Ильенкова; Бабосов Е.М., Баньковская Ю.Л. Онтологическим основанием философии-социологического осмысления информационной войны; Хуан Янь, Смоляков Д.А. Внешняя политика Китая в условиях глобальной турбулентности на примере реформы институтов Конфуция; Злотников А.Г. Современная миграционистика Беларуси; Титаренко Л.Г. Культура использования цифровых инновационных технологий студентами: проблемы и риски; Шкурова Е.В., Новицкий Е.Н., Цэвээн Цэцэнбилэг. Особенности цифровых практик молодежи в Беларуси и Монголии; Шейнов В.П., Девицын А.С. Короткая версия опросника прокрастинации: надежность, валидность, факторная структура.

Подготовил А.А. ЗОТОВ

INTERNATIONAL SOCIOLOGY

2024

- № 4. Сон Чжунмо. Соотношение генерализованного доверия, социальных сетей и социальных ресурсов в 30 странах; Чой Миньчжу, Лерч Дж. Как сегодня изображают иммигрантов и беженцев в учебниках, 1963–2011; Тянь Сиджу, Яо Янгуан. Дамоклов меч над кадрами выдвинутых в Китае: к пониманию отчетности при проведении кампаний; Максвелл К. и др. Управление затянувшимся замещением: как укоренение формирует «выжидательную агентность» украинских беженцев в Берлине; Уэда Х. Послевоенная модель питания японцев: попытка социологического объяснения современной полупрессованной пищи; Бай Хуа и др. Уход дедов и бабушек за детьми и женская рабочая сила в китайских семьях с маленькими детьми: данные панельных исследований китайской семьи.

CURRENT SOCIOLOGY

2024

- № 4. Оценка социального воздействия (ОСВ): новые пути прикладных социальных исследований перед лицом современных глобальных вызовов. Ортис Г., Аледо А. Необходимость слияния социологии и оценок социального воздействия в эпоху глобальных перемен; Хоувитт Р., Джолли Д. Восстановление связей с социальным: онтологические основы ОСВ с новыми целями и новым масштабом социального воздействия; Шеррен К. и др. Социальные СМИ и ОСВ: развитие методов в меняющемся контексте; Демайорович Ж. и др. Новая рамка социального согласия с проектами добычи ископаемых: роль ОСВ в бразильской Амазонии; Аснар-Креспо П. и др. Процессы возникновения социальных уязвимостей к рискам наводнений: предложения от стратегическому управлению социальных последствий; Империа-ле А.И., Ванклей Ф. От ОСВ на основе проектов к ОСВ на базе человеческих общностей: новые пути ОСВ для повышения устойчивости общин и активизации мер по снижению риска катастроф и борьбе с изменением климата; Кругер Л. Оптимизация ОСВ и оценок риска катастроф в XXI веке – взгляд из Южной Африки; Парсонс Р., Мотти Л. Изучение равенства в ОСВ; Мартинес Н. Анализ взаимосвязей глобальной климатической политики и местных контекстов: возобновляемые источники энергии, борьба общин и социальные последствия; Ванклей Ф. 50 лет оценкам социального воздействия: достигают ли они цели?

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

2024

- № 4. Смол М. и др. Избегать прочных уз; Даксбери С.У. Сотрудничество по вопросам мест заключения: Поляризация политической элиты и рост сетей федерального уголовного законодательства; Че Юнь Лим, Дингеман В. Действительны ли уроки гражданственности? Религиозность и добровольчество на пути к взрослому возрасту; Нуссио Э. «темная сторона» общественных уз: коллективное действие и суд линча в Мехико; ван дер Вааль Х. и др. Успехи исследования стратификации измерением не декларируемого культурного капитала: национальное популяционное исследование, объединяющее данные IAT (имплицитный ассоциативный тест) и опросов; Явас М. Белые воротнички отпадают: как «хорошие рабочие места» подводят элитных работников.

AMERICAN JOURNAL OF SOCIOLOGY

2024

- № 1. Берт Р. и др. Гуанси и структурные дыры: сильные мосты от реляционных корней; Шлахтер Л.Х., Арсельссон К.М. Гражданский труд: когда есть разница во времени и без временных ограничений; Хван К. Чж., Филлипс Д. Предпринимательство как реакция на дискриминацию рынком труда бывших заключенных; Барнс Л. и др. Гальванизация «несостоявшейся революции»: процессы и смыслы бинарности ребенок/взрослый в социальном конструировании возраста; Ким Миньчже и др. Когда истина сильнее фактов: исследование пристрастий моральной гибкости в американской политике; Дэйе К. Хорошая социология и будущая организация социальных исследований.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

2024

- № 4. Элер И. и др. Грязный воздух – удел иммигрантов в Германии: частично дело в урбанизме; Хаддад М. Влияние детей на пути мигрантов из французских заморских территорий в континентальную Францию; Лабюсьер М. Сроки получения гражданства и результаты обучения детей иммигрантов: подход с фиксированными эффектами семьи; Тянь Жань Лай и др. Разные пути: влияние исходного правового статуса на социоэко-

номический и гражданский исход нахождения иммигранта во Франции; Шмидт К. и др. Близость к месту нахождения беженцев не влияет на отношение местных к беженцам: немецкие данные; Каницар Г. Оставить байк не пристегнутым: дискриминация доверия в межнациональных контактах; Шор Ф., ван де Рийт. Расовая предвзятость в медийной рекламе: данные о структурной позиции и общественном интересе; Тутич А. и др. Двупроцессный подход к отношению между имплицитными установками и дискриминационным поведением; Кратц Ф. Освободительный эффект счастья? Влияние улучшения и ухудшения в разных измерениях субъективного благополучия на озабоченность иммиграцией; Жирнов А. и др. Прекарность и популизм: объяснение популистских взглядов и популистского голосования в Европе субъективной финансовой и трудовой неуверенностью; Сипма Т. и др. Партнер-популист: влияние качеств партнера на голосование популистов за крайне правых.

SOCIOLOGICAL BULLETIN

- № 3. Геллнер Д.Н. Устойчивость иерархии: парадоксы господства и Немале и за его пределами; Джаярам Г.Н. Между традицией и модерном: о социологическом прочтении «Сахей Биби Голам» Бимали Митры; Ролуахпуйя. Религия, идентичность и племенные субнациональные виды политики в Индии; Деви Р., Рай С. Мы знаем, что хорошо для нее: хунар и приличествующая женщине работа.

JOURNAL OF CLASSICAL SOCIOLOGY

- № 3. Осес Бермехо Х.Х. Дюркгейм, религия и постколониальная критика евроцентризма социологии; Маротта М. Расколдованный мир: Макс Вебер о магии и модерне; Кротерс Ч. Традиция послевоенной Колумбии в социологии: ее когнитивные сходства и социальные механизмы; Кинг Э. Демонтаж актанта: хвала теории «актор-сеть». Швартц Д. О книге Л. Вакана «О формализации Бурдьё для урбанистских исследований и др.».

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 9

SOCIAL POLICY. SOCIAL STRUCTURE

- 3 MAREEVA S.V. Monetary and Non-Monetary Inequalities in Modern Russian Society: Dynamics of the Recent Decade
- 17 LATOVA N.V. Satisfaction of Russians with Different Aspects of Life: Ten-Year Trend Against the Background of Socio-Economic Crises
- 30 OKOLSKAYA L.A. Emotions of Russians in 2014–2024

ETHNOSOCIOLOGY

- 43 POPKOV Yu.V. Anthropologist Overturn and Challenges for Ethno-Sociology (Invitation to Discussion)
- 56 RYZHOVA S.V. Value Pillars of Russian' Identity under Conditions of Foreign Challenges
- 67 KUZNETSOV I.M. Dynamics of Changing Profile of Russian Identity in 2021–2023 (the case of the Republic of Sakha (Yakutia))

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- 79 TIOURINA I.O., KLIUCHAREV G.A. The Results of the "5-100 Project": Projection on the Employment of Graduates
- 89 CHEREDNICHENKO G.A. Engineering Training in the Structure of Higher Education and Professional Choice of Youth

SOCIOLOGY OF MASS COMMUNICATIONS

- 100 XUE RANRAN, LUKIN A.V., BOCHAROVA A.P. Developing Stereotype "The Fighting People" of Russians (Discourse and Content-Analysis of China Media and On-line "Weibo" Networks)

SOCIOLOGY OF GOVERNANCE AND ADMINISTRATION

- 114 BALABANOVA E.S., DANILOVA K.I. Abusive Supervision as a Social Phenomenon: Causes and Coping Strategies

HISTORICAL SOCIOLOGY

- 125 GORSHKOV M.K., BARASH R.E. Historical Memories of Russians Today (history of the XX century Russia in the optics of families' stories)

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 138 CHICHININA E.A., TVARDOVSKAYA A.A., VERAкса A.N. Active and Passive Screen Time for Children Aged 5–6
- 145 ZHEGUSOV Yu.I., MAXIMOV T. Kh. Public Perception of Climate Change Impact on Living Conditions in a Cold Region (the case of the Republic of Sakha (Yakutia))

ACADEMIC EVENTS

- 152 ZYRYANOV V.V. Doctor's Dissertations in Sociology Successfully Defended in 2023

ANNIVERSARY

- 154 Congratulations to O.V. Aksenova
- 156 Congratulations to Z.T. Golenkova
- 158 Congratulations to A.Yu. Chepurenko

REFLECTIONS ON A NEW BOOK

- 159 TEMNITSKIY A.L. How to Teach a Sociology Student Good Data Analysis Using SPSS?

169 BOOKS IN BRIEF

170 JOURNALS' GUIDE

175 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)